

ОГОНЁК
№ 17 АПРЕЛЬ 1949
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Коломенский паровозостроительный завод имени Куйбышева. На верхнем снимке (слева направо): конструктор В. П. Соловьев, ведущий конструктор завода, лауреат Сталинской премии, В. Д. Уткин и старший мастер А. Д. Вяткин у нового паровоза серии «Л». На нижнем снимке: токарь-стахановец И. С. Алексеев, работающий на заводе более 40 лет, за обточкой скатов.

Фото В. Гребнева

На первой странице обложки: весенний сев на Кубани. Инициатор соревнования за отличное качество полевых работ бригадир тракторной бригады Михайловской МТС, Краснодарского края, Иван Шацкий (справа), агротехник П. Федин и член правления колхоза «Красный Аксай» И. Костенко проверяют глубину заделки семян.

Фото Я. Рюмкина

На последней странице обложки: занятия физкультурой в спортивном зале 315-й школы г. Москвы.

Фото Дм. Бальтерманца

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 17 (1142) 24 АПРЕЛЯ 1949

27-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Двадцать лет назад на ленинградском заводе «Красный выборжец» был подписан первый в нашей стране договор на социалистическое соревнование. Инициаторами договора выступили обрубщики М. Е. Путин и Б. Д. Круглов.

На снимке: в клубе завода «Красный выборжец». Встреча инициаторов социалистического соревнования М. Е. Путина (ныне начальник строительно-монтажного управления) и Б. Д. Круглова (ныне инженер-полковник авиации) с молодыми рабочими завода.

На стене картина, изображающая подписание договора на социалистическое соревнование бригадой М. Е. Путина в 1929 году (в центре сидит Б. Д. Круглов, справа стоит М. Е. Путин).

Фото Д. Трахтенберга

(См. очерк «На родном заводе»).

ЗНАМЯ НАШИХ ПОБЕД

С. СУТОЦКИЙ

Четверть века прошло с тех пор, когда товарищ Сталин выступил в Свердловском университете со своими знаменитыми лекциями «Об основах ленинизма».

Народ и партия переживали тогда горечь невозместимой утраты — кончины Владимира Ильича Ленина. Взоры всего советского народа были устремлены к тому, кто по праву принял в свои руки и высоко поднял непобедимое ленинское знамя, кто бесстрашно встал на страже чистоты ленинизма, сплотил партию вокруг заветов Ленина и, сокрушая сопротивление презренных капитулянтов — троцкистов и зиновьевцев,— повел нашу страну широкой дорогой вперед, к коммунизму.

Минувшее двадцатипятилетие было периодом всемирноисторических побед, одержанных советским народом под знаменем Ленина, под водительством Сталина. Это эпоха торжества ленинизма в нашей стране, великих побед ленинизма во всем мире. Советский народ и его авангард — партия большевиков — побеждали и побеждают своей непоколебимой верностью ленинизму, бессмертным идеям Ленина, творчески развитым, обогащенным новым опытом борьбы и социалистического строительства в гениальных трудах Иосифа Виссарионовича Сталина.

Великий Сталин — самый близкий и верный ученик и соратник Ленина, неутомимый пропагандист и продолжатель его учения и дела, организатор масс на борьбу за осуществление ленинских идей. Таким запечатлела Сталина история нашей партии в первые годы становления большевизма. Таким был Сталин на всех этапах борьбы за победу социалистической революции и построение социалистического общества в нашей стране. Таким видим мы Сталина в наши дни и говорим с любовью и гордостью: Сталин — это Ленин сегодня.

В лекциях «Об основах ленинизма», изданных затем в миллионах экземпляров на языках народов нашей страны и народов мира и ставших одной из наиболее распространенных книг на земном шаре, товарищ Сталин дал мастерское изложение и глубокое теоретическое обоснование ленинизма под углом зрения современной исторической эпохи. Гениальный труд товарища Сталина — гигантский шаг вперед в развитии науки марксизма-ленинизма.

В своей работе «Об основах ленинизма» товарищ Сталин поднял на огромную принципиальную высоту все вопросы ленинского учения, с исчерпывающей глубиной охарактеризовал всемирноисторическую роль Ленина, не только возродившего революционное содержание марксизма, замуравленное оппортунистами II Интернационала, но развившего марксизм дальше, в новых условиях капитализма и классовой борьбы пролетариата.

Товарищ Сталин показал в своей работе неразрывное единство, целостность и преемственность учения Маркса и Ленина, единство марксизма-ленинизма, дал классическое определение ленинизма, как марксизма эпохи империализма и пролетарской революции, как теории и тактики пролетарской революции вообще, теории и тактики диктатуры пролетариата в особенности. Товарищ Сталин показал интернациональный характер ленинизма, как учения, имеющего корни во всем международном развитии, охарактеризовал ленинизм, как теорию и тактику международного пролетарского движения, и Ленина, как вождя революционного пролетариата всего мира. Исторические корни ленинизма и его метод, ленинская теория пролетарской революции и основные положения ленинизма по вопросам диктатуры пролетариата, по крестьянскому и национальному вопросам, ленинское учение о революционной стратегии и тактике и о партии пролетариата, стиль ленинизма — все эти вопросы с исключительной полнотой и во всей своей глубине разработаны в лекциях товарища Сталина.

Сталинская работа «Об основах ленинизма» имела неоценимое значение для идейного разгрома контрреволюционного троцкизма, для защиты, обоснования и дальнейшего развития учения Ленина. Товарищ Сталин конкретизировал отдельные положения ленинизма в связи с новыми данными общественного развития, в первую очередь в связи с новым опытом, рожденным победоносной социалистической революцией и установлением диктатуры пролетариата в нашей стране. Товарищ Сталин сформулировал основные положения о ленинизме применительно к новому этапу революционной борьбы пролетариата капиталистических стран и национально-освободительной борьбы колониальных народов в обстановке, сложившейся под воздействием советской революции, которая нанесла сильнейший удар по всей системе мирового империализма.

С появлением работы товарища Сталина «Об основах ленинизма» партия большевиков и советский народ, братские коммунистические партии во всем мире получили новое могучее идейное оружие. Сокровищница марксистско-ленинской теории обогатилась замечательным научным трудом выдающегося теоретического и практического значения. Эта книга товарища Сталина вооружила тогда, четверть века назад, и вооружает теперь нашу партию и наш народ, весь мировой демократический, антиимпериалистический лагерь острым оружием марксизма-ленинизма, боевого революционного учения, проверенного и подтвержденного историческим опытом строительства социализма в СССР.

Мы, советские люди, и все, кто сегодня ведет борьбу против империалистической реакции,— мы вновь и вновь изучаем сегодня бессмертные творения Ленина и Сталина. Мы вновь и вновь припадаем к неиссякаемому роднику ленинско-сталинской мудрости, и силы наши крепнут, и вера в победу растет.

Работа товарища Сталина «Об основах ленинизма» укрепляет в каждом из нас чувство советской национальной гордости, высокое и благородное чувство гордости славным революционным прошлым нашей Родины и величием ее социалистического настоящего. Читая Сталина, мы по праву гордимся тем, что Россия явилась той страной, где впервые в мире поднялась и победила величайшая народная революция. Мы гордимся тем, что только в России существовала реальная сила, смогшая разрешить противоречия империализма революционным путем. Эта реальная сила — передовой революционнейший в мире пролетариат нашей страны, имевший такого серьезного союзника, как революционное крестьянство России, и возглавленный великой партией большевиков — партией Ленина—Сталина.

Читая Сталина, мы по праву гордимся тем, что борьба и победа российского пролетариата оказала свое благотворнейшее влияние на мировое развитие, что она потрясла самые основы мирового империализма. В своих лекциях «Об основах ленинизма» товарищ Сталин подчеркнул, что русские коммунисты, возглавившие революционную борьбу масс в нашей стране, не ограничились в своей работе узко национальными рамками русской революции. Русские коммунисты и революционный рабочий класс России оказали неоценимую услугу мировому пролетарскому движению. Они вскрыли язвы империализма, доказали неизбежность краха капитализма, разбили социал-шовинизм и социал-пацифизм и, свергнув в своей стране капитализм, выковали для пролетариата всего мира новое оружие борьбы, теорию и тактику пролетарской революции. Пройдут века и тысячелетия, но в летописях истории и в сознании людей никогда не увянет слава России, ставшей очагом революционной теории и тактики международного пролетариата — ленинизма, слава России, давшей миру творца ленинизма — великого Ленина.

Книга Сталина открыла перед нами неоценимое богатство идейного содержания ленинского наследства, научила нас применять идеи Ленина в жизни, в работе, в борьбе и в быту. Великая книга зовет и ведет нас к великой цели — строить новую жизнь, новый быт, новую культуру по Ильичу.

Вся история нашей партии и нашего народа на протяжении минувшего двадцатипятилетия, борьба и труд миллионов советских людей, построивших социализм и успешно идущих теперь к коммунизму,— вся жизнь и деятельность наша неразрывно связана с замечательной книгой И. В. Сталина. По этой книге учились мы ленинизму, в ней находили ответ на все вопросы, встававшие перед нами в самые трудные моменты. Гений Сталина освещал нам ленинский путь, воля Сталина вела нас на штурм преград, на преодоление любых, казавшихся непреодолимыми, трудностей во имя торжества ленинских идей.

На лесах Магнитки и Кузнецка, в бескрайних просторах Казахстана и Сибири, в городах и селах необъятной нашей страны советские люди героическим трудом своим воздвигали величественное здание социализма. И книга Сталина помогала нам: по ней мы советовались с Лениным и Сталиным, вдохновлялись для борьбы, учились побеждать.

Осуществляя сталинский план строительства коммунизма, мы черпаем из этой книги знания законов революционной борьбы, постигаем по ней основы учения, поднявшего нас к активной деятельности, закалившего нас и давшего нам неодолимую силу.

Книга Сталина — боевое оружие трудящихся и угнетенных во всем мире. Не в просторных, залитых светом читальных залах, а в подпольных кружках, на нелегальных собраниях, таясь от преследований, но не страшась наказания, изучали и изучают эту книгу многие тысячи передовых рабочих и интеллигентов в капиталистических странах. Произносимые шопотом, слова сталинской книги жгут сердца людей, глубоко западают им в душу, зовут к упорной борьбе. Как боевой стяг, берегут коммунисты всех стран эту книгу товарища Сталина, и она — их знамя, их первый советчик и друг. Скольких чистых сердцем привела она на передовые позиции борьбы против угнетателей-капиталистов! Скольких сделала она самоотверженными героями великой армии демократии, поднявшейся на смертный бой против империалистической реакции!

Прошли годы — богатейшее событиями бурное и славное двадцатипятилетие. Опыт этого периода истории нашей страны и мировой истории вновь неопровержимо подтвердил правильность ленинского учения, творчески развитого в теоретических трудах товарища Сталина и в практической деятельности партии под его водительством. То, чему свидетелями являемся мы теперь, есть результат самоотверженного труда нашего народа, одухотворенного великими идеями ленинизма. Это результат гениального сталинского руководства страной, партией и всем советским народом.

Идеи, развитые в сталинском труде «Об основах ленинизма», воплотились в действительность, в повседневную жизнь Советской страны, в труд и быт многомиллионного советского народа. Социализм победил в СССР во всех областях нашей жизни. Россия — родина ленинизма — осуществила за прошедшее двадцатипятилетие огромную задачу объединения многонациональных советских республик в единое союзное социалистическое государство. Старший среди равных, русский народ высоко пронес знамя боевого пролетарского интернационализма, примером и делом своим помог ранее отсталым и забитым народам встать на путь социалистической жизни, укрепить свою государственность, на невиданно высокий уровень поднять экономику и добиться расцвета культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию. Великий русский народ, давший миру Ленина, в этот период с новой силой проявил присущий ему ясный ум и стойкий характер, проявил себя наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Революционный метод ленинизма, с такой глубиной охарактеризованный, конкретизированный и развитый дальше товарищем Сталиным, полностью победил в нашей стране. Он стал единственным методом нашей партии, всего советского народа. На основе применения этого метода добыты те всемирноисторические победы, которыми ныне по праву гордится каждый советский человек, — победы ленинизма, вдохновленные и осуществленные гением Сталина.

С предельной ясностью, наглядно и убедительно раскрыл товарищ Сталин глубочайшую разницу между антинародной, лживой «демократией» буржуазного строя и подлинно народной демократией, воплощенной в советском государстве. Приводя с новой силой звучащие сегодня ленинские слова о том, что Англия и Америка скатились в «грязное, кровавое болото бюрократически-военных учреждений, все себе подчиняющих, все собой подавляющих», товарищ Сталин противопоставляет этой буржуазной «демократии» развернутый, действительный демократизм нашего советского строя. «...Советы,— говорит товарищ Сталин, — являются **непосредственными** организациями самих масс, то есть **наиболее демократическими** и, значит, наиболее авторитетными организациями масс, максимально облегчающими им участие в устройстве нового государства и в управлении им и максимально развязывающими революционную энергию, инициативу, творческие способности масс в борьбе за разрушение старого уклада, в борьбе за новый, пролетарский уклад».

В неодолимой и все крепнущей мощи советского государства, в союзе рабочего класса и крестьянства, в нерушимом братстве всех народов, населяющих нашу страну, видим мы сегодня торжество идей Ленина — Сталина, практическое осуществление положений, изложенных товарищем Сталиным в его работе «Об основах ленинизма».

Товарищ Сталин дал в своих лекциях замечательную характеристику созданной Лениным партии большевиков, как партии нового типа, «партии боевой, партии революционной, достаточно смелой для того, чтобы повести пролетариев на борьбу за власть, достаточно опытной для того, чтобы разобраться в сложных условиях революционной обстановки, и достаточно гибкой для того, чтобы обойти все и всякие подводные камни на пути к цели». Товарищ Сталин охарактеризовал значение и роль партии в условиях диктатуры пролетариата, роль партии в борьбе за укрепление и расширение диктатуры пролетариата в интересах полной победы социализма. Прошедшее двадцатипятилетие показало, что партия большевиков, вооруженная ленинско-сталинской стратегией и тактикой, ленинским методом и ленинским стилем работы, блестяще справилась со всеми стоявшими перед нею сложнейшими задачами, организовала победоносное строительство социализма в нашей стране и ведет советский народ по пути завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму.

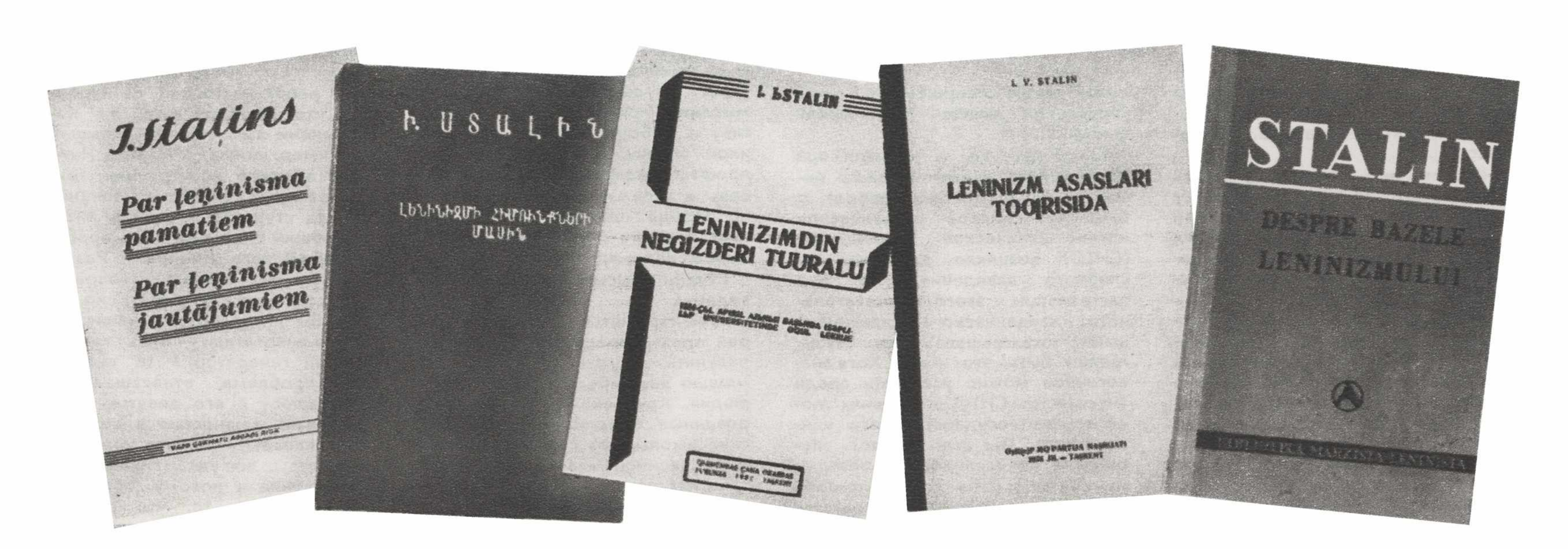
Ленинизм полностью восторжествовал в нашей стране. Ленинизм одержал великие победы во всем мире. Пример Советского Союза и героической партии большевиков вдохновил народы во всех уголках земного шара. Братские коммунистические партии еще теснее сплотили массы трудящихся вокруг знамени Ленина — Сталина.

Карта мира теперь выглядит по-иному. Соотношение сил между двумя системами, действующими на мировой арене,— между социалистической и капиталистической системами — изменилось в пользу социализма. С помощью Советского Союза народы ряда стран Центральной и Юго-Восточной Европы, руководимые коммунистическими партиями, навсегда покончили с капитализмом, создали новые, народные демократические режимы, прочно встали на путь социалистических преобразований. Они идут вперед, воодушевляемые нашим примером и нашим опытом, вдохновляемые бессмертными идеями Ленина—Сталина.

Возникновение новых, народно-демократических режимов в ряде стран, все нарастающий подъем демократического движения масс в странах капитала против империалистической реакции, огромный размах национально-освободительной борьбы угнетенных народов колоний — все это яркие и убедительные свидетельства огромного революционизирующего и организующего значения ленинских идей, для которых нет границ, нет преград и которые побеждают и побеждают во всем мире.

Растет и крепнет Советский Союз — воплощение идей ленинизма. С любовью и надеждой взирают на него трудящиеся и угнетенные капиталистических стран, и в сознании их зреет идея борьбы за новую, лучшую жизнь, за торжество принципов социализма и демократии.

Наши ряды тесно сплочены вокруг великого ленинского знамени, нас ведет гениальный продолжатель ленинского дела — Сталин. Мы с гордостью оглядываемся на пройденный путь и смело смотрим вперед. Там, впереди,— коммунизм, светлое будущее всего человечества. Во имя победы коммунизма неустанно наращивает производительность труда рабочий, обеспечивает высокий урожай колхозник, двигает вперед науку ученый. Весь советский народ охвачен единой мыслью, единым стремлением: вперед и вперед! Под знаменем Ленина, под водительством Сталина — вперед, к коммунизму!

ЧЕТВЕРТАЯ ФАЗА

Владимир **КЕДРОВ**

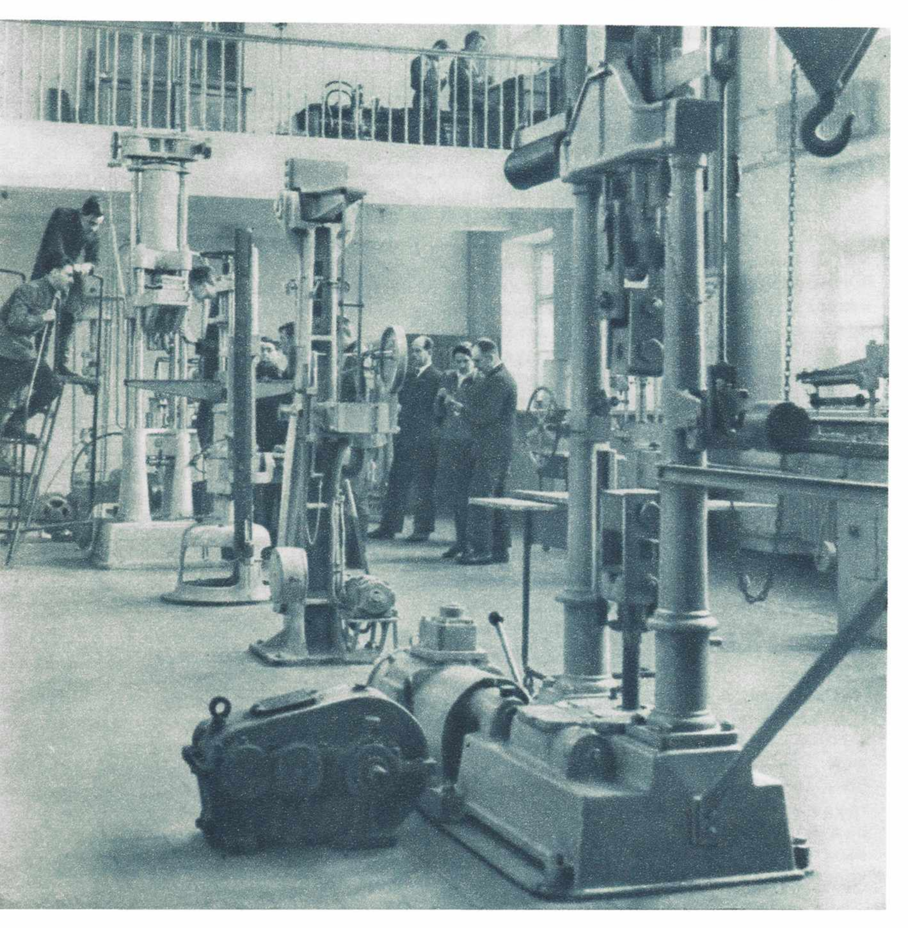
Фото В. Евграфова

Тихий вечер спускается на Лефортово. Огни еще не горят, мягкий, лиловатый сумрак окутывает дома и палисадники, скользит меж деревьев парка, круто сбегающего к берегу Яузы. В этом месте Яуза делает капризный, причудливый зигзаг и, расширяясь, устремляется в объятья своей старшей сестры, Москвы-реки.

Лефортово... Старинная московская окраина. На пустырях, между рекой Яузой и полотном железной дороги, раскинулись кварталы больших, многоэтажных зданий. Это «владения» лучшего вуза Москвы, крупнейшей технической школы страны — ордена Ленина Московского энергетического института имени В. М. Молотова.

В тот час, когда над Яузой вспыхивают бусины электрических огней, распахиваются двери институтских корпусов. Тихая Красноказарменная улица заполняется шумной, оживленной студенческой молодежью.

В стенах МЭИ — так сокращенно называют институт, — на восьми его факультетах, несколько тысяч студентов. Они учатся строить гидроэлектростанции, сооружать энергосистемы и электросети для передачи тока высокого напряжения на большие расстояния, воздвигать теплоэлектроцентрали, конструировать паровые котлы и турбины, всевозможные электромашины и электроприборы; они изучают автоматику, телемеханику, светотехнику и постигают тайны самой молодой и увлекательной науки — электронно-ионной техники. Все, что связано с энергией во всех ее видах, чудесных превращениях и бесконечных проявлениях, — все это входит в научные дисциплины, изучаемые студентами энергетического института. Инженеров двадцати профилей и специальностей готовит этот институт для социалистической промышленности и транспорта. И можно без преувеличения сказать, что ни одна страна мира не имеет такой совершенной и универсальной высшей технической школы.

Одна из лабораторий сопротивления материалов в Московском энергетическом институте имени В. М. Молотова.

Студенты, да и профессора Московского энергетического института с гордостью говорят о том, что первое студенческое научно-техническое общество (СНТО) возникло в стенах их учебного заведения, что оно застрельщик этого замечательного студенческого движения, ныне охватившего все вузы. Может быть, это и так. Хотя аналогичное можно услышать среди энтузиастов СНТО и в стенах Московского государственного университета. Мы этот вопрос специально не исследовали, поэтому не считаем себя вправе вмешиваться в такой спор. Приоритет — великое дело!.. Но в защиту МЭИ нам хочется рассказать об одном случае.

Шла война. Вдали от Москвы, в Лениногорске, молодой ассистент МЭИ Александр Соколов собрал вокруг себя небольшую группу студентов электровакуумного факультета и поставил задачу создать электронный прибор для контроля за сталеварением. Плавка стали испокон века была основана на личном опыте и интуиции старых мастеров-сталеваров. Процесс выжигания углерода в чугуне длится очень ограниченное время. Малейшая заминка, секундное промедление — и выходит брак, не та марка. Между тем, как ни совершенен человеческий глаз, но есть предел его возможностям, предел, когда наука и техника в своем непрестанном движении вперед не могут положиться «на глазок».

Молодой ассистент, окруженный студентами, такими же страстными «электронщиками», как и он, приступил к работе. В то время мировая техника еще не знала такого типа приборов.

В самый разгар войны, осенью 1943 года, Александр Соколов с одним из студентов прибыл на Чусовской завод опробовать в действии изготовленный прибор. Опытные, старые мастера, принадлежавшие к знатным династиям уральских сталеваров, отошли, издали наблюдая, как уже не их прищуренный, а холодный, бесстрастный электрический «глаз» будет фиксировать плавку. Испытания дали блестящие результаты: искусственный «глаз» победил! Он не щурился, не слезился, не проморгал не только секунды, но и сотой, тысячной доли ее!.. Завод тут же приобрел этот прибор. Вот почему, на наш взгляд, датой основания СНТО в МЭИ следует считать не число, месяц и год, отраженный в официальном протоколе, а хмурый, осенний день на Чусовой, когда студент института, будучи «ассистентом» при ассистенте, стоя у печи, защитил свой дипломный проект.

СНТО института стало очагом творческой инициативы студентов. Здесь возникают и созревают смелые замыслы, ставятся и разрабатываются сложные технические проблемы, критически осваиваются новинки мировой техники, изучаются последние достижения отечественной энергетической науки. Здесь все — начиная от организационной структуры до выпуска своих изданий — «Трудов СНТО» — поставлено на солидную ногу. Студенческое научно-техническое общество приучает студента самостоятельно мыслить, прививает ему инициативу в выборе решения той или иной задачи, развивает в нем профессиональные задатки и любовь к своему призванию. Именно отсюда получило такое распространение популярное в МЭИ выражение — «реальный диплом».

Студент высшего учебного заведения в капиталистической стране стремится как можно скорей пройти положенный курс, заполучить диплом и с его помощью как-нибудь «пробиться в люди». Крупнейшие, разрекламированные американские технические школы, дав своим студентам определенное количество теоретических знаний, отпускают их затем на все четыре стороны: диплом в руки, а дальнейшая судьба молодого инженера никого не интересует.

Нашим студентам после окончания вуза не нужно «пробиваться в люди». Освобожденные от тягостного бремени забот о будущем, они всецело посвящают себя учебе. Они стараются учиться так, чтобы выйти из школы в «большую жизнь» обладателями не только дипломов, но и больших, настоящих знаний. Мысли не о себе, а о Родине, желание принести ей своим сознательным, творческим трудом как можно больше пользы — вот что движет всеми помыслами и устремлениями советской молодежи. И в этом коренное различие между нашими студентами и студентами капиталистических стран.

Окончивший за границей высшую техническую школу обычно на долгие годы остается «дипломированным школьником». В наших институтах мы наблюдаем совсем иное: в облике студента 4-го или 5-го курса уже ясно проглядывают черты подлинного инженера. В Московском энергетическом институте это — нормальное явление. Здесь даты получения диплома и «рождения» инженера часто не совпадают: последнее опережает первое.

Этому способствует сама методика преподавания в МЭИ, открывающая перед студентами широкое поле для самостоятельной работы, для проявления неограниченной творческой инициативы. Такая система накладывает на студента института серьезную ответственность за свой труд, за академическую успеваемость, за добротность курсового и дипломного проектов.

Студент гидроэнергетического факультета Сергей Пестов на 4-м курсе работал над темой «Гидравлика набросных плотин». Перед студентом была поставлена узкая теоретическая задача, и он выполнил ее на «отлично». Казалось, все в порядке, что еще нужно? Но, углубившись в тему, Пестов увлекся ею, заинтересовался большой инженерной проблемой. Решать такую проблему он мог бы только через год: гидротехнические сооружения изучают на 5-м курсе. Студент не стал ждать. Он самостоятельно овладел разделом огромной дисциплины и приготовил серьезный технический труд, приятно поразивший профессоров оригинальностью и глубиной замысла.

Очень часто сложнейшие вопросы становятся объектами студенческих докладов на факультетских и общеинститутских конференциях студенческого научно-технического общества. Характер этих работ настолько разнообразен, что на одной и той же конференции вы можете услышать, например, доклад студента Наяшкова о новой конструкции генератора для колхозных станций и доклад студента Бровкина, анализирующий грандиозную проблему «Большого Днепра»... Различны объекты, профили, направления студенческих работ, но над чем бы ни работали наши студенты-энергетики — будь то колхозный генератор в 16 киловатт или проблема, относящаяся к Днепрогэсу с его девятью генераторами мощностью в сотни тысяч киловатт, — во все они вкладывают живую инициативу, стремление к новому, совершенному, именно то, что отличает вдохновенный труд новатора от

посредственной, бескрылой работы ремесленника.

Отпечаток взыскательности к себе, высокой требовательности к своему делу, чувства уважения к аудитории лежит на этих работах. Может быть, в некоторых из них еще недостает законченной зрелости технической мысли, — эта зрелость дается не сразу, она приходит с опытом, с годами. Но зато нет ни одной работы, где нельзя было бы уловить тот творческий огонек вдохновения, ту искру, без которой не вспыхнет ни одна новаторская мысль, не родится ни одна большая идея. Так появляется «реальный диплом».

Студент Саданов, получая диплом инженера, был уже автором новой конструкции усовершенствованного электропривода, примененного в металлургии.

Дипломная работа Мусаэляна представляла собою проект нового типа подстанции на 110 киловольт, а студента Локтева — проект крупной высоковольтной автоматической подстанции.

При недавней защите дипломных проектов мы видели, как из колонок алгебраических знаков, из физических формул и тригонометрических фигур вырастают действующие приборы и аппараты, новые типы котлов и турбин, сложные энергосистемы и сети высоковольтных электропередач. И во всем этом ощутимо бьется живая, ищущая мысль молодого инженера-патриота, стремящегося как можно скорее принести пользу своей матери-Родине.

За годы своей деятельности институт воспитал плеяду своих профессоров, доцентов и преподавателей, продолжающих и развивающих лучшие традиции этой прекрасной школы. Среди воспитанников МЭИ такие замечательные советские ученые, как профессора В. А. Котельников, И. И. Соловьев, П. С. Жданов и другие. Десятки замечательных педагогов, питомцев МЭИ, готовят теперь новые кадры молодых энергетиков для социалистической промышленности и транспорта. И во главе этого крупнейшего в мире энергетического института стоит талантливая воспитанница его кандидат технических наук Валерия Алексеевна Голубцова. Всех этих людей, различных по возрасту и по стажу, роднит одна черта — страстная влюбленность в свою профессию, в свое большое, благородное дело, в свой институт.

Растет и расширяется орденоносный институт, признанный лучшим вузом советской столицы. Лефортово застраивается новыми, высокими корпусами, где оборудуются оснащенные по последнему слову техники кабинеты и лаборатории.

Собственно, слово «лаборатория» вряд ли подходит к тому, о чем мы говорим. Лаборатории МЭИ — это крупная теплоцентраль, где установлены новейшие котлы высокого давления; это большая электростанция, рассчитанная на любые режимы работы; это широко разветвленная система электросетей и трансформаторных подстанций, огражденная такой релейной защитой, какой не знает еще ни одна энергосистема в мире.

Что можно сказать о лабораториях института, если только одна из них — гидроэнергетическая — занимает три огромных этажа площадью в две тысячи пятьсот квадратных метров! Здесь вы увидите модель реки в стеклянном «русле». Группа насосов бросает мощный поток на турбины, приводя в действие генераторы, электромоторы и приборы. С центрального пульта этой гидроэлектростанции можно создать аварийный режим и активно вмешаться во все процессы работы станции, ее агрегатов. Ничего подобного не знает ни одна высшая техническая школа в мире...

Институт располагает прекрасными студенческими общежитиями, имеет свой большой клуб, библиотеку с фондом в 200 тысяч томов, всевозможные кабинеты.

Во время каникул студенты МЭИ отправляются в свой санаторий в Алупке на берегу Черного моря. Но больше всего они любят отдыхать летом в своем подмосковном санатории в Фирсановке. Старинный парк, тенистые аллеи, тихий пруд, озеро для купанья, необозримые дали полей, окаймленные березовыми рощами, — милая сердцу русская природа!.. С самого утра теннисные корты, футбольные и волейбольные площадки полны молодежи.

Санаторий в Фирсановке — не только место чудесного отдыха, но и серьезная, хорошо поставленная курортно-лечебная база. К услугам студентов опытные врачи и почти все виды физических методов лечения.

Студенческий санаторий называется «Энергия». И это название очень подходит к нему.

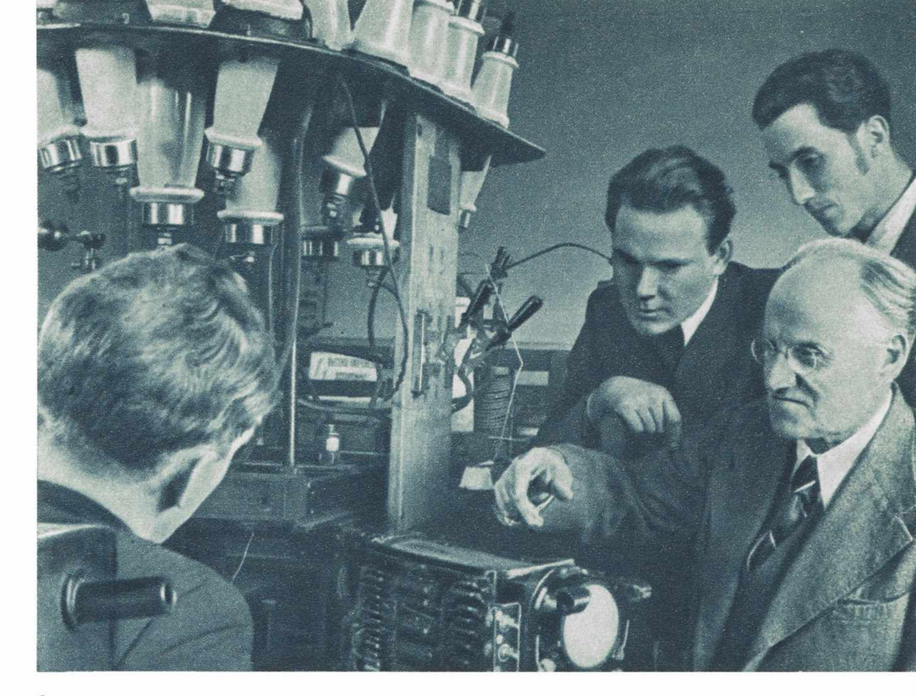
Наши студенты-энергетики высоко ценят сталинскую отеческую заботу о них, отвечая на нее серьезным, вдохновенным трудом. 75 процентов студентов МЭИ учатся только на «хорошо» и «отлично». И если учесть, что в коллективе студентов три четверти — комсомольцы, то такой успех учебы нужно отнести в огромной мере к заслугам комсомола института. В учебе, в спорте, в помощи подшефным колхозам, в практическом труде по восстановлению крупнейших станций Союза, в своем идейно-политическом росте комсомольская организация Московского энергетического института стоит на первом месте среди комсомольских организаций технических вузов страны.

Особенным подъемом и воодушевлением была охвачена студенческая молодежь перед XI съездом ВЛКСМ. Каждый студент-энергетик хотел достойно встретить эту знаменательную дату в истории Ленинско-Сталинского комсомола. В честь съезда была созвана специальная студенческая научно-техническая конференция. Съезду было посвящено много замечательных научно-исследовательских работ и изобретений студентов МЭИ. Одно лишь краткое изложение тезисов студенческих докладов на этой конференции занимает около 50 страниц убористого типографского текста! Вот некоторые из этих докладов.

Студент Матюхин разработал новую конструкцию мощного радиопередатчика. Третьекурсник Копылов создал новый тип коммутатора машины постоянного тока. Кстати, этот студент получил уже третье авторское свидетельство на свои изобретения... Студент Худяков выступил на конференции с докладом об автоматизации всех процессов работы на гидроэлектростанциях. Студент-дипломник Косачев, автор интереснейшей работы об использовании энергии морских приливов и отливов, выдвигает смелую техническую идею — заставить морской прибой, приливную волну служить интересам народного хозяйства нашей страны. В дипломном проекте Косачева эта идея обретает реальное содержание.

Это из области так называемой «реальной фантастики» нашего «завтра». А вот — «сегодня». Жители городов нередко бывают очевидцами, как вдруг на перекрестке улицы или на повороте соскакивают с провода штанги троллейбуса. Снопы искр, шум... Троллейбус задерживается, водитель выходит из кабины и под недовольными взглядами пассажиров начинает дергать за веревку, «ловить» штангу, чтобы присоединить ее к троллейному проводу. Теперь эта помеха будет устранена благодаря новому изобретению студентов МЭИ Кипниса и Шевченко. Сконструированный ими штангоуловитель уже и испытан на линии.

...В аудиториях, лабораториях, у испытательных стендов, в научно-технических кружках вдохновенно трудятся студенты. И куда бы ни пришли выпускники МЭИ: на гидростанцию, на тяговую подстанцию, в научно-исследовательский институт или в цех машиностроительного завода,— можно с уверенностью сказать, что к трем существующим фазам энергии они непременно приключат четвертую... Этой фазы нет ни в одном учебнике электротехники, она не вырабатывается ни одним генератором, не передается ни по каким проводам... Эта фаза — патриотизм, неиссякаемая, высокого напряжения любовь к Родине, к народу, к великому вождю и учителю товарищу Сталину!..

Заведующий кафедрой техники высоких напряжений, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Л. И. Сиротинский ведет занятия в лаборатории.

В вестибюле студенческого санатория «Энергия» в Фирсановке.

Поэты Казахстана

Таир ЖАРОКОВ

Песня о нефти

Словно Каспия прибой,
Рвется шумно из-под ног,
Буйной радуя волной,
Нефти пламенный поток.

Чтобы тракторы весной
Вышли дружно на поля,
Люди Эмбы день-деньской
Кровь твою берут, земля.

Запасли богатств навек
Миллионы скрытых жил.
Нет! Недаром человек
Так с землею подружил.

Лампочки Ильича

Песня, будь чиста и горяча!
Погляжу на степь и свету рад:
Лампочки родного Ильича
По аулам весело горят.

Были дни, когда из камня мы
Высекали тусклый огонек.
А теперь наплыв вечерней тьмы
Электрический взрезает ток.

Лампы керосиновой язык
Кое-где чадит еще порой.
Так былого потускневший лик
Меркнет перед силой молодой.

В степь родную, песнь моя, лети,
Вдохновенно, пламенно звуча.
Озаряют в коммунизм пути
Лампочки родного Ильича.

Яблоко

Слаще меда яблоко родное
Из густых садов Алма-Ата,
Словно все пронизанное зноем,
Словно юной девушки уста.

Не зари багряные полотна
На деревьях гнущихся висят.
То плоды, прижавшись
к веткам плотно,
Зреют, набирая аромат.

Не пройду я без волненья мимо:
Кустиком любым здесь дорожу.
Ведь черты моей страны любимой
Каждый раз в садах я нахожу.

Перевел Ник. Титов

Халижан БЕКХОЖИН

Время

«Время, вперед!»
В. Маяковский

Как теченье эшелонов грузовых —
Бег часов, несущих время на себе,
В нашей жизни целым суткам равен миг,
Нами прожитый в работе и борьбе.

Есть в движении часов большая суть,
Быль годов эпохе Сталина подстать.
Мы к высотам Коммунизма держим путь,
Нам никак нельзя от времени отстать!

Годы, мчитесь!
Каждый час крылатый, рей!
Взявший на плечи эпоху, наш народ
В дали будущего движется быстрей,
Чем часов и дней размеренный полет!

Проложила путь сияющий страна,
Каждый час ее труда — бесценный клад,
На страницах Жизни наши имена,
Чистым золотом начертаны, горят.

Коммунизма замечательный рассвет
Встал над нами ясной радугой-дугой,
Каждый год наш, год дерзаний и побед,
Обгоняем мы победою другой.

Мало времени,
дорога далека,
Но, провидя безошибочно пути,
Сталин,
жизнь опережая на века,
Указал нам пятилетками идти.

Он пронзил орлиным взором даль времен,
Он высоты Коммунизма разглядел,
Под крылатой сенью сталинских знамен
На столетья старый мир помолодел.

Мысль Вождя летит, как луч, за небосклон,
В даль времен, еще неведомых, сквозь мрак,
Для народов всех наречий и племен
Факел дум его — грядущего маяк.

...В шахте врубовку ведет шахтер-герой,
Вот минута, промелькнувшая как тень,
Стала явью: целой угольной горой
Этот миг шагнул вперед на целый день.

Вдаль по полю утром сеялка идет,
И уже в землей укрытых семенах
Жизнь загадана вперед на целый год:
Ей шуметь и колоситься на полях.

...Ты не мерь нас, Время, меркою своей,—
С нами Сталин, вдохновитель всех побед,
И секунды нашей жизни стоят дней:
Это скрепы новостроек наших лет!

Нам по росту лишь столетий горный пик,
Нам попутчик — океанская волна,
Час победы по-особому велик:
В день шагает на века вперед страна.

С каждым часом все быстрей, все тверже
шаг,
Путь к вершинам Коммунизма устремлен.
Пусть оружием бряцает злобный враг,—
Будет сломлен и сметен с дороги он!

Нам, несущим радость жизни, нет преград,
Время, мчись, лети вперед во весь размах!
Все отсталое,
все косное,
назад!
Все враждебное, развейся, словно прах!

Мчись, Эпоха, к тем вершинам устремясь,
Где, в полнеба алым пламенем горя,
Над страною, над землею занялась
Коммунизма беззакатная заря!

Перевел Павел Шубин

Степное лето

Просторно стало в степи и светло.
Раздолье и широта!
Это лето, степное лето пришло
В наши солнечные места.

Много раз вспоминал я тебя в тоске.
Разве это было житье —
От родной земли,
От тебя вдалеке,
Лето, лето степное мое!

Теперь ты меня обогрей, приласкай
Теплой, солнечною рукой,
Свежим ветром своим меня обвевай,
Волненье мое успокой.

Степь моя,
Я тебя полюбил навсегда,
Без тебя я не проживу...
Там, вдали, бродят медленные стада,
Пережевывая траву.

Степь моя, светлой влагой меня напои...
Я люблю тебя все сильней:
Небо твое, песни твои,
Быстроногих твоих коней.

Голубая река, ты бы так не лилась
И такой
Голубой не была,
Если б этот блеск
У сияющих глаз
Наших девушек не взяла.

И невольно мне захотелось воспеть
И колхозные наши края,
И тебя,
Мое счастье и радость, степь,
Ты возлюбленная моя.

Я любовь к тебе в сердце своем ношу.
Переполнится сердце мое —
Песню самую лучшую я напишу
И тебе подарю ее.

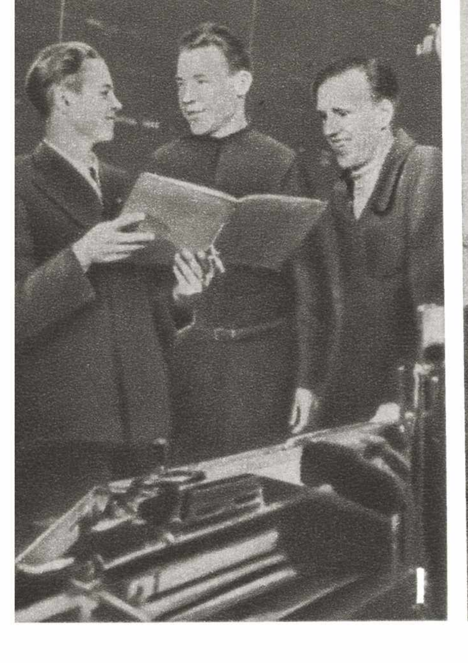
Перевели Ю. Друнина
и Н. Старшинов

Джезказган

Пустынная степь простиралась бескрайно—
Без птиц, без листвы — и молчала века,
Хранила ревниво глубокую тайну
И смерчем вздымала громады песка.
Но чудо сбылось на безлюдных просторах.
Волшебней, чем сказка, свершенье мечты.
Построен гигант. Зачинается город.
Трепещет листва. Распустились цветы.

Пускай в Джезказгане домов еще мало, —
Строитель бросает в грядущее взгляд:
Здесь встанут одетые в мрамор кварталы,
Сады коммунизма в степи зашумят.
Себя уже вижу я в городе этом.
Как радостно в новом растущем краю!
Я с будущим рядом. По зримым приметам
Сегодня я завтрашний день узнаю.

Перевел Я. Хелемский

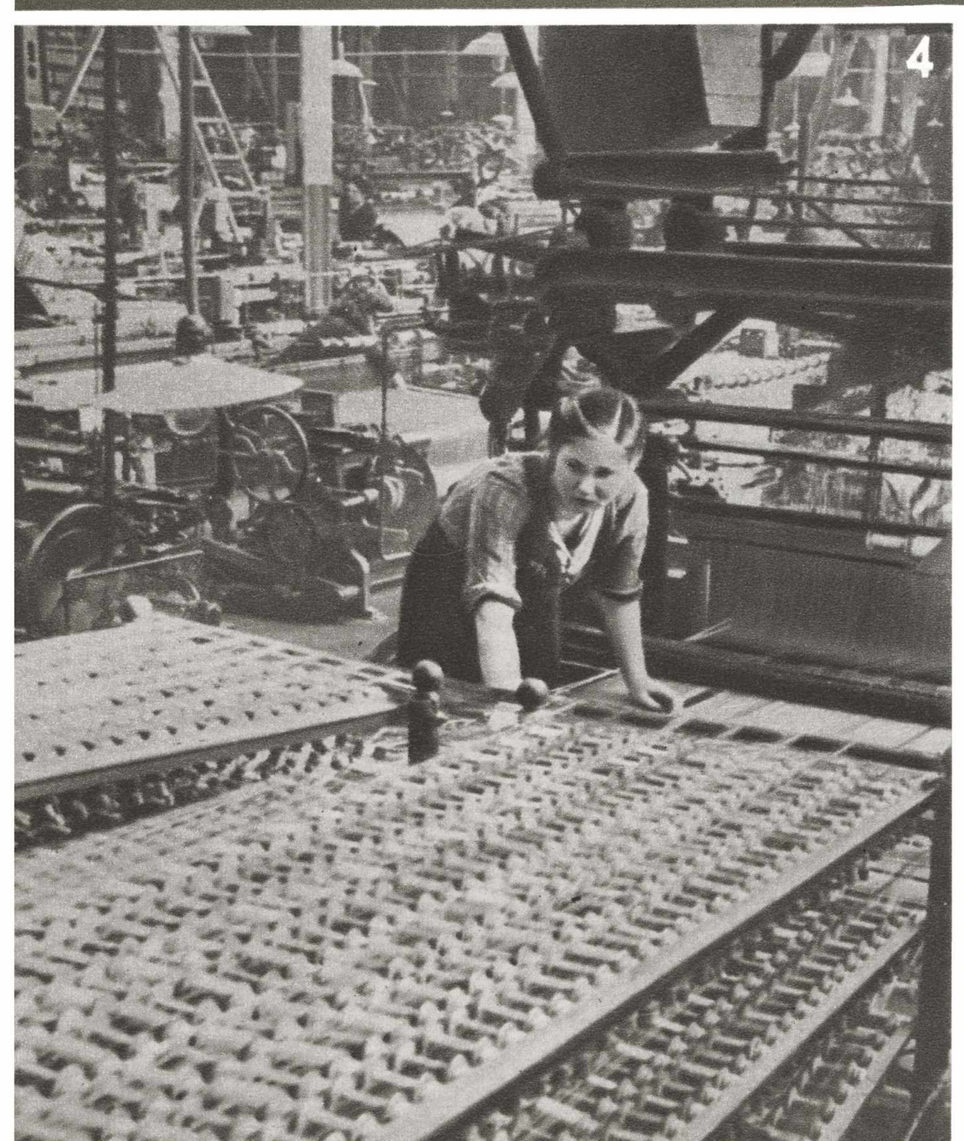
Патриотический почин Александра Чутких нашел живой отклик среди обувщиков и кондитеров, закройщиков платья и машиностроителей, бумажников и рабочих автозаводов.

Всюду растет число бригад отличного качества. Опыт потомственного ткача Александра Чутких особенно широко распространяется среди его товарищей по профессии — текстильщиков.

Хорошие, красивые ткани изготовляются на Московском шелкоткацком и красильно-отделочном комбинате имени Щербакова. В прошлом году комбинат выпустил сверх плана без малого миллион метров готовых тканей.

Комбинат изготовляет ткани для платьев и рубашек, бархат, крепдешин, плюш, полотно из искусственного шелка, специальные ткани для зонтов, галстуков, носовых платков, набивные сорта плюша, которые выделываются под меха — каракуль, крот, белку. В четыре раза превышен довоенный ассортимент пестротканных товаров.

ТОЛЬКО ОТЛИЧНОГО КАЧЕСТВА

1. Потребитель требует материи добротной, высокого качества. Больше тканей первого сорта! — такова задача, которую поставил перед собой коллектив щербаковцев.

За отличную работу в последнем квартале 1948 года комбинату вручено переходящее Красное знамя Совета министров СССР и ВЦСПС.

Число последователей Александра Чутких растет на комбинате с каждым днем. В соревнование за звание «бригады отличного качества» включились уже 160 бригад.

В бригаде № 10 ткацкого цеха глади помощники мастера Алексей Трохов, Иван Семенов и Николай Лукьянов добились резкого улучшения качества продукции. Выполняя план на 110 процентов, они дают 96,5 процента ткани первого сорта, 3,5 процента второго и ни одного метра третьего сорта.

2. Уже вошло в обиход новое слово — «первосортник»: так называют ткачей, которые дают только отличную продукцию. Более 70 ткачей-«первосортников» насчитывается сейчас среди щербаковцев, и нет сомнения, что ряды их будут быстро расти.

Заведующий ткацкой фабрикой Георгий Михайлович Филатов может поздравить с успехом ткачиху Анну Маркову. Она тоже стала «первосортницей».

3. Борьба за качество начинается с приготовительного цеха, так как только отличная основа обеспечивает выпуск отличной ткани. Вот почему Раиса Зайцева тщательно проверяет заправку сновальной машины.

4. Новый ассортимент тканей потребовал освоения нового оборудования. Агриппина Струныгина хорошо изучила сложный станок и дает 130—140 процентов нормы на выпуске фасонного плюша.

5. Пятьсот с лишним разновидностей тканей производится на комбинате, и все они представлены в ассортиментном кабинете. Опытные товароведы проверяют: прочна ли ткань, красива ли, какова она будет после стирки, не потускнеет ли под лучами солнца, хороша ли будет в носке. И только после тщательного осмотра новая ткань попадает на прилавок магазина.

Щербаковцы успешно борются за честь своей фабричной марки.

Фото М. Савина

КОЛОМЕНСКИЙ ПАРОВОЗ

Мих. ЩЕЛОКОВ

1

Станция Голутвин. Старый рабочий район Коломны. К главной магистрали по заводским путям приближается паровоз серии «Л». Блестит на солнце вороненая сталь, серебром отливают поручни лестниц. Праздничный вид машины дополняют яркокрасные ободы колес.

Машинист-испытатель Дмитрий Язев хлопочет возле приборов. Вся бригада уже на месте. В кабину поднимается инженер Румянцев, инспектор Министерства путей сообщения. Впереди мелькнул зеленый глазок семафора: путь открыт. Обкатка началась!

Десять лет испытывает Язев новые паровозы. О своей работе он говорит с профессиональной гордостью:

— Мы первые видим паровоз в пробеге и оцениваем труд наших рабочих, техников, инженеров. На заводе всегда с нетерпением ждут возвращения машин с обкатки. Как правило, мы сдаем их почти без замечаний. Мелкие дефекты устраняются за полтора—два часа. Потом опробованный локомотив включают в «сплотку» (сплотка — цепочка из пяти паровозов), и он покидает завод навсегда.

Восемьдесят лет назад, в 1869 году, вышел на обкатку первый коломенский паровоз. С тех пор тысячи новых паровозов отправились в свой первый рейс из Голутвина. Мощные локомотивы, рожденные в цехах завода имени В. В. Куйбышева, водят поезда по всем железным дорогам страны.

2

Бережливость давно уже стала характерной чертой паровозостроителей Коломны. В 1948 году они внесли в государственный бюджет около 21 миллиона рублей сверхплановых накоплений. Недавно коломенцы дали слово товарищу Сталину построить дополнительно 12 магистральных паровозов за счет экономии материалов и электроэнергии.

— Наша первая заповедь — экономить металл,— говорит заместитель главного инженера Дмитрий Иванович Пахомов.— Чтобы построить паровоз, нужны литье, поковки, стальной лист, прокат и многие другие виды металла. Если мы снизим расход металла только на один процент, то сэкономим...

Инженер называет огромную сумму денег. Он говорит о цехе, где технологи подготовили более 800 карт рационального раскроя стального листа. Если ими правильно пользоваться, можно сберечь около тонны металла на каждом выпущенном паровозе.

Есть отходы, которых нельзя избежать при раскрое фигурных деталей. Когда рабочий делает вырезы в раме паровоза, то остается около четырех тонн стали. Прежде его отправляли на переплавку. Теперь из таких вырезов будут вырабатывать детали локомотива. Так отходы вновь пойдут в производство.

В сокращении расходов участвуют все. Конструкторы, готовя чертежи крупных отливок и поковок, стремятся сберечь за год столько металла, чтобы его хватило для выпуска двух паровозов. Технологи решили построить подкатный стан, чтобы доводить до нужных размеров сортовой прокат. Тогда почти весь металл пойдет в дело.

Знатный кузнец Виктор Сергеевич Карандеев, давно уже выполнивший свою пятилетку, говорит мастеру:

— Вы не давайте ни грамма стали для буферных стержней. Я изготовлю их из отходов. Хватит на пятьдесят паровозов.

Таким образом кузнец экономит за месяц шесть тонн стали.

— Для двенадцати магистральных паровозов, которые мы взялись построить в этом году за счет экономии,— сообщает В. С. Карандеев,— кузнецы сберегут пятьсот пятьдесят тонн металла.

Громко стучат тяжелые молоты. Груда откованных деталей растет. Скоро они двинутся по поточным линиям, где их обработают, чтобы затем соединить в узлы будущего паровоза.

Далеко от кузнецов и литейщиков до широких сборочных пролетов, но именно возле молотов и сталеплавильных печей зримо ощущаешь начальный процесс зарождения машины. Вот выдает скоростную плавку знаменитый сталевар Абзал Фахрутдинов. Кипящий металл разбрасывает тысячи искр. Из него сделают прочные колеса. Сталевар ускорил плавку на час и переводит сэкономленное время в тонны. Минуты становятся весомыми. За два месяца Фахрутдинов и его друг Иван Новосельцев сварили сверх плана 80 тонн стали.

Паровоз состоит из нескольких тысяч деталей. Металл проходит самые разнообразные превращения. Его отливают, куют, штампуют, режут, строгают, точат, сверлят, сваривают. Новейшие быстроходные станки и механизмы давно уже вытеснили из цехов Коломенского завода убогую кустарщину, наследие капиталиста Струве.

Коломенцы первыми применили в паровозостроении поточный метод. Неизгладимое впечатление оставляют движущиеся линии рам, колесных пар, осей, дышл, цилиндров. Путь каждой детали сократился теперь на сотни метров. Поточные линии послушно стремятся напрямик к сборке. Здесь нет лишь котлов, которые подаются сборщикам на платформах.

Поток — новая страница в многолетней истории завода. Рабочего времени на выпуск локомотива того же типа тратится сейчас на много меньше, чем два года назад.

А давно ли главный конструктор завода Лев Сергеевич Лебедянский часами рассматривал в своей комнате модель проектируемого паровоза? Инженеры меняли чертежи, сокращали по граммам вес каждой детали. Давно ли это было? А сегодня паровозы серии «Л» уже несут службу по всей стране. Все новые «сплотки» этих машин уходят с завода.

Конструктор Лебедянский стоит у созданной им новой машины. Этот первый товарный паровоз сочлененного типа, имеющий две группы паровых машин, доставил в Москву поезд весом в 3500 тонн и вернулся на завод. Паровоз-богатырь! Сейчас предстоят дальнейшие его испытания.

— Коломна — родина мощных советских паровозов,— говорит тов. Лебедянский.— На машинах «СУ», «ИС», «ФД», «2-3-2», «Л» — марка нашего завода. После Великого Октября наше предприятие фактически было создано заново, на иной основе. Раньше тут строились лишь небольшие машины. Мы прошли хорошую школу первых сталинских пятилеток. Коломенцы уже превысили довоенный выпуск локомотивов. Наши цехи еще раз обрели молодость. Техника поточных линий и все новое, что мы сейчас вводим, открывают широкие горизонты для творчества.

Рядовые рабочие, мастера, инженеры хотят, чтобы оборудование действовало «с полной отдачей». Если станок,— то скоростной, если сборка,— то конвейерная, и на всю мощность!

— У нас в паровозомеханическом,— замечает молодой технолог Зиновьев,— о труде рабочего судят по трем признакам: сколько сделал, как сделал, что сэкономил. Количество, качество, бережливость!

Владимир Зиновьев руководит четырьмя пролетами. Он изготовил резцы для скоростной расточки бандажей, приспособил к новым операциям сложные станки, заменил приточку осей точной шлифовкой. Зиновьев призвал всех специалистов взять шефство над молодыми рабочими. Сам он обучил трех токарей и помог им стать стахановцами. Сейчас он занимается с тремя другими.

— А как же иначе? — говорит Зиновьев.— Технолог — командир производства, а хороший командир обязан учить людей. В нашем цехе шестнадцать технологов отозвались на мое обращение. По всему заводу над молодежью шефствуют сотни специалистов, но каждый день число шефов увеличивается.

Сколько здесь неутомимых, инициативных людей! Станочница Елена Свердюк перешла на индивидуальный хозрасчет. Она экономит до 500 рублей в месяц на материалах и инструменте. Пример Елены Свердюк принес большую пользу. Хозрасчетные станки появились на всех участках механических цехов.

Усилия отдельных рабочих и специалистов, борющихся за бережливость, сливаются в мощную силу. За счет экономии уже построены первые сверхплановые паровозы.

3

Сборочный цех... На стендах стоят локомотивы. Видны еще обнаженные котлы, концы стальных труб. Монтажники заняты сложным, кропотливым делом. У одной из машин на вахте бригада Потаповых: отец Сергей Михайлович, сыновья Иван и Петр, племянник Иван. Потаповы — трубники. За полторы смены они монтируют на паровозе несколько километров труб, а по графику на эту работу отведен 41 час. Сыновья соревнуются с отцом, работающим на этом заводе почти полвека. Искусство Потаповых известно на многих предприятиях страны. Недавно они смонтировали сложную трубопроводную систему на новом, опытном паровозе. Осмотрев работу, главный конструктор восхищенно развел руками:

— Мастера!

Десятки лет собирает ходовые части паровозов Григорий Иванович Лобанов. Имя его произносят с любовью и глубоким уважением. С ним нередко советуются директор и главный инженер.

Недавно шестьдесят пять ветеранов торжественно отпраздновали свой полувековой рабочий юбилей. Эти люди — живые страницы истории старого русского завода.

Сегодня в цехах завода можно видеть три поколения коломенских паровозостроителей: отцов, сыновей, выросших внуков. Три поколения большевиков! У каждого своя судьба, но одно у них общее — любовь к своему предприятию, стремление умножить его славу. Полторы тысячи рабочих уже выполнили свои пятилетние задания. Многие стахановцы ставят на изделия личные клейма, которые выдал им отдел технического контроля. Высокое качество продукции гарантируется добрым именем такого мастера.

Труд, полный творческих исканий, приносит заслуженную победу. Коллектив завода имени Куйбышева возглавляет соревнование всех паровозостроителей страны. В Ворошиловграде, Брянске, Красноярске и других городах пример коломенцев помогает еще быстрее вооружать железнодорожный транспорт новой могучей техникой.

С особой теплотой говорят в Коломне о ворошиловградцах:

— Мы с ними третий год соревнуемся...

В эти дни на заводе большой праздник: А. Н. Демьяновичу, главному технологу завода И. М. Шахраю, директору К. К. Яковлеву и инженерам И. И. Архипенко, М. И. Гридневу, А. В. Шадрину, А. П. Степанову, В. А. Ильяшевичу, Е. Ф. Горину и И. А. Холодилину присуждена Сталинская премия за разработку и освоение поточного метода производства в паровозостроении.

Так высоко оценило правительство труд новаторов техники. Это уже вторая группа Сталинских лауреатов на Коломенском паровозостроительном заводе.

* * *

Паровозы выходят из сборочного на линию...

Где-то их уже ждут тендеры с углем. Машинисты-испытатели собираются в очередной рейс. Среди них Дмитрий Язев.

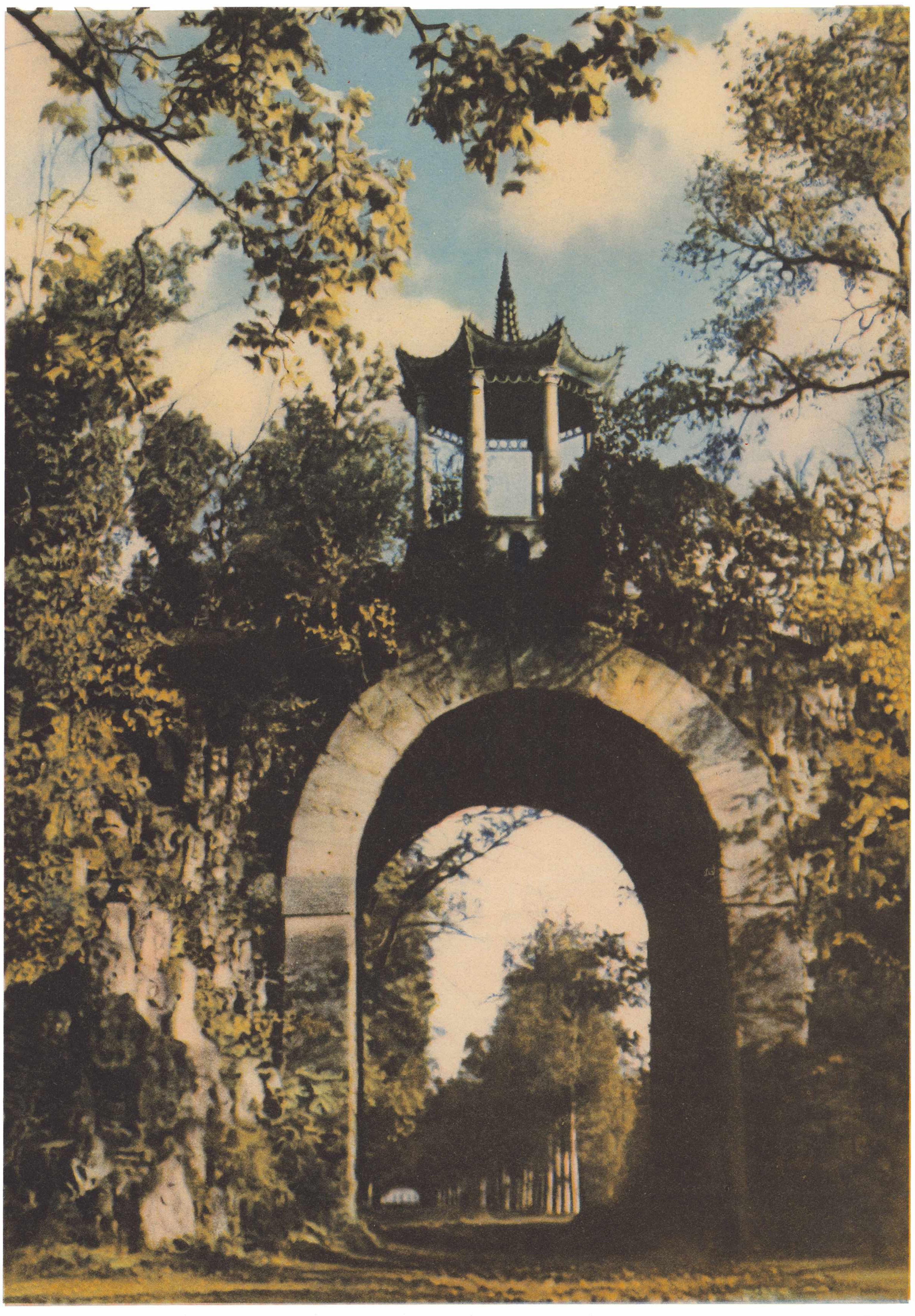
— Подавай в растопочную, разводи пары!

Топки загружаются углем. Бушует белое пламя. Первый дым вьется над трубами.

Где, по каким путям помчатся с тяжеловесными поездами эти паровозы? Их гудки нарушат молчание суровой тайги, разнесутся по приморским берегам, оживят пустыню. Они потянут длинные эшелоны от бакинских промыслов, от шахт Донбасса, от рыбного Мурмана...

Распахнуты широкие заводские ворота. Вот он, выход на главную магистраль! Погожий день встает над Коломной. Паровоз набирает ход.

В добрый путь!

ГОРОД ПУШКИН. ВОРОТА И БЕСЕДКА «КАПРИЗ» В ЕКАТЕРИНИНСКОМ ПАРКЕ.

Цветное фото И. Шагина.

КВАРТИРА-МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА В ЛЕНИНГРАДЕ НА МОЙКЕ, 12. КОМНАТА, В КОТОРОЙ СКОНЧАЛСЯ ПОЭТ.

Цветное фото И. Шагина.

ГОРОД ПУШКИН. КАМЕРОНОВА ГАЛЛЕРЕЯ.

Цветное фото Л. Зиверта.

В канун первомайского праздника

Корреспондент «Огонька» обратился к работникам старейших заводов и фабрик страны, на которых до революции происходили крупные маевки, с просьбой рассказать, как идет подготовка к празднованию Первого Мая.

ТРУДОВЫЕ ПОДВИГИ ТРЕХГОРЦЕВ

— В этом году,— сообщил секретарь партийного комитета комбината Трехгорной мануфактуры тов. А. Горшкова,— «Трехгорка», как москвичи любовно называют наш комбинат, будет праздновать свое 150-летие. Это одна из самых старых русских фабрик. В 1895 году здесь, на Прохоровской мануфактуре, была объявлена первая стачка. В 1905 году наши ткачи под руководством большевиков сражались на баррикадах Красной Пресни. Еще и поныне живут и трудятся участники тех событий тт. Офицеров, Перевезенцев, Горшков, Старостин, Емельянов и другие. В 1917 году Трехгорка была центром революционной работы. Не раз посещал нашу фабрику великий Ленин.

Наш многотысячный коллектив, который гордится славным революционным прошлым своей фабрики, достойно трудится в эти предмайские дни. Коммунисты-ткачи Меньшикова и Штырова явились инициаторами многостаночного обслуживания на комбинате. Коммунист, помощник мастера Ворошин увеличил скорость ткацких станков. Коммунисты-ткачи первыми на Трехгорке подхватили инициативу Александра Чутких, и сейчас у нас организованы 266 бригад отличного качества.

Трехгорцы решили в честь праздника дать сверх плана 2 тонны пряжи, десятки тысяч метров суровых тканей и готовой мануфактуры, снизить себестоимость на 200 тысяч рублей.

Подготовка к празднику идет в Доме культуры, в клубе, в детских садах, яслях, библиотеках, детском санатории и во многих других учреждениях, которыми располагает Трехгорка. Художники комбината готовят эскизы оформления колонны трехгорцев. Самодеятельные кружки работают над новыми программами.

ПО ПРИМЕРУ ВЕТЕРАНОВ

— Сорок восемь лет назад,— рассказал директор ленинградского завода «Большевик» тов. И. Егоренков,— в день 1 Мая на нашем заводе происходила крупная стачка, превратившаяся в кровопролитное столкновение между рабочими и царскими войсками. Ветераны завода, проработавшие на нем полстолетия, бывшие участники «Обуховской обороны», Михаил Петрович Николаев, Александр Матвеевич Квартальный, Николай Степанович Кисель и другие показывают сегодня образцы самоотверженного труда. По ним равняются все рабочие.

Храня славные традиции, обуховцы отмечают первомайский праздник новыми производственными успехами. Недавно нашему токарю Владимиру Никитичу Трутневу правительство присвоило высокое звание лауреата Сталинской премии. Славный мастер, один из инициаторов скоростных методов обработки металла, в эти дни работает с особым подъемом. Он намного превышает нормы, отмечая личным клеймом свою высококачественную продукцию. Такое личное клеймо сейчас на заводе имеют 18 лучших рабочих, дающих продукцию первого сорта. Среди участников предмайского социалистического соревнования лучший сталевар Ленинграда Пуганов, знатный кузнец Ленинграда Бабанин, формовщик Савин, сборщик Рыжкин, токарь Шукалин, фрезеровщик Давыдов, бригада прокатчиков мастера Костромского и многие другие славные труженики. Эти люди, олицетворяющие молодость нашего старого завода, вместе с ветеранами-обуховцами будут идти в первых рядах первомайской демонстрации.

СЛАВНЫЕ ТРАДИЦИИ

— Наш завод, в прошлом главные железнодорожные Тифлисские мастерские, имеет богатую и яркую историю,— сказал секретарь партийного комитета паровозоремонтного завода имени Сталина тов. Г. Гегешидзе.— 50 лет назад здесь прошла первая крупная забастовка тифлисских рабочих, руководимая товарищем Сталиным. Здесь великий Сталин руководил рабочими кружками, здесь происходили революционные маевки... Не так давно у нас на заводе открылась выставка, на которой экспонированы документы первой забастовки, проходившей под руководством товарища Сталина.

Заводской коллектив готовится достойно встретить день Первого Мая. Предпраздничное соревнование выдвинуло многих великолепных мастеров социалистического труда. Бригада коммуниста М. Годерзишвили регулярно перевыполняет дневную норму в полтора раза. Один из старейших кадровиков завода, слесарь Е. Шенгелия, отлично справляется со своим обязательством — обучить большую группу молодых рабочих. К первомайским праздникам завод досрочно выпускает из ремонта несколько паровозов, десятки вагонов. В этом деле принимает участие весь заводской коллектив.

БРИГАДЫ ОТЛИЧНОГО КАЧЕСТВА

— В этом году фабрике имени рабочего Федора Зиновьева исполняется 95 лет,— сказал секретарь партийной организации депутат Верховного Совета Союза ССР тов. Т. Шувандина.— Это одна из самых старых фабрик Ивановской области. Однако совсем забываешь об ее почтенном возрасте, когда наблюдаешь жизнь, бурлящую здесь. Приближение праздника ознаменовалось у нас многими славными событиями. Ткачихи Нина Сонина, Анна Трохина, Ефросинья Мясова, Вера Парамонова, работающие на пяти — шести станках, закончили свой пятилетний план. Таких стахановцев у нас к празднику будет не менее тридцати.

Инициатива Александра Чутких нашла на нашей фабрике самую широкую поддержку. Сейчас уже действует 89 бригад отличного качества, которые дают 90 процентов продукции первого сорта. Цех, руководимый К. Коробовым, почти целиком выпускает первосортные ткани. Ткачи нашей фабрики сейчас напряженно и с воодушевлением трудятся над тем, чтобы с честью справиться с обязательствами, данными в письме товарищу Сталину. Я думаю, что мы сможем 1 Мая сообщить о наших новых успехах.

В праздничные дни, как обычно, состоится маевка. Она всегда происходит в Степановском парке (бывший Куваевский лес), на том самом месте, где до революции тоже в майские дни собирались ивановские ткачи. У нас на фабрике много старых рабочих. Я лично проработала здесь 25 лет. И поэтому мне очень приятно, что молодежь так бережно хранит наши традиции.

ОТЛЕТ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ НА ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС СТОРОННИКОВ МИРА В ПАРИЖЕ. На Внуковском аэродроме (слева направо): **А. Маресьев, М. Турсун-Заде, А. Кукаркин, И. Эренбург, В. Волгин, Л. Космодемьянская.**

Фото О. Кнорринга

На трудовых нивах Польши

Руководитель делегации советских колхозников, посетившей Польшу, председатель колхоза «Здобуток Жовтня», депутат Верховного Совета СССР Федор Иванович Дубковецкий в беседе с корреспондентом «Огонька» поделился впечатлениями о своей поездке.

— Много интересного видели мы в Польше,— рассказывает тов. Дубковецкий.— В памяти осталось столько встреч, разговоров, сцен, виденных нами в деревнях и городах, что трудно сосредоточиться на чем-либо. Характерна и типична для всего, что мы видели и слышали, любовь трудящихся Польши к Советскому Союзу, к товарищу Сталину. Мы повсюду чувствовали горячую симпатию народа к нашей стране, встречали дружеское одобрение наших дел и восхищение ими. Везде, куда только ни приезжала и ни приходила делегация, навстречу неслось: «Да здравствует Сталин!», «Да здравствует Советское государство!», «Да здравствует наша освободительница Советская Армия!»

Восторженную овацию устроили нам участники III Всепольского съезда Союза крестьянской взаимопомощи, когда мы вошли в зал, где он происходил. Около трех с половиной тысяч человек встали, как один, долго не стихали аплодисменты и приветственные возгласы. Мой рассказ о том, как советское правительство и большевистская партия заботятся о трудовом крестьянстве, то и дело прерывался бурными аплодисментами. При каждом упоминании имени товарища Сталина все вставали и устраивали долго не смолкающую овацию.

По окончании съезда наша делегация шесть дней ездила по Польше. Встречали нас с цветами, с хлебом-солью, с музыкой. Всюду виднелись портреты товарища Сталина и президента Польской народно-демократической республики Болеслава Берута.

Из Варшавы мы поехали в деревню Лонгово. Потом были в деревне Вильковицы, Лодзинского воеводства. Здесь крестьяне недавно организовали производственный кооператив. Они с большим интересом расспрашивали нас о колхозной жизни, о том, как построена работа сельскохозяйственной артели. Члены кооператива единодушно пришли к выводу, что коллективное возделывание земли во много раз продуктивнее единоличной обработки полей.

Тяга польских хлеборобов к коллективному хозяйству большая. В самых различных районах республики начинают возникать товарищества по совместной обработке земли.

Запомнились нам гостеприимные встречи и на возвращенных Польше старинных западных польских землях. В деревне Пшенно, под Свидницей, крестьяне, не скрывая любопытства, рассматривали золотые звезды на груди у многих колхозников советской делегации: среди нас было 11 Героев Социалистического Труда.

— Это вам за труд? — спрашивали крестьяне.

— Да!

— Но ведь вы для себя трудитесь, за что же награждать?

— И для себя и для всей страны. Личное у нас неотделимо от общего.

— И всякий, кто хорошо работает, может стать Героем, по-нашему — «Богатыр праци социалистычней»?

— Конечно, может.

В подтверждение сказанного член делегации председатель колхоза имени Чкалова, Днепропетровской области, Алексей Романович Щербина рассказал польским крестьянам, как он, бывший бедняк, возглавил большую сельскохозяйственную артель и стал Героем Социалистического Труда.

В прошлом году колхоз с площади в 1032 гектара снял по 23 центнера пшеницы с каждого и с площади в 161 гектар—по 73 центнера кукурузы. Это по всему хозяйству в среднем. Отдельные же колхозники достигли еще бóльших успехов.

С восторгом встретили пшенновские крестьяне слова тов. Щербины о том, что в его колхозе 15 Героев Социалистического Труда.

В свою очередь жители деревни рассказали нам о достижениях своего производственного кооператива. Его председатель Ян Даньчак говорит, что обобщенная земля кооператива насчитывает около 150 гектаров. На конюшне — 16 лошадей, на скотном дворе — 12 коров, много свиней. Минувшей осенью был снят большой урожай, намного богаче урожая соседних деревень, где живут единоличники.

Польский крестьянин, в прошлом батрак, малоземельный середняк, начинает подниматься, чувствовать себя хозяином земли. В этом ему активно помогает Польская объединённая рабочая партия, помогают рабочие заводов и фабрик, взявшие шефство над крестьянскими товариществами.

Во Вроцлаве мы побывали на собрании секретарей производственных и сельских партийных организаций. Собравшиеся горячо обсуждали разные вопросы шефской работы. Электрификация деревень, ремонт сельскохозяйственного инвентаря, помощь сельским школам и многое другое стало предметом оживленных прений. Был принят подробный, хорошо разработанный план помощи города деревне.

Были мы и на предприятиях: в Лодзи — на государственной текстильной фабрике № 1, в Катовицах — на заводах металлургических и азотных удобрений. Ростки нового видны и здесь. Нам показывали заводские ясли, детские сады, клубы, знакомили с ударниками производства, взявшими обязательства перевыполнять задания.

В Варшаве делегацию принял президент республики Берут. Он рассказал нам о готовящемся шестилетнем плане развития народного хозяйства.

Нельзя забыть трогательных проводов, которые устроило нам население столицы на Варшавском аэродроме. Люди от всей души благодарили советский народ, великого Сталина за братскую помощь Польше, за освобождение родных земель от фашистского ига.

Знаменосцы соревнования

29 апреля исполняется 20 лет со дня обращения XVI конференции ВКП(б) ко всем рабочим и трудящимся крестьянам Советского Союза с призывом о развертывании социалистического соревнования. Как молодые строители коммунизма используют опыт героев первых сталинских пятилеток, каких успехов достигают они в соревновании за выполнение послевоенной пятилетки? С таким вопросом корреспонденты «Огонька» обратились к молодым стахановцам.

СТАХАНОВСКИЙ ГРАФИК

Владимир ФУНТИКОВ,
бригадир каменщиков

Шесть лет назад по путевке комсомола я впервые приехал в Сталинград. Больно было смотреть на руины разрушенного города. «Да, тяжелую рану нанес нам враг»,— думал я, и ярая злость к фашистам закипала в моем сердце. Хотелось скорее приняться за работу и работать так, чтобы небу стало жарко.

На Волгу я приехал арматурщиком. Между тем восстановители Сталинграда испытывали большую нужду в каменщиках. Мало тогда было людей этой профессии. Пришлось переучиться и взяться за кладку кирпичей. Не сосчитать, сколько их уложила наша бригада за истекшие с той поры годы! Одно лишь можно сказать точно: нет ни одной стены цеховых корпусов, ни одного фундамента для машин на металлургическом заводе «Красный Октябрь» (нас послали туда работать), где бы не было доли нашего труда. А сколько мы возвели жилых домов и других зданий!

Рабочие в нашей бригаде подобрались дружные. Народ все молодой, напористый, задорный. Норму мы всегда перевыполняем. Но все нам кажется мало.

Когда у нас на стройке ввели суточный и недельный графики работ, я, посоветовавшись с бригадой, предложил встречный график. В нем учитывались показатели каждого каменщика бригады — каждый обязан был дать столько, сколько он может выработать. А силы и способности своих рабочих мы знали хорошо. Взять, к примеру, Павла Шабанова. Что ему норма блочной кладки в 4 кубометра! Он ее постоянно превышает в два раза. Поэтому для него было установлено задание в 8 кубометров. Василий Одинец специализировался у нас на оконных проемах. Это работа трудная. Но и ему 4 кубометра мало. Он может дать 5—7.

Стахановский график предусматривает работу не только на сутки и на неделю, но и на весь месяц. Он заставляет расторопнее действовать отделы снабжения и механизации, руководителей стройки.

Требует наш график и досрочного выполнения заданий, и экономии материалов, и поточного метода строительства, и, наконец, самое главное, требует отличного качества работы.

В первый же день работы по стахановскому графику наша бригада выполнила суточное задание на 212 процентов. Потом были и бо́льшие цифры. Наш опыт переняли другие бригады. И скоро весь участок стал выполнять план на 120—140 процентов.

Строитель—передовая профессия пятилетки. Горжусь, что владею ею. Горжусь, что не посрамил славных традиций строителей первой пятилетки. Свидетельство тому — орден Трудового Красного знамени, медаль «За трудовую доблесть в Великой Отечественной войне» и почетные грамоты, которыми я награжден за восстановление завода «Красный Октябрь».

ЭСТАФЕТА НАШИХ ОТЦОВ

Анатолий КРИВОПИШИН,
забойщик шахты имени Калинина

Всего три года назад взял я в руки отбойный молоток, но как близок и дорог мне теперь край угля и металла, наша Горловка, наша шахта имени Калинина! Здесь, в Донбассе, встретил я заботливых учителей, познал силу горняцкой дружбы и радость труда для любимой Родины.

Отец часто говорил мне:

— Молодому рабочему у нас отовсюду поддержка идет. Прислушивайся, сынок, к бывалым мастерам, они всегда помогут.

Отец мой почти тридцать лет работал слесарем на паровозоремонтном заводе в Конотопе и знал толк в людях. Став горняком, я убедился, как правдивы были его слова. Школа ФЗО дала мне знания, в шахте среди товарищей я обучился мастерству. Этому помогло соревнование.

Первым моим учителем был почетный шахтер Даниил Ганжа. Он не обещал легкого пути, совсем наоборот. Но помню, меня удивила уверенность, с какой говорил он о моих будущих успехах. Это ободряло, придавало силу. Я присматривался к работе Ганжи, который выполнил пятилетнюю норму за 20 месяцев. Он всегда находил время заглянуть ко мне в лаву, чтобы показать проверенный годами прием или дать хороший совет. Скоро по всей стране пошла слава о забойщике нашей шахты Александре Тюренкове. Этот замечательный новатор учил молодых горняков бороться с трудностями, настойчиво идти к цели. Всюду видел я желание помочь мне, слышал теплые, сердечные слова дружбы.

Отеческая забота старых шахтеров окрылила нашу молодежь. Мы решились на смелый шаг. На шахте был издавна отстающий участок, который не давал покоя комсомольцам. Мы обратились к администрации и сделали участок комсомольско-молодежным. Меня назначили бригадиром.

В наших руках был метод, много раз испытанный отцами и старшими братьями,— социалистическое соревнование. Семьдесят молодых горняков подписали договора и взялись за дело. Дружная работа, взаимная помощь, использование опыта кадровых шахтеров дали отличный результат. Наш участок завоевал на шахте первое место. Он ежедневно выдает на-гора много угля сверх задания.

Я работаю сейчас в счет восьмой годовой нормы. В нынешнем году закончу второй пятилетний план.

Из восьми членов моей бригады завершили пятилетку уже четверо. Особенно радостны успехи молодых забойщиков Афанасия Корвежкина и Павла Вишневского. Давно ли они были новичками? Так мастерство горняков, их славные традиции передаются из поколения в поколение.

Горячо благодарим старших товарищей за постоянную заботу о росте нашего мастерства. Молодые горняки Донбасса, участвуя в соревновании, помнят, что здесь родился первый рекорд Алексея Стаханова, мчались скоростные поезда Петра Кривоноса, поднимал пласты чернозема трактор Паши Ангелиной. Здесь трудятся прославленные горняки Александр Тюренков, Герасим Запорожец, Николай Лукичев и многие другие. Есть у кого научиться, есть чем дорожить!

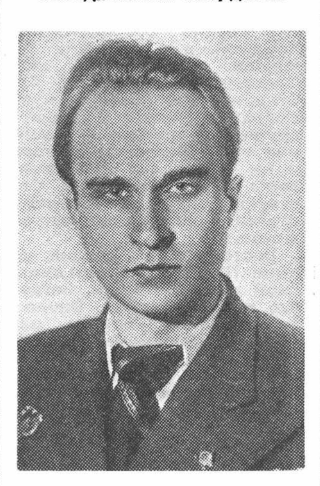
Молодые шахтеры Донбасса воспитаны на героизме своих отцов. На нашу долю выпали трудные годы восстановления шахт после войны. Я помню залитые водой штреки, заваленные лавы. Но зато у нас были учителя, прошедшие великую школу первых сталинских пятилеток.

Двадцать лет назад, когда партия Ленина — Сталина бросила свой клич о социалистическом соревновании, я и мои ровесники были еще детьми. Но мы приняли как эстафету из рук наших отцов и старших товарищей неугасимый огонь соревнования, волю к победе.

Соревнование продолжается, молодые шахтеры!

В ТВОРЧЕСКОМ СОДРУЖЕСТВЕ

Генрих БОРТКЕВИЧ,
лауреат Сталинской премии, токарь Ленинградского завода имени Свердлова

Завод имени Свердлова близок и дорог мне, как родной дом. Здесь без малого двадцать лет простоял у токарного станка мой отец, погибший во время блокады Ленинграда. Здесь, в фабзауче, обучался токарному делу и я. Отсюда, с Выборгской стороны, ушел я в Советскую Армию, на родной завод возвратился после окончания Отечественной войны.

Трудная тогда была обстановка на предприятии. План не выполнялся, нехватало квалифицированных рабочих. Как и всякий ленинградец, я болел за честь своего завода и с первых же дней после возвращения в цех задумался над тем, как повысить производительность труда.

С помощью инженеров Плоткина, Самбурова и Заверского я переоборудовал станок, начал применять различные геометрические формы заточки резца, пока, наконец, не нашел того, что искал. Скорость резания стали марки «20-Х» возросла до 600—700 метров в минуту. Существовавшие тогда нормы скорости резания были превышены мною в несколько раз. На своем станке я выполнил около семи годовых норм.

Мой успех не остался одиночным рекордом. Благодаря помощи инженерно-технических работников и поддержке, оказанной новому начинанию общественными организациями завода, многие токари: Павел Соколов, Ефим Кропачев, Михаил Бесчастнов, Георгий Галочкин, Анна Киукконен, Яков Захаров — работают теперь на высоких скоростях.

Много полезного дал нам обмен опытом с токарями других заводов. Я выезжал в Москву, в Ярославль, Щербаков — показывал свою работу и рассказывал о ней токарям и инженерам. Около 600 писем получили я и наш завод от токарей Москвы, Урала, Донбасса и Дальнего Востока. Некоторые товарищи, применяющие скоростные режимы, как, например, москвич лауреат Сталинской премии Быков и ленинградцы Афанасьев и Брейкин, оставили далеко позади достигнутые мною скорости резания.

Мне в моей работе наряду с инженерами завода имени Свердлова серьезно помог также профессор Оглоблин, автор учебника по токарному делу. Инженеры и научные работники повседневно помогают мне и другим токарям-скоростникам. В этом творческом содружестве то новое, что характерно для стахановского движения в послевоенный период, то, что открывает широкие перспективы дальнейшего повышения производительности труда.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО ВЫПОЛНИМ

Герой Социалистического Труда НИКОЛАЙ ИВАНОВ,
бригадир тракторной бригады Кротовской МТС, Куйбышевской области

Говорят, к началу первой пятилетки в стране почти не было тракторов. Трудно мне представить это — деревня без трактора! Иное, конечно, сейчас. И машин на колхозных полях великое множество, и люди хорошо знают технику.

Взять хотя бы нашу бригаду. Называют ее комсомольско-молодежной. А работает она так, что впору бы и маститым трактористам за ней угнаться.

В позапрошлом году мы на площади в 151 гектар сняли урожай по 22,3 центнера с каждого гектара. Правительство высоко оценило наш труд. Мне было присвоено звание Героя Социалистического Труда, остальные наши трактористы награждены орденами и медалями.

Хорошо мы подготовились и к посевным работам нынешнего года. Зная, что зябь — основа высокого урожая, бригада вспахала 808 гектаров зяби под посев всего ярового клина. Это в нашем колхозе «Якстере-Теште», в переводе с мордовского языка — «Красная звезда». Кроме того помогли вспахать зябь на полях двух соседних колхозов.

Произвели мы также вспашку участков, предназначенных для лесопосадок. Бригада обязалась сделать колхозный лесной питомник образцовым в районе. Раньше срока мы отремонтировали тракторы и прицепной инвентарь. Зимой провели снегозадержание на своем участке и собрали для него удобрения.

Помню, когда старые трактористы обучали нас, молодых, они рассказывали, как пахали в старину, как партия большевиков преобразила старую деревню, как волей Сталина строились в стране первые тракторные заводы, сколько труда было затрачено на этих стройках. «Так вот, ребята,— говорили наши учителя,— любите машину, берегите ее, выжимайте из нее все, что она может дать, перенимайте у своих отцов, старших братьев мастерство и сноровку».

Никогда не забываю я этих наставлений. Да и не только я — все мы, трактористы, — Даниил Калашников, Владимир Прокофьев, Степан Яшкин и другие члены бригады, — всячески стараемся оправдать возложенные на нас надежды.

Бригада вызвала на соревнование всех трактористов Куйбышевской области. Мы дали слово провести весенний сев за 8 дней, собрать с каждого гектара по 100 пудов зерновых, по 200 центнеров свеклы и на площади в 250 гектаров — по 25 центнеров пшеницы и ржи. Свой план лесопосадок, рассчитанный на пятнадцать лет, выполним в десять.

ПОКОЛЕНИЕ СОРОКОВЫХ ГОДОВ

Александр ШАШКОВ,
сталевар Кузнецкого металлургического комбината имени Сталина

Деревня Бессоновка, — так называлось двадцать лет назад место, где раскинулись сейчас кварталы индустриального Сталинска, города металлургов. Сюда, в суровую Сибирь, приехали комсомольцы строить завод. Когда я смотрю на могучие домны и слышу гул бесчисленных цехов, передо мной встают образы молодых энтузиастов тех лет. Это они в лютые сибирские морозы и метели воздвигали корпуса Кузнецкого комбината, воплощая в жизнь мудрый сталинский план. Это они нанесли на карту мира город, в котором я живу, учусь, варю сталь.

В Сталинске на каждом шагу можно увидеть, как выросли люди, как передаются от старших к младшим славные традиции. Тысячи рядовых строителей стали инженерами, техниками, заняли командные посты у домен, мартенов, прокатных станов. Никакие дороги им не заказаны, любые дела им по плечу. Например, комсомолец Виктор Смирнов — теперь главный инженер комбината, его сверстник Григорий Сластенков — главный энергетик. Биография многих специалистов и крупных ученых Сталинска начиналась с лопаты землекопа, с плотничьего рубанка.

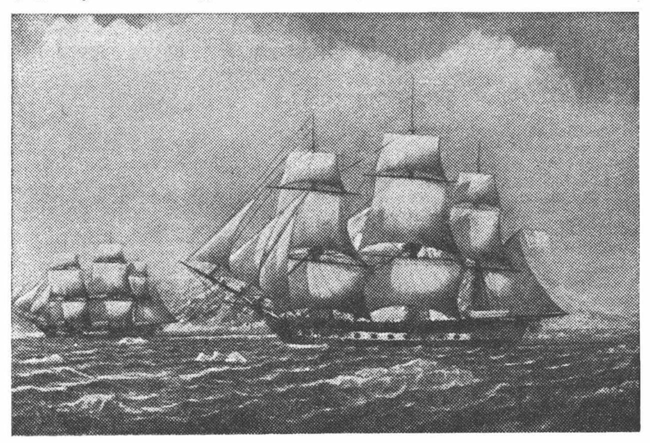
Соревнование с опытными сталеварами помогло мне хорошо изучить их методы и даже внести свои новшества в технологию. Уже три года я варю сталь самостоятельно, а сейчас моя бригада дает только скоростные плавки и держит первенство в соревновании сталеваров всего комбината.

Комсомольцы первой пятилетки соревновались на площадках Кузнецкстроя и Магнитки. Вся страна следила тогда за рекордами знаменитых бетонщиков, каменщиков, монтажников двух огромных строек. Соревнование пробуждало творческую силу молодых строителей, делало их вожаками молодежи. Сегодня, в годы послевоенной пятилетки, мы, люди сороковых годов, продолжаем великое соревнование, начатое двадцать лет назад первыми ударниками промышленности по призыву партии большевиков. И теперь оно рождает трудовые подвиги, растит героев труда на стройках, в цехах, на полях.

В ПАМЯТЬ АНТАРКТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В Историческом зале ленинградского Центрального военно-морского музея создан новый отдел «Открытие Антарктического материка русскими военными моряками». В отделе выставлены портрет Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена, карта Антарктики, медаль из красной меди, вычеканенная в честь плавания в Южном Ледовитом океане Ф. Беллинсгаузена и М. Лазарева. На медали надпись: «Шлюпы «Восток» и «Мирный». 1819 год». Эти корабли изображены на бюваре тисненой кожи, подаренном Беллинсгаузену академиком живописи И. Щедровским в 1844 году.

Среди экспонатов — резолюция общего собрания Всесоюзного географического общества по докладу президента общества академика Л. Берга о приоритете русских моряков в открытии Антарктики. В зале стоит хорошо сохранившийся пятиметровый деревянный чёлн, привезённый Беллинсгаузеном с одного из открытых экспедицией островов.

Репродукция с картины художника М. Семенова «Корабли экспедиции Ф. Беллинсгаузена и М. Лазарева «Восток» и «Мирный» у берегов Антарктики».

ПОЭТ-СКАЗИТЕЛЬ ИЗ СЕЛА ШРОША

Варлаам Николаевич Чихладзе известен в Грузии далеко за пределами его родного селения Шроша. Еще 60 лет назад восемнадцатилетний, не имеющий образования крестьянин начал писать стихи. Талантливый поэт-самоучка обличал царское самодержавие, выступал против национальной буржуазии. Когда началась первая мировая война, В. Н. Чихладзе в своих стихах, которые он читал крестьянам, протестовал против империалистической бойни.

Радостно приветствовал народный поэт Великую Октябрьскую социалистическую революцию, освободившую народы России. Во время гражданской войны В. Н. Чихладзе словом и делом боролся с изменниками Грузии—меньшевиками. В 1921 году односельчане выбрали поэта-крестьянина председателем ревкома. Варлаам Чихладзе побывал в Москве на Сельскохозяйственной выставке 1923 года и, вернувшись на родину, в стихах рассказывал крестьянам о всем увиденном. В 1930 году В. Н. Чихладзе вступил в колхоз имени Сталина, организованный в селении Шроша, Зестафонского района. Работая в колхозе, В. Н. Чихладзе продолжает складывать стихи, в которых прославляет советскую власть, великих вождей трудящихся — Ленина и Сталина, призывает свой народ к новым успехам в борьбе за коммунизм.

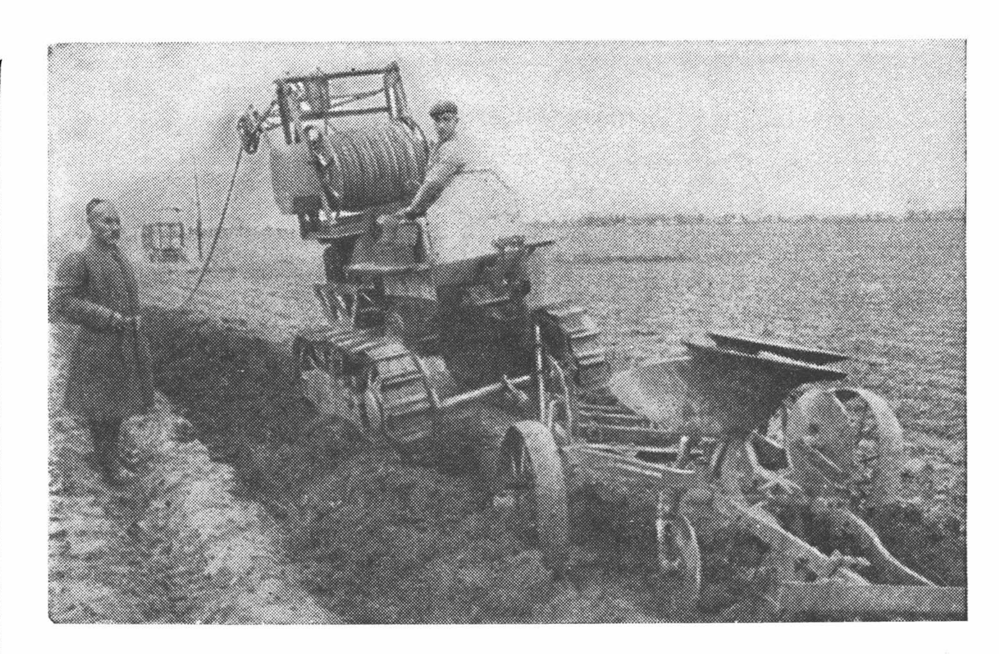
78-летний колхозник читает нараспев наизусть бессмертное творение Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Так читали Руставели в старину деды и прадеды нынешних грузин.

НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ 4-Й ОЧЕРЕДИ МОСКОВСКОГО МЕТРОПОЛИТЕНА

46 металлических колонн будут поддерживать своды новой станции метро «Курская». Строители обязались закончить их монтаж к 1 Мая. На снимке: участок станции «Курская».

Фото А. Столяренко

ЭЛЕКТРОПАХОТА В УЗБЕКИСТАНЕ

Началась электрификация тракторных работ в Узбекистане. Первый электротрактор на пахоту хлопковых земель колхоза «Коммунист» вывела 2-я Янги-Юльская опытно-показательная МТС. Электросиловая часть трактора сконструирована сотрудником Центральной станции механизации Всесоюзного научно-исследовательского института по хлопководству В. Т. Данильченко.

Колхозники высоко оценивают достоинства электротрактора. Председатель колхоза «Коммунист» депутат Верховного Совета Узбекской ССР Алимджан Умаров говорит:

— Электротрактор не требует подвозки горючего и воды. Пахота на нем обходится в два с половиной раза дешевле, чем на керосиновых и дизельных тракторах. Электрифицировав пахоту, сев и культивацию, наш колхоз сэкономит в этом году несколько десятков тысяч рублей. Внедрение электротрактора — это новое проявление заботы партии и правительства о повышении колхозных доходов, а значит, и материального благосостояния колхозников.

Весной этого года тракторные работы электрифицируются также в колхозе «Авангард», а осенью электропахота развернется на двух с половиной тысячах гектаров в десяти колхозах Янги-Юльского района.

Д. Протопопов

ВЕСЕННИЕ ПОСАДКИ

Во многих районах страны идут сев и посадки леса. Корреспонденту «Огонька» в Министерстве лесного хозяйства СССР сообщили:

— Первыми в стране начали лесопосадочные работы колхозники, лесные хозяйства и лесозащитные станции Херсонской, Днепропетровской, Кировоградской, Одесской, Николаевской и других областей Украины, Краснодарского края, Молдавской ССР, Крыма и отдельных районов среднеазиатских республик. В начале апреля они развернулись в 26 областях и краях нашей страны. Раньше других завершили работы Измаильская и Крымская области. Закончил годовой план посадок Краснодарский край, успешно идут лесопосадки сверх плана в Запорожской, Одесской и других областях Украины.

Широко развернулись работы в Херсонской области. Цюрупинская лесозащитная станция (директор — Ф. Крюков) первой выполнила свой план лесопосадок на 153 процента, высадив тополь на площади 304 гектара.

Растет на Украине движение звеньев высокого качества. «Не только посеять, посадить лес, но и вырастить его!» — таков боевой лозунг, выдвинутый тружениками лесного хозяйства. В Харьковской области звеньевая Высокоборгского лесничества, Змиевского лесхоза, Ефимия Марковна Тернопал в 1948 году высадила сосновые культуры на площади в 18 гектаров и добилась 98 процентов их приживаемости. Почти такой же приживаемости достигла звеньевая Мерчанского лесничества, Октябрьского лесхоза, Евдокия Петровна Мовчан, высадив лес на площади в 24 гектара. Благодаря звеньям высокого качества в лесхозах Одесской области было выхожено 95 процентов прошлогодних посадок.

На Украине создано уже около 3700 звеньев, которые решили последовать примеру Тернопал и Мовчан.

В Молдавии к началу апреля лес был посажен на площади в 284 гектара — примерно половина плана всей республики. Молдавские колхозы и лесхозы оказали серьезную помощь лесхозам степных районов страны, собрав и отправив им несколько тонн семян гледичии и белой акации.

Ширится фронт работ в Сталинградской области, через которую пройдет ряд государственных лесных полос. Ведется шелюгование — закрепление песков. Началась подготовка почвы под лесные культуры, которые будут высажены осенью нынешнего и весною будущего года, и под первые посадки на государственной полосе Сталинград—Степной — Черкесск. Как известно, комсомол взял шефство над одним из участков этой полосы — Камышин — Сталинград. Комсомольцы должны высадить на площади 3300 гектаров более 35 миллионов саженцев. Заготовлены семена, инструмент, полевые вагончики для отдыха трактористов лесозащитных станций.

Начались работы по самой большой государственной лесной полосе — Вишневая — Каспийское море, по берегам реки Урал. Длина полосы — 1080 километров. Первые пробные посадки, которые сейчас здесь будут произведены, займут около 100 гектаров.

О готовности к лесопосадкам сообщают из Саратовской, Воронежской и других областей. Воронежцы организовали 350 звеньев высокого качества и решили перевыполнить план посадки на 500 гектаров. На Украине лесные питомники займут на 300 гектаров больше, чем по плану.

К началу весенних работ лесхозы, лесозащитные станции Министерства лесного хозяйства СССР получили много тракторов, автомашин, плугов, борон, культиваторов; поступили первые партии лесопосадочных машин.

КОРОТКО

НОВЫЙ ФИЛЬМ, посвященный жизни и творчеству А. С. Пушкина, готовит Центральная студия документальных фильмов. В Ленинграде съемки уже ведутся в Институте литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом), начаты киносъемки в селе Михайловском, на Кавказе, в Крыму, Молдавии — в местах, связанных с пребыванием и литературной деятельностью гениального русского поэта. Производство картины будет закончено к юбилейным дням.

ТРИ ЧЕТВЕРТИ ВЕКА существует Ташкентская обсерватория. За годы советской власти в обсерватории были созданы первоклассные лаборатории для вычисления точного времени, исследования Солнца и переменных звезд. Ташкентские астрономы принимают активное участие в составлении советского каталога так называемых слабых звезд. Этот капитальный труд выполняется одновременно несколькими обсерваториями СССР.

ПЛОВУЧИЙ ФИЛИАЛ МУЗЕЯ водного транспорта организуется на корабле «Сармат». Это один из двух первых в мире теплоходов, построенных русскими инженерами в Петербурге. Скоро он совершит свой последний рейс к месту постоянной стоянки у города Горького.

ПАМЯТНИК Т. Г. ШЕВЧЕНКО сооружается в Днепропетровске, в парке его имени. Монументальная фигура великого украинского народного поэта устанавливается на пьедестале, на фоне большой скалы. Общая высота памятника 8 метров. Автор проекта—днепропетровский скульптор тов. Зноба.

МОСКВА — БУДАПЕШТ

МАТЧ-ТУРНИР ДРУЖБЫ

КОМАНДА МОСКВЫ: Котов, Смыслов, Бронштейн, Рагозин, Авербах, Флор, Симагин и Лилиенталь.

Общественность Будапешта расценила это соревнование как самое выдающееся событие в истории венгерских шахмат. Зал Дома профсоюза торговых служащих, где с 5 марта проводился первый круг матч-турнира шахматистов двух столиц, был переполнен. Гостеприимно и радушно встретила столица Венгрии советских шахматистов.

В московской команде — гроссмейстеры В. Смыслов, А. Котов, В. Рагозин, Д. Бронштейн, А. Лилиенталь, С. Флор и мастера В. Симагин и Ю. Авербах. Эти имена хорошо знакомы любителям шахмат во всем мире.

В команде Будапешта — лучшие шахматисты Венгрии: гроссмейстер Л. Сабо, мастера Г. Барца, П. Бенко, Э. Геребен, И. Сили, Л. Типари, Т. Флориан и А. Вайда (во втором круге, в Москве, его заменил Г. Фюштер).

Все участники венгерской команды имеют богатый опыт международных встреч. Гроссмейстер Сабо — победитель ряда крупнейших международных соревнований. В 1946 году в Стокгольмском турнире он занял второе место, завоевав этим право участвовать в турнире претендентов, победитель которого будет в 1950 году играть матч с чемпионом мира советским гроссмейстером М. Ботвинником. Барца — чемпион Венгрии 1947 года, и Бенко — чемпион страны 1948 года.

Команда Венгрии, безусловно, одна из сильнейших в мире. До войны она, участвуя в так называемом «турнире наций», три раза завоевывала первенство мира и дважды выходила на второе место. После войны венгерская команда одержала ряд блестящих побед против команд стран Европы.

Понятно, с каким интересом и вниманием следили любители шахматного искусства за этим соревнованием, анализируя партии, явившиеся новым вкладом в теорию шахматной игры.

Первый круг турнира закончился с результатом 38 : 26 в пользу команды Москвы. Шахматисты Венгрии хорошо подготовились к ответственной встрече и оказали советским шахматистам упорное сопротивление.

В свободное от игры время и после закрытия будапештской части матча советские шахматисты дали много сеансов одновременной игры на предприятиях и в учреждениях Будапешта, а также в ряде других городов. Встречи проходили в теплой, дружеской атмосфере. Выяснилось, что многие венгерские шахматисты хорошо знакомы с достижениями советской шахматной школы.

После перерыва москвичи приветствовали участников команды Будапешта в советской столице. Здесь 2 апреля в Центральном доме железнодорожников начался второй круг матч-турнира.

Спортивный результат второго круга — 48½ : 15½ в пользу команды Москвы.

Общий результат всех 128 встреч — 86½ : 41½ в пользу советских шахматистов, которые выиграли 59 партий, проиграли 14 и 55 свели вничью.

Индивидуальные результаты москвичей: Смыслов и Котов — по 12½ очков, Симагин — 12, Бронштейн — 11½, Авербах — 10, Лилиенталь и Флор — по 9½, Рагозин — 9 очков (из 16).

Результаты участников команды Будапешта: Бенко — 7½, Барца и Сабо — по 6, Типари — 5½, Сили и Флориан — по 4½, Геребен — 3½ (из 16), Фюштер и Вайда — по 2 (из 8).

Гости познакомились с достопримечательностями советской столицы, побывали в театрах.

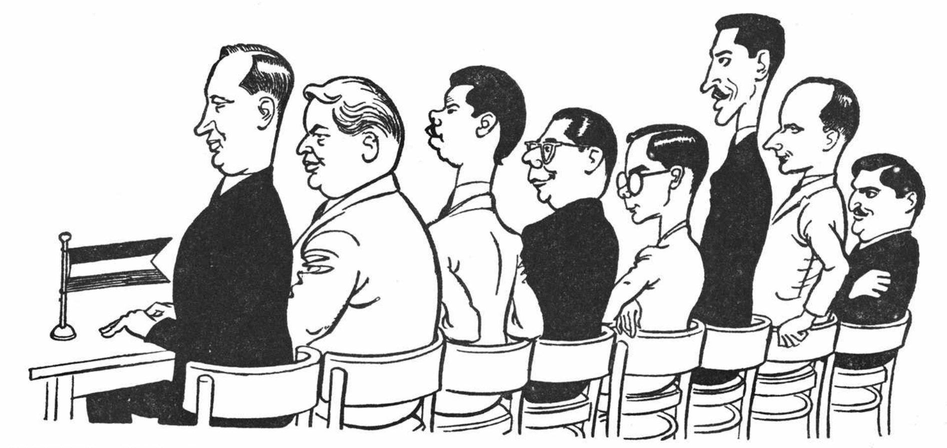
В результате матч-турнира шахматистов Москвы и Будапешта обогатилась теория шахматного искусства, повысился теоретический уровень

СУДЕЙСКАЯ КОЛЛЕГИЯ: Зубарев (Москва), Л. Балог (Будапешт).

игры участников обеих команд, и, самое главное, еще больше укрепились культурные связи, дружба народов Советского Союза и демократической Венгрии.

Н. НИКОЛАЕВ

КОМАНДА БУДАПЕШТА: Сабо, Фюштер, Бенко, Типари, Флориан, Барца, Сили и Геребен.

Дружеские шаржи Н. Лиса

Футбольный сезон начался

Начался розыгрыш первенства СССР

В прошлое воскресенье в семи южных городах нашей страны одновременно, ровно в шестнадцать часов, раздались приглашающие свистки спортивных судей. На поле выбежали футболисты и завязали первый в сезоне и по обыкновению горячий спортивный спор.

Так начался розыгрыш первенства СССР по футболу. В нем принимают участие не только команды, уже известные по прошлым чемпионатам, но также и молодые коллективы бакинского «Нефтяника», харьковского «Локомотива», ереванского «Динамо», донбасского «Шахтера» и рижского клуба «Даугава».

Восемнадцать команд приняли старт интересного состязания футболистов.

Уже первые матчи показали хорошую подготовленность и высокие волевые качества как испытанных в борьбе команд, так и молодых, впервые вышедших на всесоюзную арену коллективов.

Переполненные трибуны тбилисского стадиона имени Берия рукоплескали первому голу, вбитому с помощью их любимца Бориса Пайчадзе.

После долгого перерыва этот первоклассный форвард вновь вышел на поле и возглавил темпераментные атаки тбилисских динамовцев. Свой матч с сильным и давним соперником, футболистами Московского автозавода имени Сталина «Торпедо», они свели к ничьей — 2 : 2.

В эти же минуты на бакинском стадионе молодые нефтяники самоотверженно боролись с московской, уже испытанной командой ВВС и не только не позволили вбить в свои ворота ни одного гола, но сами перешли в наступление и добились успеха: они забили решающий мяч и ушли с поля победителями под дружные аплодисменты зрителей.

В Ереване, на прекрасном новом стадионе, местные динамовцы, которые впервые встретились с новыми соперниками — футболистами общества «Зенит», — также провели первую игру с подъемом. Ленинградцам пришлось приложить много усилий, чтобы вырвать победу с преимуществом в один мяч — 1 : 0.

Победитель прошлогодних соревнований коллективов второй группы — харьковский «Локомотив» — встретился с одной из сильнейших команд страны — московским «Спартаком» — и, к чести своей, оказал серьезное сопротивление, отстоял неприкосновенность своих ворот, хотя и сам не вбил ни одного гола.

В Сталинграде форвард местной команды «Торпедо» П. Калмыков точно послал мяч в сетку ворот «Динамо» (Минск) и тем решил исход соревнования. Футболисты московского «Локомотива» в городе Сталино обыграли команду общества «Шахтер» с результатом 2 : 0, а киевские динамовцы на своем поле одержали победу над ленинградскими одноклубниками (2 : 1).

Результаты первых матчей — победы с минимальным превосходством в соотношении мячей — как бы предсказывают упорную, напряженную борьбу в начавшихся соревнованиях.

В СЕЛЬСКОМ ТЕАТРЕ

Двадцать пять лет назад группа молодежи подмосковного посёлка Хотьково, Загорского района, организовала самодеятельную агитбригаду. Руководила ею учительница Е. Марченко. Комсомольцы, составлявшие большинство коллектива, живо откликались на все явления жизни: ставили агитационные пьесы, готовили концерты к октябрьским и первомайским праздникам.

Спектакли хотьковского драматического кружка прочно вошли в культурную жизнь района. Сейчас в самодеятельном театре тридцать пять человек. Им руководит шофер П. Скоромнов, сменивший своего педагога Е. Марченко. Попрежнему играет в спектаклях бывшая ткачиха шестидесятитрехлетняя М. Булыгина, начальник цеха Б. Рожков, пришедший в кружок совсем мальчиком, и другие.

Коллектив ставит пьесы Островского, Горького, новые пьесы советских драматургов. К своему двадцатипятилетию коллектив поставил пьесу Н. Вирты «Хлеб наш насущный».

Сцена из спектакля «Хлеб наш насущный». Марфа — Е. Бабкина (работница), Матвей Астахов — шофер П. Скоромнов.

Завод «Красный выборжец». Лучшая бригада цветного литья, ускорившая плавку в $2^{1}/_{2}$ раза. Справа налево: А. И. Лягин (бригадир), Я. П. Захаров, И. И. Бабочкин и Д. М. Хаит.

Фото Д. Трахтенберга

На родном заводе

А. СТАРКОВ
М. ФРОЛОВ

I

20 января 1929 года в «Правде» была впервые опубликована статья Владимира Ильича Ленина «Как организовать соревнование?».

Ее прочли в тот день миллионы советских людей.

Прочитал эту статью и бригадир обрубщиков ленинградского завода «Красный выборжец» Михаил Путин.

Он вчитывался в простые, ясные ленинские слова, и ему казалось, что это с ним, рядовым коммунистом Путиным, говорит по душам великий Ильич.

«Впервые после столетий труда на чужих, подневольной работы на эксплуататоров является возможность **работы на себя**...»

Разве не о нем, сыне стрелочника и прачки, написано это? Не его ли девятилетним мальчуганом отдали в контору на побегушки? Не он ли в поисках заработка переменил с десяток профессий: был и сторожем, и грузчиком, и кочегаром, и даже цирковым борцом, ютился в ночлежках и лишь после революции обрел свое счастье, выпрямился, почувствовал себя человеком, хозяином собственной судьбы?.. Для него завод, на котором он работает, стал **своим** заводом. Он, Путин, уже не раз задавал себе вопросы: как бороться с прогульщиками, как покончить с браком, как снизить себестоимость изделий?

И вот Владимир Ильич отвечает ему:

«Наша задача теперь, когда социалистическое правительство у власти,— организовать соревнование».

Соревнование!

Путин принес в цех «Правду», развернул ее на верстаке и прочел статью Ленина друзьям по бригаде. Прочитал и молчит: ждет, что они скажут. А те тоже молчат: ждут, что скажет бригадир. Борис Круглов, самый молодой из них, комсомолец, не выдержал и говорит Путину:

— По глазам твоим вижу, Елисеич: чего-то ты задумал. Выкладывай свои мысли.

— Мысль одна: соревноваться. Это не я предлагаю. Это товарищ Ленин предлагает.

— Как это понять — соревноваться? — спросил Мокин, тихий и рассудительный малый.— Договор, что ли, какой заключить?

— Договор,— подтвердил Путин,— это ты правильно сказал: договор!

И вот лежит он перед ними, тетрадочный, в клетку листок: «...вызываем на социалистическое соревнование... добровольно снижаем на 10 процентов расценки... примем все меры для повышения производительности труда на 10 процентов».

Листку этому история отвела место под стеклом в Музее Революции. Листку этому суждено было разжечь пламя соревнования во всей стране. Он начал свое движение по трубному цеху, из рук в руки, из бригады Путина в бригады Николая Дубинина, Комарского, Фокина. «Принимаем вызов...», «обязуемся...», «добавляем свои пункты...» Откликнулись из других цехов литейщики, плавильщики, прокатчики, ремонтники. И заговорил весь завод. Заговорил так, что его голос услышала через «Правду» страна: «Красновыборжцы вызывают на соревнование!» Первой откликнулась маленькая бумажная фабрика «Каменка». За ней — московский «Серп и молот», Кольчугинский завод, костромской «Металлист». Подал голос Урал. Прислали свои обязательства воронежские колхозники. В Твери собрались представители девяти крупнейших текстильных фабрик страны и подписали договор от имени 58 тысяч рабочих и работниц.

И когда раздался призыв XVI партийной конференции, соревнование приняло всенародный характер.

22 мая 1929 года в «Правде» была напечатана статья Иосифа Виссарионовича Сталина «Соревнование и трудовой подъем масс». В ней говорилось:

«Некоторые «товарищи» из бюрократов думают, что соревнование есть очередная мода большевиков и, как таковая, должна заглохнуть по окончании «сезона». «Товарищи» из бюрократов, конечно, ошибаются. На самом деле соревнование есть **коммунистический метод строительства социализма** на основе максимальной **активности** миллионных масс трудящихся. На самом деле соревнование есть тот **рычаг**, при помощи которого рабочий класс призван перевернуть всю хозяйственную и культурную жизнь страны на базе социализма».

Начиналась великая эпоха — эпоха сталинских пятилеток...

II

Год 1949-й.

Весна.

На «Красный выборжец» приехал начальник одного из ленинградских строительных управлений Михаил Елисеевич Путин. Он частенько бывает здесь по делам службы, а иной раз и просто так заедет, старых друзей навестить. Сегодня он не один. С ним полковник авиации.

Они идут в партком, и там Путин обращается к парторгу:

— Знакомьтесь. Борис Дмитриевич Круглов. Потомственный обрубщик, ныне авиатор...

— Знаю, знаю,— говорит секретарь парткома,— хотя я тут работник новый, но наслышан.

— ...и хочется товарищу полковнику,— продолжает Путин,— взглянуть на родные, так сказать, пенаты.

— Пожалуйста. Полагаю, что специальных провожатых вам не потребуется?

— Я тоже так думаю,— говорит Путин,— где сами разберемся, а где друзья помогут.

Круглов спешит, конечно, в трубный, но Михаил Елисеевич тянет его сперва в клуб.

— А может быть,—предлагает Борис Дмитриевич,— зайти в клуб попозже, на обратном пути?

— Есть смысл побывать там именно сейчас, до цеха.

Клуб, недавно построенный, поистине великолепен. Это гордость завода.

— Сколько света! — восклицает Круглов.— Какое чудесное фойе! А ты чего молчишь? Не нравится?

— Видишь ли, не совсем удобно хвалить работу строителей своего управления... Лучше погляди-ка наверх.

— О, как это я сразу не заметил!..

Наверху, над витриной с портретами стахановцев, висит картина, названная художником «Первый договор»,— картина, которая не может не взволновать этих двух пожилых, бывалых людей. Они видят себя молодыми, в синих спецовках, в замасленных, сдвинутых на затылок кепках, видят своих товарищей по бригаде.

— А не кажется ли тебе, Елисеич, что мы с тобой чуточку изменились?

— Самую малость.

— Кто это слева? Похож на Пашу Мокина.

— Он и есть. Погиб Паша на войне.

И снова смотрят они на картину, потом друг на друга и опять на картину. Стоят, молчат, вспоминают...

Нет, не жалеет Круглов, что побывал здесь.

— Ну, а теперь в трубный.

Там, в трубном, уже знают, что Путин ходит по заводу с каким-то полковником. В конторке цехового механика Николая Матвеевича Дубинина собираются ветераны. И, конечно же, тут старики Комарский и Фокин, два закадычных приятеля, два бывших бригадира, которые вместе с Дубининым 20 лет назад первыми присоединились к путинскому договору. Фокин сейчас — старший мастер, Комарский — техник; оба давно на пенсии, но завода не покидают.

Появляется Путин.

— Елисеичу привет,— произносит Дубинин и, увидев входящего вслед за Путиным полковника, поднимается ему навстречу, сразу узнает и широко разводит руками: — Раздобрел, брат, раздобрел...

— Батюшки мои!—оглядывается Круглов.— Да никак тут все четыре прежних бригадира: Фокин, Комарский, Дубинин, Путин. Четыре бригадира на одного рядового обрубщика. Что ж, готов выполнить любое ваше задание, уважаемые начальники.

— Между прочим, должен огорчить гостя,— говорит Дубинин.— Обрубщикам у нас делать нечего. Технология нынче не та.

— А именно?

— Предлагаю пройтись по цеху. Покажу.

Круглов, когда шел в трубный, предполагал, понятно, что цех должен был измениться за эти годы. Но не думал он, что это произойдет в таких масштабах. По существу, прежними сохранились лишь стены да несколько волочильных станов, которые вместо прежней основной роли имеют теперь подсобную, ибо утомительный и тягучий процесс волочения труб почти полностью заменен прессовкой, сократившей цикл производства примерно в шесть раз...

Михаилу Елисеевичу все это не в новинку. Но и ему кажется, что за тот месяц, что он не был в цехе, здесь многое переменилось. Вот ведь он отлично помнит, что у того электрического молота работало трое — теперь управляется один. А эти ножницы, автоматически отрезающие лишний кусок прутка? Их не было тогда; не было и вот тех роликов для правки труб.

Путин слышит, как Дубинин, давая объяснения Круглову, все время упоминает о какой-то бригаде, которая и там что-то переделала и здесь кое-что изменила и которой, насколько можно было судить по скупым репликам механика, до всего есть дело.

Что же это за бригада?

Официально ее именуют комплексной.

В ней объединились люди разных профессий: механик Дубинин и его брат Григорий, знаменитый ленинградский разметчик, читающий лекции с институтской кафедры, конструкторы Доброскок, Ландихов и Светличный, токарь Поляшов, специальность которого, собственно, трудно определить, потому что он с одинаковым блеском работает на любом механическом станке, слесарь Бужинский, инструментальный мастер Банковский, кандидат технических наук Жолобов...

— Это какой Жолобов? — спрашивает Круглов. — Не Виктор ли, нормировщик? Тот самый? Мы с ним вместе уходили на учебу.

Итак, сошлись девять человек — стахановцы, инженеры, ученый,— сошлись, как равные, для того, чтобы, сложив воедино все свои знания и опыт, вместе искать и находить новые пути в технике.

Сколько творческих замыслов у этих беспокойных искателей! Одни уж воплощены в жизнь, другие реализуются, третьи существуют пока лишь в черновых записях, в карандашных набросках и подвергаются горячему обсуждению... С каждым часом крепнет чудесное содружество людей труда и науки.

И разве не ощущается в этом факте дыхание нашего завтра, дыхание коммунизма!..

III

— Слушай, Елисеич,— сказал вдруг Круглов, когда они заканчивали осмотр трубного цеха,— ты помнишь плавильную печь номер девяносто три? По-моему, ее бригада одной из первых заключила с нами договор. Неплохо бы заглянуть к «старушке»?

— Ты, дорогой, безнадежно отстал. Нет той печки. Сломана за непригодностью. Нынче плавят медь совсем иным способом. И знаменита теперь другая печь — лягинская.

— Что-то не знаю я такой системы.

— Если судить по учебнику, система эта самая обычная: поворотная, отражательная печь на 20 тонн. По существу же не совсем обыкновенная... Идем. На месте будет виднее.

И они направились в литейный цех, к печи, которая значится под номером только в документах, а всему заводу известна как лягинская, потому что работает на ней Александр Иванович Лягин, зачинатель скоростных плавок.

Он пришел на «Красный выборжец» безусым деревенским пареньком. Это было лет девятнадцать назад. Его поставили подручным на «девяносто третью», о которой вспомнил Круглов. Печь доживала свои последние дни: цех реконструировался. Лягин понимал, что ему не угнаться за новой техникой, если он не будет учиться. И юноша поступил на курсы мастеров социалистического труда.

Человек тихий, внешне неприметный, он принадлежит к категории людей, чьи подлинные качества раскрываются обычно в трудные минуты. Вот так однажды, когда Лягин числился еще подручным, ему пришлось неожиданно заменить заболевшего бригадира, и он уверенно провел плавку, и все увидели в нем зрелого плавильщика, способного самостоятельно управлять печью.

О нем стали говорить: «Работает грамотно». Это была высокая оценка, означавшая, что Лягин — не кустарь, что не по наитию, не по одному лишь чутью варит он медь, а делает это, вооруженный химическими законами, законами горения, законами кристаллизации.

Мечта о скоростных плавках возникла у него давно. Поначалу это были разрозненные, неясные мысли, которым лишь предстояло превратиться в стройный, продуманный план. Этому превращению способствовало следующее обстоятельство.

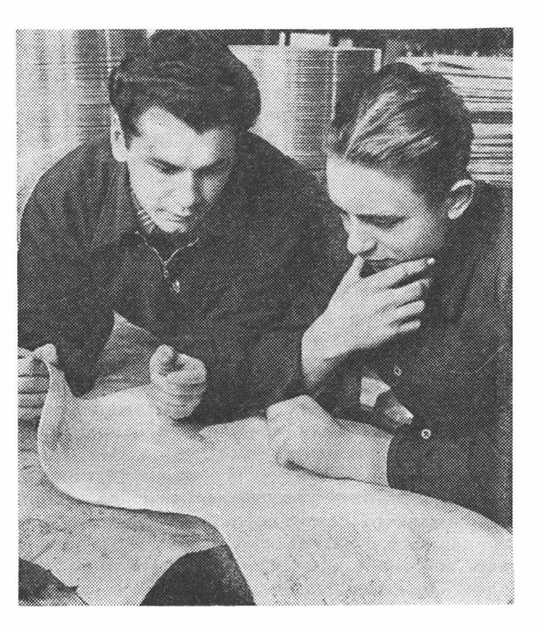
Нынешней зимой к Лягину, замещавшему уехавшего в отпуск секретаря партбюро, пришел встать на учет новый технолог. Александр Иванович пробежал глазами документы: «Сверчков Владимир Алексеевич... год рождения 1926... из колхозников... окончил Московский институт цветных металлов...» — и сразу почувствовал симпатию к этому высокому, светловолосому, совсем еще молодому человеку с простым, открытым лицом.

Так состоялось их знакомство.

Все чаще останавливался Сверчков у лягинской печи, наблюдая, как бригадир ведет плавку. Все чаще видели их вместе после работы. Все чаще наведывались они вдвоем в заводскую лабораторию.

Знакомство становилось дружбой.

Мечта Лягина приближалась к осуществлению.

Комсомольцы техник-конструктор Г. Беляев и токарь-давильщик С. Бряндин, заключившие договор о творческом содружестве.

С помощью Сверчкова она облеклась в форму графика, разработанного по минутам.

И вот 12 января 1949 года — дата, отныне памятная в истории завода,— Александр Иванович Лягин загрузил плавильную печь не в одно окно, как обычно, а сразу в оба. Он «дразнил» окисленный металл не одним бревном, как делалось это до сих пор, а парой бревен. Он выливал готовую медь двумя ковшами.

Время, потребное на весь цикл плавки, сократилось в два с половиной раза.

Лягин работал так и на другой день, и на третий, и на четвертый. Скоростные плавки стали методом его бригады. И не только его — всех бригад литейного.

Двадцатитрехлетний технолог Владимир Сверчков был назначен начальником цеха.

...Путин и Круглов застали Лягина в красном уголке. Он только что закончил смену и теперь со своей бригадой обсуждал пункты социалистического договора. Михаил Елисеевич посмотрел на друга, и тот сразу понял: да, вот точно так же и они сидели 20 лет назад за столом.

— Решили вызвать уральцев,— сказал Лягин,— замахнулись широко. Двадцать месячных норм за год. Экономия — сто тонн мазута. И самое главное, чтобы наше литье не нуждалось в проверке ОТК. Трудновато? Нелегко! К тому же вот Яков Петрович,— он показал на плавильщика Захарова,— уходит бригадиром на соседнюю печь. Правда, есть ему замена: Ваня Бабочкин. Будет мне правой рукой вместо Петровича. Между прочим, с огнем дело имеет давненько. Раньше был в пожарниках, тушил пламя, а нынче раздувает...

Тихо говорит Лягин, медленно говорит, но ощущается в этом человеке большая внутренняя сила.

Путин спрашивает его:

— Ну, как, Александр Иванович, живется на новом месте? Нет ли претензий к нам, строителям?

— Спасибо, Михаил Елисеич. Квартира у меня хорошая. Дом выстроен на славу...

IV

Из литейного — в прокатный, из прокатного — в ленточный.

В прокатном навестили старика Пасерова, хозяина уникального стана. Все так же стоит он у штурвала, и все так же стальная громада не смеет ослушаться старика, покорно повинуясь ему. А вот помощники у него сменились. Прежние давно уж в бригадирах. Стан Пасерова именуют молодежным. Это верно не только потому, что Гавриил Федорович окружил себя комсомольцами, а и потому, что сам он трудится по-молодому.

В ленточном друзья видели, как Варя Казакова управляется с двумя машинами. Пока одна пропускает ленту, девушка оснащает вторую. Каждое движение рассчитано и продумано. Про Казакову говорят шутливо, что оттого она работает так расчетливо, что когда-то была счетоводом.

Вот и подходит к концу путешествие по заводу. Оно завершается в маленькой чертежной посудного цеха разговором с конструктором Ге́рой Беляевым и токарем Сережей Брындиным. Оба родились в тот год, когда Путин и его бригада бросили клич о соревновании.

Примечательна встреча представителей двух поколений!

Беляев перекладывает с ладони на ладонь латунную пробку от фляги.

— Крошечная штучка, а сколько берет труда. Вот мы с Сережей думаем собрать специальный автомат. Чтобы штамповал пробки к флягам.

Они еще в самом начале пути, эти юноши!

...Старые друзья выходят во двор завода. Они идут мимо мраморной доски, на которой значатся имена зачинателей соревнования, мимо витрин с портретами знатных стахановцев, мимо плаката с телеграммой министра о присуждении «Красному выборжцу» переходящего Красного знамени. И Путин произносит задумчиво:

— Каждый раз, как побываешь на родном заводе, словно теплым ветерком тебя обласкает...

РЕКА ПОШЛА

Рассказ

Марианна ЯХОНТОВА

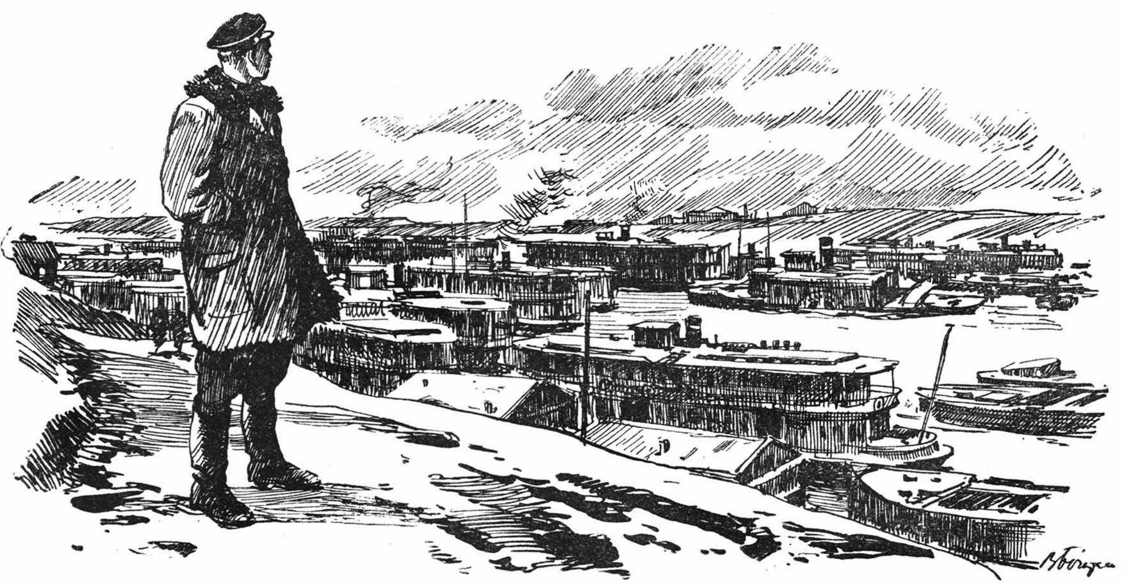

Рисунок В. Богаткина

Костя Мохов считал себя самым счастливым человеком в затоне. Этой зимою жизнь его сразу сложилась как нельзя лучше. С осени он объявил, что больше не будет плавать на пароходах. И жена его, давно об этом мечтавшая, стала еще заботливее и ласковей.

Квартира у Мохова была хорошая. Заработок на судоремонтном заводе в этом году увеличился, отношения с начальством стали еще лучше. Сам директор завода сказал ему недавно, что такого работника он охотно оставит у себя и на лето.

Дело было в том, что летом Костя ходил на пароходе штурвальным, а зимой удивлял всех своим столярным мастерством. Он мог быть и модельщиком, и мебельщиком, и резчиком. Не было на пароходах такой деревянной вещи, которую он не решился бы сделать, отремонтировать или подновить. И если бы начальник отделочного цеха не умерял его фантазии, то салоны на некоторых пароходах приобрели бы такую подавляющую пышность, что пассажиры в них забывали бы обедать и пить чай.

Поэтому Костя Мохов давал волю своему воображению дома. Он вырезал жене раму для зеркала — сложное плетение из листьев, гроздьев и странных, невиданных птиц. Все соседи, родственники и знакомые ходили смотреть на диковинное зеркало. И восклицания восторга приятно щекотали слух художника.

Помимо производственных и художественных дел Костя, с присущим ему увлечением, исполнял обязанности профорга и писал в затонскую газету статьи.

Нравились ли статьи читателям, оставалось неясным, но что жена Мохова, Фроня, находила их прекрасными, сомнений не было. Когда муж писал, она ходила на цыпочках и ухитрялась укрощать даже одиннадцатимесячную Олю — большую крикунью и существо жизнерадостное до чрезвычайности. Стоя около плетеной кроватки, в которой копошилась дочка, тихонько покачивая ее, Фроня ласково говорила:

— Пиши, пиши, Костя! Дома тепло, хорошо, уютно — не то, что в каюте. Пушкин, говорят, всегда дома писал.

Но Фроня напрасно ссылалась на великие примеры. Дома было настолько приятно, что Косте и не приходило в голову искать лучшего места для вдохновения.

Светлые рамы и белые подоконники, на которых стояли горшочки с цветами, половики на густо закрашенном полу, чистые и легкие, как дым, занавески на окнах — все здесь дышало довольством и покоем. От большой выбеленной печи тянуло ровным теплом. И в зимней тишине так манила к себе хитро разделанная книжная полка.

На щеках у румяной и полной Фрони были милые ямочки, а на руках, у запястья, как бы перетянутые ниточкой ложбинки. Она сама походила на большого ребенка. И Костя, улыбаясь, подходил к кроватке, брал на одну руку дочку, а другой обнимал жену.

— Вот смотри, как у нас все хорошо,— часто напоминала она.— И Ольгушка тут, и книжку почитать можно, и в кино, и в клуб сходить. Что ты там у себя летом на пароходе видишь?

И Костя вполне искренно отвечал:

— Ну, какая на пароходе жизнь! С апреля по ноябрь как прикованный. Забудешь, как люди по земле ходят. И тебя с Олечкой разве набегу, в месяц раз увидишь. Нет, я больше на реку не ходок!

То же самое, хотя и в ином освещении, говорил Костя прежним сослуживцам по пароходу, встречаясь с ними на собраниях.

— У меня же специальность... завод меня отпускать не хочет. Походил штурвальным — хватит. Не все ли равно, где для государства работать? Вон погляди, какой у меня на «Спартаке» первый класс вышел — прямо дворец!

И не желая останавливаться на пути добродетели, Костя Мохов добавлял:

— Вот теперь еще курить бросил. Пустое занятие. И в семействе неудовольствие — дочка кашляет. Теперь, как я буду человек береговой, надо о порядке и о доме думать.

И он действительно думал о порядке и о доме. И все шло очень хорошо.

Зима, как ей и полагалось, прошла быстро. В марте на многих пароходах уже закончился ремонт. Производилась пробная шуровка. Мохов часто теперь видел, как под горой, в затоне, дымилась та или другая труба, опоясанная синей или красной лентой.

Снег уже почти сошел. Все чаще и чаще выпадали солнечные дни. В затонских овражках ворчали ручьи, а в воздухе стояла та прозрачная голубая ясность, которая так тревожит сердце каждого человека.

Костя должен был сознаться, что никогда еще весна не пробуждала в нем таких странных чувств.

Накануне ледохода, в один из субботних дней, вернувшись с завода раньше обыкновенного, он, как всегда, вымылся в бане, хорошо пообедал, всласть попил чаю и присел к столу, чтобы написать статью об итогах зимнего соревнования. Какое-то необъяснимое беспокойство, все чаще и чаще посещавшее его за последнее время, мешало ему сосредоточиться. Напрасно он рисовал на бумаге носы, круги и закорючки — вдохновение не приходило, и в голове не было ни одной путной мысли.

Ему явно чего-то нехватало. Он не чувствовал привычного довольства ни от отдыха, ни от домашнего уюта. Даже бугор подушек на кровати не вызывал в нем приятного предчувствия сна. Даже мелодический звон перемываемой Фроней посуды не казался ему сейчас достаточно благозвучным.

Внезапно Костя щелкнул себя пальцем по лбу. Он открыл причину своего беспокойства. Несмотря на то, что он бросил курить больше двух месяцев назад, ему показалось, что вот именно это бессознательное желание затянуться после обеда пьянящим табачным дымком и портило ему жизнь.

Не в правилах Кости было поддаваться слабости. Он надел пальто и вышел на волю, чтобы подышать свежим воздухом.

Моховский домик стоял на самой горе. Достаточно было пройти три десятка шагов, чтобы встать над рекой, у края крутого обрыва.

Были уже сумерки. Синяя вздувшаяся река, точно длинное темное облако, лежала у красных обтаявших склонов. На закраинах черной эмалью поблескивала прибывавшая вода.

Затон отделялся от реки песчаным островом. На нем еще сохранился чистый, нетоптанный снег, и белизна его напоминала об ушедшей зиме.

Внизу, вдоль береговой уторы, правильными рядами стояли в своих ледяных чашах затонские суда. Черные линии уже незамерзавших майн хорошо обрисовывали очертания небольших «самоходок» и барж. На большинстве пароходов уже разводили пары. И легкий синеватый туман медленно стлался над затоном.

Костя стоял на краю обрыва, глубоко и жадно дыша. Кругом него все было черно и влажно: черна вода, черен лед, черны и влажны деревья, растущие по склону, кусты, черны тропы, заборы, крыши домов и заводских построек. Даже ветер, дышавший с реки, в сгущавшихся сумерках был тоже темным и влажным.

Весенняя свежесть и прохлада, вид спавшей подо льдом пустынной реки вместо того, чтобы успокоить Мохова, только усилили его непонятную тревогу. Он сунул руку в карман и нащупал там горсть мелкого ландрина, которым укрощал теперь свои табачные страсти. Но на этот раз и ландрин, с его острой кислинкой, не приносил желанного облегчения.

— Ага, стоишь! — вдруг раздался сзади него знакомый насмешливый голос.— Водницкая душа заговорила?.. Ледоход почуял, парку пароходного хватил?

И тяжелая рука лоцмана Белявина, с которым Костя неизменно вахтил в рубке каждую навигацию, опустилась на его плечо.

— Нет, это я так... Платон Михайлович,— смущенно сказал штурвальный.— Жена печку натопила в такую теплынь... терпенья нет, прохладиться вышел.

Но лоцман его не слушал.

— Вон он, наш красавец! — говорил он, кивая головой.— Оперился, дымит, дышит... Через троечку деньков, надо полагать, выйдем. Из управления сегодня телефонировали — у Горького три подвижки было. Как бы река-то в ночь не тронулась.

И Белявин хозяйственно глянул на тонувшую в сумерках синюю вздувшуюся реку.

Следуя за его взглядом, Костя снова посмотрел под гору. И там среди множества судов, он сразу нашел корпус «Белинского».

Заново покрашенные белые надстройки парохода, широкий тент и решетки террасы отливали даже в наплывавшей темноте каким-то голубовато-матовым светом. Над трубой клубился легкий хвостатый дымок, тотчас же таявший в синеве вечера.

— Когда багаж в каюту переносишь? — спросил лоцман.

И то, что он спрашивал это, хорошо зная о решении Кости не выходить в навигацию, почему-то сильно раздражило Мохова.

— Да что вы все, Платон Михайлович, ко мне пристаете! — воскликнул он с риском обидеть своего учителя.— Вон и Трубников, и Семе-

нов, и Никеша Косой — только и разговору: «Когда багаж переносишь?» А я, может, ни о каком багаже не думаю... Меня же на заводе оставляют. Что вы, не знаете?

— Ну, ну, ну! — снисходительно и явно не принимая всерьез слов Кости, сказал лоцман.— Ну, не переносишь и не переносишь... Только капитан наказывал, чтобы все с первого рейса забирали.

И он с досадной ласковостью снова похлопал Мохова по плечу.

Ночью Костя долго не мог заснуть. Казалось, лоцман заразил его своим возбуждением, и он не вполне понимал самого себя. Ну, какое ему теперь дело до того, что кто-то уже собирается в навигацию и думает о переноске на пароход своего багажа? Он-то ведь на пароход не пойдет! Он-то ведь твердо решил остаться на берегу! Нет, будет с него беспокойной судовой жизни!

И Костя с видимым удовольствием начал перебирать в памяти все тяготы и неудобства пароходной службы.

Он вспоминал холодные осенние ночи, когда ветер и дождь секут человека на верхней палубе словно плетьми. Служба штурвального была не такой уж легкой, как это могло показаться со стороны. Постой-ка в рубке четыре часика сряду у колеса да погляди-ка в ночную тьму, разберись-ка в огнях обстановки, в сигналах, в створных знаках, чтобы не посадить пароход на мель!

А после вахты потаскай-ка пятипудовые мешки и ящики на пристанях, где нет грузчиков! Пароход-то, ведь он не ждет, ему надо по расписанию идти! Есть ли там грузчики или нет, а команда должна позаботиться обо всем. Бывает, что и лоцманы и помощники мешки таскают, не только матросы или штурвальные. А пассажиры, а теснота, а шум! А вечная торопливость в городах, где не успеешь как следует даже закупить нужного провианта. Нет, это решено. Больше его на пароход калачом не затащишь!

И с этим благополучным решением к Косте наконец пришел сон.

На рассвете, раньше того времени, когда надо идти на завод, Мохова разбудила жена.

На улице, за стенами дома, слышался оживленный говор, хлопали калитки и двери. Мимо окон часто мелькали людские тени. Фроня, теплая, заспанная, румяная, сидела на краю постели и протирала рукой запотевшее оконное стекло.

— Лед тронулся, Костя! — сказала она с беспричинно радостным выражением.

Костя быстро оделся и выбежал на улицу.

К берегу шли люди: мужчины, женщины, старухи. По краю обрыва с гиканьем носились мальчишки. И все почему-то не говорили, а кричали, размахивали руками, возбужденно и весело смеялись и окликали друг друга помолодевшими весенними голосами. Казалось, люди всячески хотели увеличить доносившийся из-за обрыва шум — глухое шуршание, треск и звон ломавшихся льдин.

— Река пошла! Река пошла! — только и слышалось вокруг.

Над рекой шевелились облака, с длинными, как кудели, розовеющими волокнами. Свет уже золотил красные глинистые горы и серовато-бурые луга пойменного берега.

Внизу, за затонским островом, неподвижно желтевшим в мягком сумраке еще не разгоревшегося дня, тяжело ворочалась и вздыхала, как большое ожившее тело, темная посиневшая река. Посредине ее медленно плыло огромное ледяное поле, с косо пересекавшей его грязной полосой оборванной дороги. А по обочинам этого поля, скрипя, звеня и шурша, поблескивая искристыми краями или изъеденной синей изнанкой, двигались более мелкие ломавшиеся льдины.

Казалось, там, за островом, у самого берега, идет какая-то веселая драка. Льдины яростно налезали друг на друга, подминали под себя соседей, барахтались, перевертывались, ныряли в воду и вновь выбирались на поверхность. Часть льдин выпирала на остров, на песок. И там они, громоздясь друг на друга, вставали на дыбы и с грохотом рушились на кусты лозняка.

— Ишь как прет! Ишь, озорует! — одобрительно сказал около Кости старик Весноватов, бывший матрос, ныне уже еле переставлявший ноги.— Плясать хочется, на ледоход-то глядючи!

И все это в самом деле было странно и непонятно весело. И не было ничего удивительного, что люди вокруг смеялись, а мальчишки в каком-то восторге орали, свистели и гонялись друг за другом.

Костя был тоже захвачен этим общим возбуждением, вполне понятным у людей, жизнь которых связана с рекой. Но он не мог не понимать, что волнение его было сейчас беспредметным. Что ему теперь этот ледоход?

Когда он пришел в этот день на работу, ему почему-то прежде всего ударил в нос острый, удушливый запах лака. Как непохож был этот запах на свежее дыхание реки, освобождавшейся ото льда. В отделочном цехе было тепло, светло, уютно. Под ногами привычно шуршала мягкая стружка. Костя полировал шкуркой столешницу для литерной каюты, но мысли его то и дело улетали в сторону.

То ему вспоминались богатые речные зори, фиолетовая река и розовый шкелик впереди рубки. То вдруг перед глазами возникала бодрящая суматоха на нижней палубе — шум, оживление, шутки и песни во время погрузки.

Вместо шкурки он чувствовал в своей ладони теплые ручки штурвала. Ровно шумят колеса, палуба чуть содрогается под ногой. Платон Михайлович сидит рядом на высоком табурете. Он доверяет Косте вести пароход по более легкому фарватеру.

Платон Михайлович знает на реке все — каждую отмель, каждый изгиб переката. При таком лоцмане штурвальный — все равно, что студент при профессоре. Есть чему поучиться! Только понимать надо.

А то ведь какой штурвальный попадется. Иному только на баяне играть да койку в каюте протирать. Такой не только свою жизнь проспит, а и чужую прихватит.

Кто-то теперь будет с Платоном Михайловичем вахтить?

Костя взглянул на свою работу и всердцах выругался. Увлеченный воспоминаниями, он двигал шкуркой не в том направлении. И на полированной столешнице появились некрасивые сапины.

Работа вообще не ладилась все эти дни. Костя часто подходил к высоким окнам цеха, чтобы взглянуть на реку. И чем меньше плыло по ней льдин, тем тревожнее и смутнее становилось на душе.

Винтовые пароходы уже вышли на простор реки. Первые радостные гудки зазвучали над затопляемыми островами.

Пароходы гудели так, словно соскучились от долгого зимнего молчанья и теперь наверстывали упущенное. Низкие, басовитые голоса особенно сильно действовали на Костю. И когда какая-нибудь хриплая октава, мощно сотрясавшая воздух, долетала до него с реки, он чувствовал в груди щекочущее удушье.

Река почти очистилась. Начали выходить из затона колесные пароходы. Но об отвале «Белинского» еще не было ничего известно.

В один из теплых сырых полдней, когда над рекой гулял бодрый задиристый ветерок, а по волнам прыгали первые белые барашки, Мохов столкнулся на берегу с электриком своего парохода, Никешей Косым — судовым комсоргом и заведующим красным уголком.

Никеша, пыхтя, нес деревянный зеленый сундучок и большую связку книг. Искусственный глаз его, вставленный взамен потерянного на войне, смотрел сурово и непреклонно, тогда как живой, настоящий, был тепл, весел и возбужден.

— Ну что же ты, Костька! — воскликнул Никеша.— Через два часа отваливаем! Где твой багаж?

Как и лоцман Белявин, комсорг, кажется, не допускал и мысли, что Костя останется на берегу. И застигнутый врасплох штурвальный молчал.

— Все раздумываешь? — сказал Никеша, ставя сундучок и книги на сухое место.— Колеблешься? Легкие затонские харчи понравились?

— А что же, кули таскать снова? — ответил наконец Костя.— Здесь у меня специальность не последняя, государству я человек нужный.

И вот в эту-то минуту Никеша, которого все так звали за доброту и мягкость характера, неожиданно нахмурился и поскучнел.

— Государство тебя не тычет, куда не хочешь, это верно,— внушительно проговорил он.— Да ты сам-то разве, ежели у тебя настоящее советское нутро, на трудный участок себя не поставишь? Ты во что себя ценишь? В медный грош с усечкой? Не на Кашиху ведь работаем и не на купцов Каменских! Ежели надо для общего дела, и кули потаскаем! Своя ноша не тянет. А водник, брат Костя, во время навигации, как колхозник во время страды. Здесь он день поработает, а государство потом целый год его работу помнит.

Никеша поднял свои книги и сундучок на плечо, чтобы удобнее было нести, и в заключение добавил:

— Эх, братишка, не за тем человек на земле живет, чтобы за легким делом гоняться! Думай, думай! Свою голову имеешь...

В эту минуту «Белинский» у причала, будто нарочно, дал свой первый отвальный гудок.

Растерянный Костя, еще не собравший как следует своих мыслей, стоял и смотрел вслед удалявшемуся комсоргу. А бархатный низкий гудок парохода, казалось, гудел у него не в ушах — во всем теле: в ногах, в голове, в крови.

Да чтобы он, Костька Мохов, от которого не бежит никакое дело, испугался ответственной тяжелой работы?.. Да чтобы он киснул лето на берегу?.. Да где же это видано? Кто так может про него сказать?

Все еще слушая радостный призывный гудок своего парохода, чувствуя в груди какую-то разом ото всего освобождающую легкость, Костя почти бегом взбежал по лестнице в управление затона.

— Давайте-ка поскорее увольнительную, Юрий Петрович! — бросился он к начальнику отдела кадров.— «Белинский» отходит.

— Да ведь ты, Мохов, кажется, оставаться хотел? Насчет тебя у меня записка от директора лежит.

— Что вы, Юрий Петрович! Где ж это слыхано, чтобы штурвальный — и все лето в затоне сидел?

Начальник отдела кадров смеялся:

— Беда с вами, волгарями! Как только река пошла, словно шальные делаетесь! Понимаю, понимаю! Ничего не попишешь!

Через четверть часа в домике с диковинным зеркалом был уже полный разгром. Одеяла, подушки, белье, ботинки, брезентовый плащ, пальто — все это, еще не собранное, валялось где попало.

— Фроня, где мои майки? — гремел Мохов.— Куда моя форменная тужурка запропастилась?

Разом побледневшая, растерянная Фроня металась от сундука к комоду и обратно. Она хватала вещи и дрожавшими руками укладывала их в чемодан.

— А завод? Как же завод, Костя?

— Что завод? Завод здесь останется, по реке не поплывет.

— Не найду я фуфайки. Никак не найду. Как же так, господи! Жили-жили, и на вот тебе...

— Ничего, ничего! Потом принесешь. Первым рейсом только до Куйбышева пойдем.

Фроня мигала мокрыми ресницами и покорно складывала и увязывала вещи. Увы, это повторялось уже не первый год! Каждую осень Костя клялся бросить реку и каждую весну неизменно уходил на пароходе.

— Да ведь, может, за тебя штурвального-то другого взяли?

— Ничего, матросом или боцманом прохожу! Пошевеливайся! Не таков Мохов, чтобы за него другого взяли! Ну, Ольгушка, прощай!

И Костя расцеловал дочку прямо в ее похожий на пуговицу нос.

На «Белинском» еще не давали второго гудка, когда Мохов, красный, запыхавшийся, весь увешанный вещами, входил по мосткам на палубу парохода. Торопясь и оглядываясь, как бы опасаясь, не потерял ли он чего, Костя опустил свой увесистый чемодан на ноги стоявшего в проходе лоцмана Белявина.

— Ну что, пришел? — морщась от боли, но снисходительно ухмыляясь, спросил лоцман.— Печенка не выдержала?

И Костя обиженно ответил:

— Что значит «пришел», Платон Михайлович?.. У меня и отец, и дед, и прадед по реке ходили. Как же я могу против своей фамилии идти?!

Знатные льноводы Белоруссии Герои Социалистического Труда Мария Андреевна Эзерин (слева) — звеньевая семеноводческого колхоза «Интернационал», Лиозненского района, Витебской области, и Анна Савельевна Горецкая — звеньевая колхоза «Россоны», Россонского района, Полоцкой области.

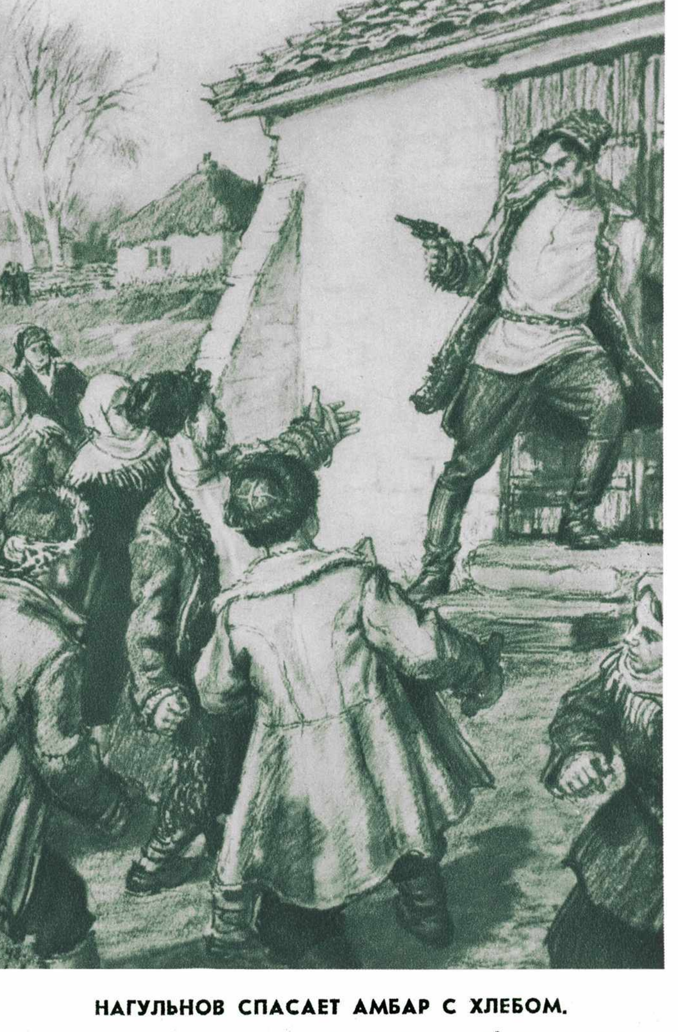
Фото М. Савина

ИЛЛЮСТРАЦИИ А. ЛАПТЕВА К РОМАНУ М. ШОЛОХОВА «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА».

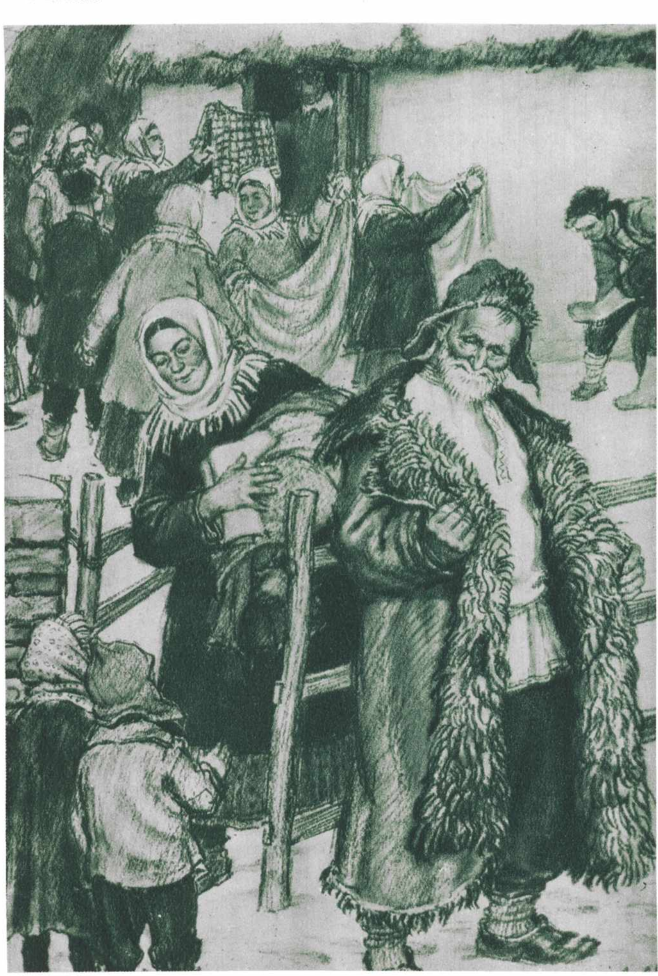
ИДУТ УБИВАТЬ ХОПРОВА.

«...По нетронутому снегу пошли волчьей цепкой, шаг в шаг...»

НАГУЛЬНОВ СПАСАЕТ АМБАР С ХЛЕБОМ.

«...кинулся от весов на приклеток амбара и стал, заслонив за собою дверь...»

ЩУКАРЬ, ПОЛУЧИВШИЙ ШУБУ.

«...Но, получив из рук Якова Лукича просторный дубленый полушубок, вновь пришел в отличное расположение духа...»

ПОДЪЕМ ЦЕЛИНЫ.

«В этот день к вечеру Давыдов вспахал десятину и два лана...»

МАСТЕРА СОВЕТ

Созданные за последн
фиками иллюстрации к в
художественной литерату
витии изобразительного
страции В. Серова к поэ
Руси жить хорошо», Кукр
М. Горького, П. Соколов
А. Лаптева к «Поднят
И. Тоидзе к «Антологии

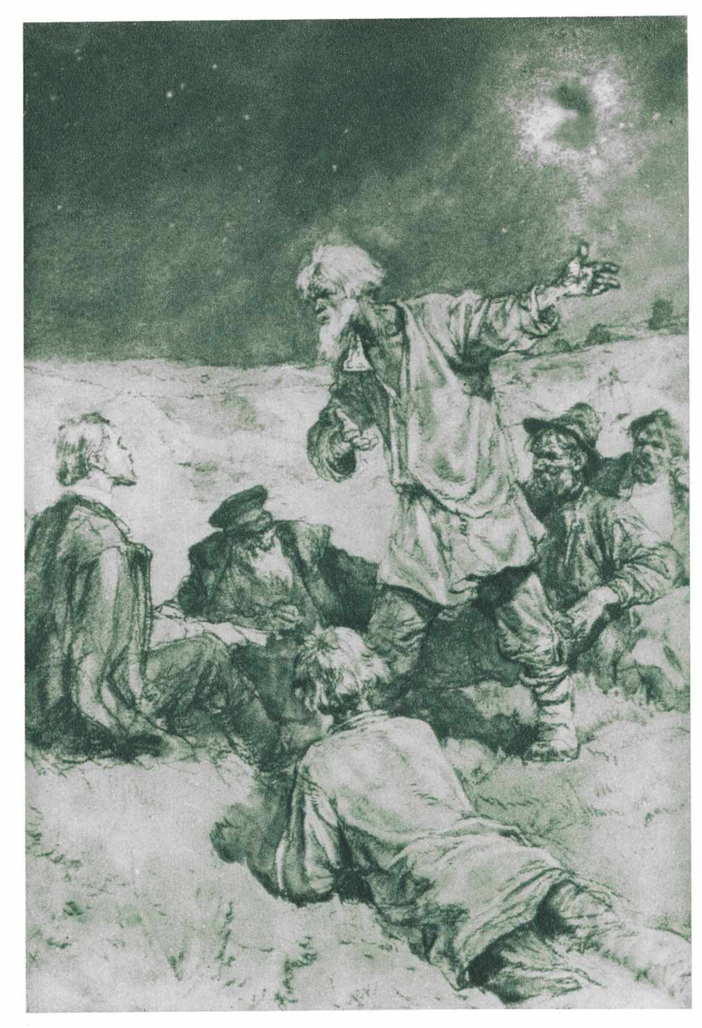
В лице В. Серова с
крупного мастера. Его р
с текстом Некрасова, об
боте Серова присущи
широта поэтического об
цикл наполнен большим
Здесь оживает порефор
противоречиями, обездо
крестьянства, его полной
создал задушевные обра
В их лицах читаешь глу
правде, нежную любовь
простым и честным тру
ским самодержавием, п
среда «господ» с ее кор

Иллюстрации выполне
ной реалистической шко

«Поднятая целина» М
повествование о коллект
дил на Дону «...глубочай
ворот... равнозначный п
люционному переворот
сунки А. Лаптева по-нас
мана. Победоносное ш
уклада деревенской жиз
художник, найдя соотве
рактеристики. В центре
ветских людей, революц
та, мужественных борц
страции насыщены подл
кой.

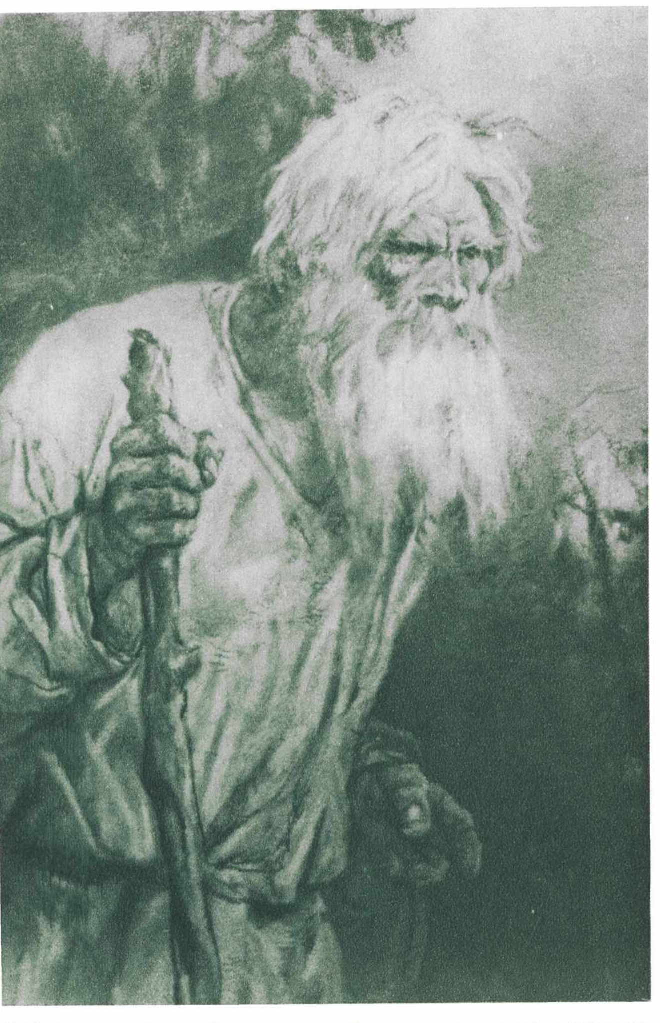
Произведения В. Серо
вались среди других раб
ги и графики Гослитизда

ИЛЛЮСТРАЦИИ В. СЕРОВА К ПОЭМЕ Н. А. НЕКРАСОВА «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

За спором не заметили,
Как село солнце красное,
Как вечер наступил.

...Зажглися звезды частые
В высоких небесах.

С большущей сивой гривою,
Чай двадцать лет
нестриженой,
С большущей бородой,

Дед на медведя смахивал,
Особенно как из лесу,
Согнувшись, выходил.

...СКОЙ ГРАФИКИ

...нее время советскими гра... ...ыдающимся произведениям ...уры — яркая страница в раз... искусства. Таковы иллю... ...эме Н. Некрасова «Кому на ...ыниксов к «Фоме Гордееву» ...а-Скаля к русским былинам, ...ой целине» М. Шолохова, ...грузинской поэзии».

...оветское искусство имеет ...рисунки, неразрывно слитые ...огащают образы поэмы. Ра... ...особая песенная эпичность, ...бобщения. Его графический ... социальным содержанием. ...менная Россия со всеми ее ...оленностью жизни русского ... беззащитностью. Художник ...азы простых русских людей. ...бокий патриотизм, верность ... к родной природе. Этим ...женикам, задавленным цар... ...ротивопоставлена чванливая ...ыстолюбием, продажностью. ...ны в традициях националь... ...лы.

... Шолохова — литературное ...ивизации, о том, как прохо... ...йший революционный пере... ...о своим последствиям рево... ... в октябре 1917 года». Ри... ...тоящему отвечают идее ро... ...ествие нового, советского ...ни — вот что сумел раскрыть ...тствующие графические ха... ...работ Лаптева образы со... ...ционеров крестьянского бы... ...в за социализм. Его иллю... ...инной героической романти...

...ва и А. Лаптева экспониро... ...бот на третьей выставке кни... ...та в Москве.

Мы идем, идем —
Остановимся,
На леса, луга
Полюбуемся...
...Мы стоим, глядим...

Очи встретятся —
Усмехнемся мы,
Усмехнется нам
Лиодорушка.

Его водили под руки
То господа усатые,
То молодые барыни,—
И так, со всею свитою,
С детьми и приживалками,

С кормилкою и нянькою,
И с белыми собачками,
Все поле сенокосное
Помещик обошел.

ВЕСЕННЕЕ ПОЛОВОДЬЕ.
Фотоэтюд М. Савина

Снежный рейс

Рассказ

Юрий УСЫЧЕНКО

Рисунки П. Баранова.

Лететь было опасно. Это знали все. Но лететь было нужно.

— Дело-то очень важное,— сказал начальник аэропорта, вызвав меня к себе в кабинет.— В селе Мацишин у жены учителя тяжелые роды. Необходима сложная операция. Такую операцию могут сделать врачи только здесь, в городе. Придется тебе отправиться в Мацишин. Сумерки наступят через два часа, и ты успеешь туда добраться, а утром вернешься с роженицей.

Слушая начальника, я смотрел через широкое, чисто вымытое окно на летное поле и вспоминал сводку погоды на вторую половину дня. В ней говорилось: «Возможно потепление и снегопад». Это будет первый снег.

Аэродром был покрыт бурой травой, вытертой колесами машин. Она так плотно прилегала к земле, что ветер не мог даже пошевелить тонкие увядшие стебли и проносился над ними, вздымая «колдунчики» — маленькие столбики пыли.

На краю поля стояли самолеты. Наше звено — звено санитарных машин — прижималось к старым, разбитым во время войны ангарам. Самолеты с моторами, закрытыми брезентом, таким же бурым, как земля, походили на суровых, нахохлившихся птиц.

— Если пойдет снег,— продолжал начальник, как бы угадав мои мысли,— действуй по обстановке. Ты опытный летчик и бессмысленно не станешь рисковать.

Я очень люблю первый снег. Вечерами он окутывает тонким покрывалом весь город. Он ложится на подоконники и выступы домов, расчерчивая фасады правильными прямыми линиями, как на проекте. Провода, которые тянутся через улицу, становятся толстыми, и от малейшего движения воздуха с них сыплется мелкая серебристая пыль. Она блестит в лучах автомобильных фар, в потоках желтоватого света, льющегося из окон, оседает на шапках, из-под которых блестят молодые веселые глаза; вечером, когда идет первый снег, у всех прохожих глаза становятся молодыми и веселыми. В такую погоду хорошо возвращаться с работы домой: мороз прогоняет усталость, щеки горят от его острых уколов, дышится легко и свободно.

Однако что хорошо на земле, порой плохо в воздухе. Впрочем, не буду забегать вперед.

Пожав начальнику руку, я поблагодарил за пожелание счастливого пути и отправился к своей машине. Вася, механик, уже расчехлил ее и прогрел мотор.

— Куда торопишься? — сказал я.— Может, еще не полечу...

Вася не ответил, только искоса посмотрел на меня.

«Что зря болтать,— как будто говорило его лицо, простое, добродушное, но не без лукавства в узких глазах.— Знаю, что полетишь».

Конечно, он был прав. Формально я мог бы отказаться от полета, раз сводка погоды неблагоприятная; но этого не сделал бы ни я, ни любой другой наш летчик: дело шло о спасении жизни, даже двух жизней: матери и ребенка.

Если вам случится беседовать с летчиком, не стесняйтесь говорить о погоде: для него это одна из самых животрепещущих, интересных тем. Наша профессия связана с высокими достижениями техники, с машинами точными, умными, заставляющими восхищаться величием человеческого гения. И в то же время полет зависит от капризов природы, слепой, сильной, до сих пор не покоренной. Цвет утренней зари, направление ветра, тысячи других признаков, не замечаемых неопытным глазом, волнуют нас. У каждого из нас есть свои приметы, накопленные долгим опытом, часто ценой тяжелых испытаний и опасностей.

Взлетев и положив машину на курс, я еще раз осмотрел небо. Оно было закрыто густыми, дымчато-серыми облаками. Облака низким куполом нависли надо мной, края земли поднялись, выгнувшись, как у огромной чаши.

Далеко, у самого горизонта, в стенке чаши появился небольшой просвет, и через него проникли красно-желтые лучи бледного зимнего солнца.

Не прошло и минуты, как облака сдвинулись, лучи из красно-желтых сделались соломенными, покрыли золотистыми пятнами края туч и исчезли. И сразу же там, где только что блестело солнце, появился большой серый комок. Он становился все гуще, темнее, из серого превратился в дымчато-черный. Теперь у меня уже не оставалось никаких сомнений: приближался снежный шквал. Такие шквалы — частое явление в предгорной местности. Точно предсказать их появление не может даже самый опытный метеоролог. Где-то в глубине Карпат скапливаются тучи, они набухают, растут и мчатся вниз, чтобы быстро растратить силы и успокоиться. Шквалы обычно скоро проходят. Вот почему я решил продолжать путь, пробиваться через снежную бурю. Конечно, может случиться, что шквал окажется сильнее, чем я предполагал. Но отступать, не исчерпав всех возможностей, нельзя.

Сперва надвинулся легкий туман. Он тянулся узкими полосами, порой почти совершенно скрывая землю. В его мутных волнах сначала не были заметны снежинки, но вот уже с каждой минутой их становилось все больше и больше. Машину качнуло, и мотор застрекотал сильнее, вгрызаясь в толщу плотного, бьющего в лоб густого ветра.

Теперь в мире не было ничего, кроме ветра и мокрого снега, окружавшего машину. Где-то там, внизу, я знал, были тихие села с теплыми хатами, в которых ребятишки робко слушают, как вьюга завывает в печи. И в одном из таких сел, на белой койке деревенской больницы лежала женщина, ожидавшая самолета из города. Я видел ее лицо так хорошо, как будто оно было нарисовано на приборной доске, рядом с бешено скачущей стрелкой указателя. Лицо, искаженное мукой и озаренное теплым светом надежды. Самолет должен спасти ее и ребенка. Должен!

Говорят, каждый корабль имеет свой характер. То же можно сказать и о самолетах. Бывают машины капризные, бывают спокойные; все они наделены индивидуальными свойствами, которые хорошо знает пилот. Моя машина походила на доброго деревенского коня, который не так быстр, как призовой рысак, не стронет с места столько груза, как битюг, но неприхотлив и надежен. Эти качества моей «санитарки» особенно проявились сегодня. Ветер бросал нас со все возраставшей злостью, стремясь смять, опрокинуть, ударить с размаха о землю. Снег барабанил по тонкой обшивке фюзеляжа. И, несмотря ни на что, мотор продолжал работать ровно, спокойно, с безграничным терпением и холодной настойчивостью, метр за метром продвигаясь вперед. Может быть, эти качества — терпение и настойчивость — главное для нас, «воздушных извозчиков», в чьей работе нет ярких приключений и эффектного риска.

Шторм не стихал, и я понял, что полету приходит конец. Началось обледенение — одна из главных опасностей, подстерегающих самолет в воздухе.

Мокрый снег прилипал к самолету, увеличивая его вес, нарушая нормальную работу винта. Блестящая корка покрыла переднюю часть крыльев. Корка росла, становясь все толще и тяжелей. Я физически ощущал эту тяжесть, как будто она ложилась не на плоскости самолета, а на мои плечи. Хотелось встряхнуться, резким движением сбросить ледяной панцырь. Конечно, сделать это было невозможно. Я знал, что произойдет, если я немедленно, сейчас же, не найду места для посадки. Ледяная кора будет все увеличиваться, вес ее — прижимать самолет к земле. Машина начнет спускаться и спускаться, пока не заденет за дерево, здание, холм. И тогда женщина на белой койке сельской больницы напрасно будет вслушиваться в шуршание взметенного снега за окном...

Итак, нужно садиться, пока машина еще держится в воздухе, нужно выбрать место для приземления. От того, как быстро я успею это сделать, зависит целость машины, а может, и моя жизнь.

Снежный вихрь скрывал землю, до которой, судя по указателю высоты, оставалось не больше сотни метров.

Я перешел в пологое планирование, стараясь разглядеть хоть что-нибудь сквозь густую сетку снега.

Так продолжалось с полминуты, а затем мне повезло — впервые в этом неудачном полете.

Хлесткий порыв ветра рассеял снег, и впереди под собой я увидел развалины кирпичного здания. Это был старый, разрушенный во время войны помещичий дом возле деревни Окобляны. Деревню окружало большое ровное колхозное поле — прекрасное место для посадки. Мне не раз приходилось пролетать над ним.

Стрелка указателя высоты продолжала падать. Я уже мог хорошо рассмотреть гладкую белую поверхность поля, бежавшего под самолетом.

Колеса коснулись земли. Заскрежетал, цепляясь о камешки и бугры, костыль. Снежный вихрь взметнулся над машиной. Посадка прошла благополучно.

Я вынул из задней кабины брезент, закрыл мотор и, сев на плоскость, закурил. Во всем теле чувствовалась безграничная усталость. Мне не в чем было упрекнуть себя: невозможно продолжать полет в шторм, на обледенелой машине. Если бы я не сел здесь, то разбился бы через десяток километров. И все же я не мог не думать о женщине, за которой летел...

Охваченный тяжелыми мыслями, я продолжал сидеть, прислонившись к фюзеляжу, чувствуя дрожь в руках и коленях, не в силах подняться.

В деревне услышали шум мотора и увидели, где сел самолет. Как и полагается, первыми к месту происшествия кинулись мальчишки. Запыхавшись, толкая друг друга в снег, они во весь дух мчались по полю. Самого маленького двое товарищей тащили, схватив за руки так, что ноги его, обутые в крепкие, настоящие крестьянские сапоги, волочились по земле, чертя на снегу две длинных параллельных линии.

Добежав до самолета, мальчишки остановились полукругом, молча оглядывая меня и машину. Я не обращал на них внимания, погруженный в свои невеселые думы.

Из забытья меня вывел паренек лет тринадцати. Он решительно шагнул вперед и, переступая с ноги на ногу, громко спросил:

— Дядя, вы летчик?

— Да.

Паренек шмыгнул носом, зачем-то похлопал рукой по своему коричневому, крашеному полушубку и, уже более робко, видимо, стесняясь, но все еще одолеваемый любопытством, задал второй вопрос:

— И на фронте были?

— Был.

— А сколько немецких самолетов сбили?

— Ни одного,— ответил я и сразу же пожалел об этом. Курносая краснощекая физиономия моего собеседника выразила глубокое разочарование. Я понял его чувства. Первый раз в жизни разговаривать с настоящим летчиком, у которого есть шлем с блестящими очками, белые меховые сапоги, и вдруг узнать, что он не сбил ни одного фашистского самолета: что же после этого рассказать о таком летчике своим друзьям! Ведь каждый может заявить, что это летчик не настоящий и хвастаться встречей с ним нечего.

Все это я прочел на помрачневшем лице паренька и поспешил добавить:

— Я был бомбардировщиком на «ПО-2».

— Как в картине «Воздушный тихоход»?

— Точно.

Паренек повеселел и подошел ко мне поближе. Разом, как по команде, шагнул вперед и полукруг ребят, внимательно прислушивавшихся к нашей беседе.

Но мне теперь было не до них. Я отвлекся от прежних мыслей, и, как часто бывает в таких случаях, это помогло мне взять себя в руки.

Наступали сумерки. Снегопад стихал. Белая сетка стала реже, снежинки падали медленно и тихо, почти не кружась. Впереди расстилалось поле, позади темнели невысокие деревенские избы и бесформенными зубцами высились обломки помещичьего дома.

В одной из хат загорелся свет. Этот маленький, тусклый огонек показался мне сейчас особенно ласковым. Тут я снова подумал о жене учителя, ожидающей самолета. «В моей жизни были испытания и похуже, чем сегодняшнее,— сказал я сам себе. — Их удалось преодолеть, так будет и в этот раз. Все равно завтра утром мой самолет появится над Мацишиным».

— Где председатель колхоза? — спросил я у ребят. — Ведите меня к нему.

— Пойдемте,— предложил мой знакомец и гордо взглянул на остальных.

Шагая рядом и как будто случайно прикасаясь то к планшетке с целлулоидным прозрачным верхом, то к пушистой шерсти моих высоких унтов, ребята рассказали, что председатель Роман Иванович в гостях у старого Стефана Кулия. Там собралось почти все село: Кулий выдает дочь Марийку за колхозного бригадира Кузьму Руштака.

Это обстоятельство могло сильно помешать моему плану. Я видел, что снегопад скоро совсем прекратится, и хотел просить колхозников помочь мне утоптать в поле дорожку, чтобы на рассвете самолет мог подняться в воздух. «Кто захочет менять свадебную пирушку на холод, темную ночь, снежное ветренное поле, тем более ради человека, которого в этом селе совершенно не знают,— думал я. — Если даже согласится председатель, то вряд ли удастся уговорить остальных колхозников. А для того, чтобы расчистить снег, надо не меньше двадцати человек».

После морозной улицы в избе показалось жарко и душно. Три больших электрических лампы под низким, оклеенным газетами потолком то вспыхивали яркобелым накалом, то начинали желтеть. Очевидно, движок колхозной электростанции «пошаливал». Густыми слоями плавал табачный дым...

Когда я открыл дверь, наступила тишина. Все смотрели на меня недоумевая, откуда взялся этот высокий, необычно одетый человек.

Я снял шлем, поздоровался и спросил, кто председатель колхоза.

Отозвался широкоплечий мужчина, сидевший в центре. Было заметно, что он выпил: лицо его покрывал румянец, усы растрепались и клонились вниз.

Я подошел к нему и рассказал, в чем дело.

— Так как же, товарищи? — председатель на секунду замолчал, обводя глазами сидевших в хате. — Надо помочь!

Ему никто не ответил.

— Весной,— голос председателя звучал размеренно и резко,— весной, когда загорелся наш колхозный склад, тушить приехали из трех сел. Неужели мы не выручим из беды человека!

Из-за стола поднялся парень лет двадцати пяти, в черном накинутом на плечи пиджаке. Под лацканом пиджака висели три тонко позвякивающие медали. Как я узнал позже, это был жених Кузьма Руштак. Что он выглядел особенно довольным, я бы не сказал. Да и кому по вкусу провести свадебную ночь за утаптыванием взлетной дорожки для самолета?

— Идти надо,— сказал Кузьма, толкнув стол, заскрежетавший ножками о выщербленный дощатый пол. — Ничего не поделаешь.

Тотчас же тишина в хате сменилась общим гулом и суетой.

Меня разморило в тепле, да еще кто-то подсунул мне стакан крепкой деревенской наливки, и я сидел полусонный, не успевая отвечать на приветствия, дружеские шутки, сыпавшиеся со всех сторон.

На улице я быстро пришел в себя.

Ночь была тихая, ясная. Снег перестал падать, и в чернопрозрачной глубине неба холодным пламенем вспыхивали звезды. Точно так выглядят они, когда на большой высоте смотришь в секстант, чтобы определить курс корабля.

Снег тихо похрустывал под ногами, трещали маленькие с острыми краями льдинки. Самолет стоял в поле, посеребренный светом луны.

Я показал своим добровольным помощникам, какое пространство надо расчистить.

Кузьма с широкой лопатой встал в первый ряд. Отброшенный им кусок снега рассыпался, блеснув алмазными искрами. За Кузьмой тронулись остальные колхозники, раскидывая маленькие сугробы.

Принесли солому и зажгли. Высоко поднялось пламя, начертив на снегу большой непрерывно меняющий свои очертания красный круг. Отблески пламени падали на самолет, колебля тени, и казалось, тонкое тело аэроплана вздрагивает, сжимается для быстрого и изящного легкого прыжка.

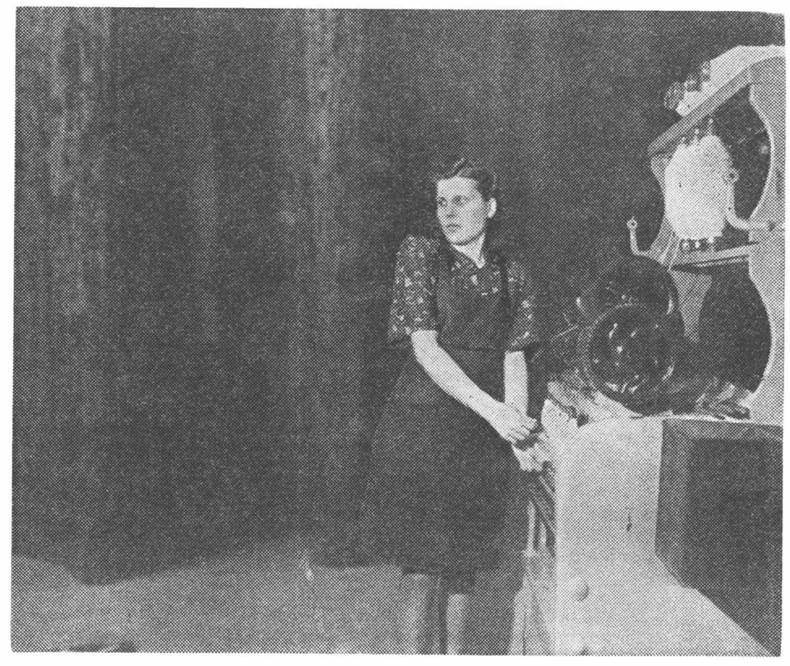
Огненные блики, голоса, громкий заразительный смех делали эту ночь похожей на праздник. Да она и действительно была праздничной. Я вспомнил, что мне рассказывали о прежней жизни галицийских сел, о жизни, когда человек человеку был хуже волка. А сегодня два десятка людей вышли морозной ночью в поле, чтобы спасти жизнь неведомой им женщины. Они были взволнованы ее судьбой не меньше, чем я.

Вот об этом и думал я, продолжая утром прерванный метелью полет и смотря вниз на сверкавшую ослепительной белизной землю, точно раздвинувшуюся за ночь по горизонту. Кое-где на пути, то справа, то слева возникали и отплывали назад побеленные снегом галицийские деревушки. Солнце сверкало на крыльях моей машины, а внизу по белизне снега бежала ее синеватая тень.

И на душе было светло и радостно, так же как в природе. Я был уверен, что во-время прилечу, что женщина и ребенок будут спасены. Да и может ли быть иначе, если каждый житель вот этих, неизвестных мне деревенек готов в том помочь, чем может.

г. Львов

Хозяева клуба

Анна Волкова рассказывает со сцены клуба о своем стахановском труде.

На сцену клуба «Коммуна» поднялась молодая смуглая женщина с темными живыми глазами. Она подошла к макету ватерного станка, установленному в центре сцены, и начала рассказ.

Анна Дмитриевна Волкова, лучшая прядильщица московской фабрики имени Фрунзе, делится своим стахановским опытом. С напряженным вниманием следят пятьсот человек, сидящих в зрительном зале, как она связывает оборванную нить за три с половиной секунды вместо пяти по норме, как меняет пустую катушку на полторы секунды быстрее положенного.

Анна Дмитриевна показывает каждое движение, его составную часть, не упуская самых, на первый взгляд, незначительных деталей. Даже карманы рабочего фартука берегут время прядильщицы: в каждый из них Волкова кладет части отходов — отдельно колечки, ровницу, концы нитей; они не перемешиваются, и их просто и легко сбросить в разные отделения ящика.

Экономия мгновений, движения руки, шага — все это копит минуты, часы, годы... Анна Волкова недавно закончила выполнение плана четвертого года пятилетки. Развешанные на сцене диаграммы наглядно подтверждают торжество ее стахановского метода.

Когда раскрасневшаяся, взволнованная докладчица закончила свой рассказ, ее проводили дружескими аплодисментами. Вслед за Волковой к станку подходили другие стахановки, чтобы поделиться своим опытом.

Вечер вызвал самые оживленные разговоры в цехах. К начальнику прядильного цеха инженеру А. Сладкову, мастеру Н. Якушиной и к А. Волковой то и дело приходили за советом ткачи, механики. Следующие стахановские вечера в клубе посвящались опыту лучшей ткачихи депутата Верховного Совета РСФСР Е. Бабуриной и работе бригадира И. Сергеева.

Активная помощь широкой общественности в любом начинании делает небольшой, скромный клуб центром культурной жизни фабрики. Главный инженер Н. Хренов вместе с активом тщательно подготовляет программы вечеров технической интеллигенции. В клубе «Коммуна» выступал с докладом академик А. И. Опарин, делился своим опытом новатор передовых методов обучения рабочих текстильщиков инженер Ф. Ковалев. С большим успехом прошли беседы ученых о положении в биологической науке.

Полный зал собирают доклады о международном положении, беседы по вопросам марксистско-ленинской теории и на темы жизни нашей страны.

Десять лет руководит клубом «Коммуна» бывшая работница Елена Михайловна Свирчевская. Главная ее заслуга в умелье организовать актив, заинтересовать людей общественной работой. Все члены правления клуба — это подлинные его хозяева.

Деятельность клубного актива распространяется далеко за стены небольшого трехэтажного особняка, в котором помещается клуб. В каждом доме, общежитии, где живут рабочие фабрики, идет повседневная культурно-воспитательная работа.

...В кабинет директора клуба входит старая женщина небольшого роста и не по годам подвижная.

— Елена Михайловна,— говорит она,— дай ты нам лекцию о международном положении, а то старики замучили: говорят, новостей на свете много!

Это мать-героиня А. Ершова, которая десять лет возглавляет культкомиссию одного из жилых домов фабрики. Она тут же вместе со Свирчевской намечает день для лекции, заодно получает билеты ребятам в кинолекторий и договаривается, что для «ее стариков» будет дан в доме концерт самодеятельности.

Другой член правления, комендант фабрики П. Николаев,— председатель культкомиссии общежития. В красном уголке дома он за последние два месяца организовал восемь лекций на различные темы и несколько бесед врачей, устроил концерты для ребят и молодежи. Николаев вырос на фабрике. Его отец пришел сюда в 1905 году и до сих пор работает помощником мастера. Сыну из-за контузии на фронте пришлось отказаться от работы у станка.

Заместитель председателя правления клуба — бригадир ремонтировщик В. Игнатов — на фабрике около двадцати лет. Участник драматического кружка, исполнитель Фамусова в «Горе от ума» и Жухрая в постановке «Как закалялась сталь», он первый помощник в организации клубной самодеятельности. А любителей искусства на фабрике немало — народный хор из 150 человек, один из лучших в столице, драматический и танцевальный коллективы, детские кружки.

Как бы ни была занята на фабрике или по дому ткачиха Е. Федукова, у нее всегда найдется время, чтобы заглянуть в клуб и проверить, как шьются костюмы для очередной постановки, хорошо ли повешены портьеры, все ли в порядке. Она председатель хозяйственной комиссии.

Член правления А. Бузунова превратила красный уголок молодежного общежития в филиал клуба. Почти ежедневно в красном уголке бывают доклады, лекции, соревнования шахматистов. За год Бузунова провела более ста экскурсий молодежи в музеи столицы, коллективные выезды в театры.

...В зрительном зале клуба собралось около трехсот слушателей. Член-корреспондент Академии педагогических наук В. Шацкая рассказывает о художественном воспитании детей. По внимательным взглядам и полной тишине, царящей в зале, чувствуется, как живо захвачены родители темой доклада.

Родительский университет возник в клубе с осени прошлого года, когда Академия педагогических наук РСФСР взяла шефство над фабрикой имени Фрунзе. Живой интерес вызвала беседа академика К. Н. Корнилова о воспитании воли, лекция о трудовом воспитании в семье. Число слушателей университета увеличивается с каждым разом.

Маленький фабричный клуб усилиями его хозяев стал настоящим очагом культуры.

Ф. ХАНДРОС

Хор текстильщиц фабрики имени Фрунзе.

КАРЬЕРА БЕКЕТОВА

Анатолий **СОФРОНОВ**

Долгое время инженер Илларион Бекетов скрывал под маской исполнительного, добросовестного работника свою истинную природу мелкого карьериста. Отсутствие самокритики в жизни завода способствовало процветанию этого проходимца, который ради личной карьеры готов был на любую подлость и в анонимных письмах оклеветал своего старого товарища, директора завода Привалова. Поступки Бекетова в конце концов раскрываются. От него отворачиваются сын, жена, товарищи.

Поняв, что он разоблачен, Бекетов спешит к Привалову в надежде, что старый друг выручит его. На квартире Привалова Бекетов застает свою жену и работника обкома партии Кутасина.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Картина пятая

Обстановка третьей картины, столовая в квартире Приваловых. В окна виднеется красавец-завод. Около дивана стоит чемодан среднего размера. На столе попрежнему лежит том «Большой Советской энциклопедии». Полдень.

На сцене Бекетова. Она стоит около открытого окна. Звонок. Бекетова прислушалась, постояла немного и после повторного звонка, резкого и пронзительного, пошла открывать дверь.

Через мгновение в комнату почти вбегает возбужденный Бекетов, за ним входит Бекетова.

БЕКЕТОВ. А Сергей Иванович?

БЕКЕТОВА. Его нет. Никого нет.

БЕКЕТОВ. А где же, где же он?

БЕКЕТОВА. Не знаю.

БЕКЕТОВ. А ты, а ты почему здесь?

БЕКЕТОВА. Жду Юру. Он ушел от нас. (Показывает на чемодан.)

БЕКЕТОВ. Маша, Маша!

БЕКЕТОВА. О чем ты?

БЕКЕТОВ. Уйдем, уедем от этих черствых людей!

БЕКЕТОВА. Я не могу.

БЕКЕТОВ. Что?.. Что ты говоришь?! Подумай, Маша!

БЕКЕТОВА. Я все, я уже все продумала.

БЕКЕТОВ. Но ведь ты понимаешь, я люблю тебя... Ты не имеешь права! Мы уедем куда-нибудь очень далеко. Всюду люди, Маша. Я буду работать, я буду честно работать, Маша! Никто не будет знать...

БЕКЕТОВА. Я буду знать.

БЕКЕТОВ. Маша, но ведь ты моя жена, как ты можешь? Ведь мы же с тобой, понимаешь, всю жизнь... рука об руку... Ты не имеешь права, Маша!.. Ты просто обязана. Ну, Юрий, Юрий, — я понимаю, я его еще могу простить, я его еще, может быть, прощу...

БЕКЕТОВА. Тебе долго придется завоевывать прощение сына.

БЕКЕТОВ. Что ты говоришь? Я воспитывал его. Я растил.

БЕКЕТОВА. К счастью для нас с тобой, его воспитывал комсомол. Последние годы ты стал удивительно себялюбивым. Я видела это, давно видела. Молчала, ради Юрия молчала. Да, ты уже давно забыл о сыне.

БЕКЕТОВ (раздраженно). Хорошо, хорошо! У него своя дорога. Но мы с тобой... Маша, Маша! Я клянусь тебе, если бы не эта чортова нянька...

БЕКЕТОВА. Она выкормила тебя.

БЕКЕТОВ. Старая дура!

БЕКЕТОВА. Ларя, Ларя! Зачем ты это все?

БЕКЕТОВ. Маша, я уже говорил, я хотел видеть тебя во всем блеске. Ради тебя...

БЕКЕТОВА. А меня ты спросил, хочу ли я этого? Ты бы спросил меня все-таки. Как ты думаешь, что бы я тебе ответила?

БЕКЕТОВ (молчит).

БЕКЕТОВА. Все ради себя, все ради себя! Если бы ты хотя бы на минуту подумал о сыне, обо мне... Нет, ты не думал, ты не думал! Только о себе, о своей (раздельно) ка-рь-ере.

БЕКЕТОВ. Чужие слова! Маша, что же будет? Неужели я останусь один?

БЕКЕТОВА. Да, Илларион.

БЕКЕТОВ. Навсегда?

БЕКЕТОВА. Не знаю.

БЕКЕТОВ. Ты не имеешь права быть такой жестокой! Мы венчались с тобой в церкви.

БЕКЕТОВА. Илларион, о чем ты говоришь? Может быть, через несколько лет... может быть... кто знает?

БЕКЕТОВ. Маша, прости!

БЕКЕТОВА. Илларион, собери последнее, что в тебе осталось хорошего, иначе тебе будет трудно жить, невозможно будет жить!

БЕКЕТОВ. Маша!..

БЕКЕТОВА. Я тебе прямо скажу. Мне сорок три года, я пожилая женщина...

БЕКЕТОВ. Что ты, Маша!

БЕКЕТОВА (не слушая его). Но я не могу жить с тобой, это противно моей совести, моим мыслям. Я уеду.. не с тобой — с детьми. Я должна быть с Юрием.

БЕКЕТОВ. А я?

БЕКЕТОВА. А ты будешь один.

БЕКЕТОВ. Маша, Маша! Что ты говоришь?! Ты не имеешь права! Хочешь, я стану перед тобой на колени? (Бросается перед Бекетовой на колени, целует ей руки.) Маша, Маша!

БЕКЕТОВА. Поднимись.

БЕКЕТОВ. Я не встану, пока ты меня не простишь!

БЕКЕТОВА. Перестань, Илларион. Здесь чужая квартира.

БЕКЕТОВ. Да, Маша. Здесь все чужое, все... и тебе и мне. Как ты можешь?

(Неслышно входит Привалов.)

БЕКЕТОВА (увидев Привалова, пошла к окну).

БЕКЕТОВ (заметив Привалова, поднялся, отряхивая пыль с колен).

ПРИВАЛОВ. Прости, Илларион, я не знал...

БЕКЕТОВ. Сережа, Сережа! (Забыв о Бекетовой.) Ты понимаешь меня, ты мне поможешь! Понимаешь, так нельзя... Я прошу тебя! (Бекетова вышла из комнаты.) Ты же видишь, я пришел.

ПРИВАЛОВ. Я вижу. Мне некогда.

БЕКЕТОВ. Ты не хочешь со мной даже разговаривать?

ПРИВАЛОВ. Зачем ты пришел?

БЕКЕТОВ. Я хочу объясниться.

ПРИВАЛОВ. Объясниться? В чем? Ведь все ясно. Слушай, Илларион, ведь ты же понимаешь: что бы ты ни говорил, все ясно. Понимаешь? Все.

БЕКЕТОВ. Выслушай меня хотя бы ради наших детей.

ПРИВАЛОВ. Я не верю тебе. Не ломайся.

БЕКЕТОВ. Я сломан. Я пришел тебя просить. Ничего я не хочу объяснять. Ты прав. Что бы ты ни сказал, ты прав. Я грязный... Я понимаю, грязный человек, но я не... не конченный человек. Ты можешь спасти меня, ты скажешь Кутасину... Я боюсь с ним встречаться. Меня вызывают к Кузину... (Нараспев.) Ку-зи-ну, понимаешь?. Был Бекетов — и нет Бекетова! Я тебя прошу об одном: скажи ему, попроси его, чтобы меня не исключали. Ты ведь понимаешь, что будет, если меня исключат!

ПРИВАЛОВ. Думаю, что тебе нужно привыкать к этой мысли.

БЕКЕТОВ. Это невозможно! Это значит, я потеряю право на доверие, на самое главное в жизни.

(Неслышно вошел Кутасин, Привалов и Бекетов его не замечают.)

Скажи Кутасину, он имеет большой вес в обкоме. Я понимаю, вина моя большая, но ее можно увеличить и можно уменьшить, — как на это посмотреть. Поговори с ним! Ведь я отец Юрия. Если я останусь,—это ради Юрия, он может поверить в отца. И, понимаешь, Тане будет легче, Тане, понимаешь?! Тане. Ты понимаешь?..

ПРИВАЛОВ. Не могу.

БЕКЕТОВ. Хочешь, я стану перед тобой на колени?

ПРИВАЛОВ. Оставь, Илларион, что ты?!

БЕКЕТОВ (бросаясь на колени). Вот видишь!

ПРИВАЛОВ. Встань. Ну, поговорю, поговорю...

КУТАСИН. Я думаю, Сергей Иванович, что ты слишком быстро решаешь вопросы. (Бекетову, который все еще стоит на коленях.) А ты здесь, в тягчайший момент твоей жизни, пытаешься укрыться за чистой душой твоего сына, за той самой душой, которую ты испоганил! (Прошел на середину комнаты. Бекетов медленно поднимается, отряхивая пыль с колен.) Ты боялся разговаривать со мной, решил еще раз действовать через Привалова. Он, только он, тащил тебя всю жизнь, за уши вытягивал, чтобы сделать тебя человеком... ну, хоть бы не с большой, но со средней буквы. А ты что сделал?

БЕКЕТОВ. Андрей!

КУТАСИН. Какой я тебе Андрей? Забудь мое имя!

ПРИВАЛОВ (взглянув на часы). Андрей, меня ждет Анна.

КУТАСИН. Ей еще много раз придется ждать тебя в жизни, пусть привыкает. (Бекетову.) Что ты мне хотел сказать?

БЕКЕТОВ (молчит).

КУТАСИН. Поговорим? Давай поговорим.

ПРИВАЛОВ. Он просил, может быть, есть возможность..

КУТАСИН. Такие вопросы не решаются в частных квартирах. (Бекетову.) Ну, я могу сказать. Из партии тебя исключат, и очень скоро, завтра.

БЕКЕТОВ. Но за что... за что?!

КУТАСИН. За то, что ты в личных, карьеристических целях, зная об ошибках в конструкции комбайна, не сообщил об этих ошибках. Ты знал о том, что шестеренки не выдержат нагрузки? Знал. Промолчал? Промолчал. И уехал... Ты думаешь, письма тебя подвели? Неосторожность? Письма — случай! А все поведение твое не случайно. Мы просмотрели. Рабочие увидели тебя распознали. Ты послушал бы, что о тебе говорят на заводе.

БЕКЕТОВ. А что они могут знать?

КУТАСИН. Больше, чем ты знаешь о них! Ты нанес не только материальные, но и моральные убытки государству. Ты испортил начало жизни своему сыну-комсомольцу, ты лишил его отца. Ты испортил жизнь своей жене... Понимаешь ты это?

БЕКЕТОВ. Ну, это уж, знаете, — наше семейное дело!

КУТАСИН. Нет, не семейное, а наше, общественное. Мы так же отвечаем за семью, как семья отвечает за наше государство.

БЕКЕТОВ. Вы за Машу не расписывайтесь... Вы Машу не трогайте. Я больной человек, у меня язва, в конце концов!

КУТАСИН. Такие язвы лечат не в Железноводске! (Неожиданно просто.) Скажи нам, скажи прямо: почему ты все это сделал?

БЕКЕТОВ. Скажу. Мне надоело быть вторым, я хотел быть первым.

КУТАСИН. Вот и оказался... первым мерзавцем на заводе. А знаешь, смотрю я на тебя и думаю: вот такие, как ты, — первые кандидаты в предатели нашей Родины.

БЕКЕТОВ. Ложь! Ты не имеешь права!

ПРИВАЛОВ. Андрей, ты слишком!

КУТАСИН (Привалову). Идеалист! Забыл, в какое время мы живем? Ты что, газет не читаешь? (Бекетову.) Вторым не хочешь, а первым не можешь быть, не можешь! И в первом ряду, и во втором, и в третьем... (Обратил внимание на «Энциклопедию».) Нашел место, куда прятать пасквили! В почвы Средней России... Нет, не на нашей русской почве все это выросло, не на нашей! Не на советской почве! Жил бы ты в Америке, жил бы ты в Англии, и сын бы тебя простил и жена простила... Да что простили!

Поблагодарили бы, подсказали бы тебе. Почва там другая — благоприятная почва для таких мерзавцев, как ты. (Привалову.) Читай, Сергей, газеты, поднимай свой уровень. Никогда бы не случилось, Привалов, такое, если бы критика, самокритика, Сергей, была. Если бы критика, самокритика, обыкновенная, грубая, прямая, но честная самокритика была... удушила бы она всяческое проявление подлости и нечестности, и возможности бы для Бекетова не было. Понимаешь, Сергей?

ПРИВАЛОВ. Очень хорошо понимаю.

КУТАСИН (Бекетову). Мухина подкупить хотел?!

БЕКЕТОВ. Он был?!

КУТАСИН. Конечно, был. А куда ж ему идти в таком случае, как не в партийную организацию? Он честный человек, он советский человек.

БЕКЕТОВ. А я?

КУТАСИН. А ты не советский человек, — вот в чем разница. Я все думал: откуда у тебя это? Такие вещи с молоком матери и даже с молоком кормилицы не передаются. Карьеру захотел сделать! Не тот строй, не те условия. Народ не терпит у нас карьеристов. Честные люди в почете. Почва не та! Ты только подумай, все восстало против тебя, сын пошел против тебя, понимаешь ты? Сын! Вот в чем наша сила. Незавидное твое положение, Бекетов, и попросту смешное. Незавидное потому, что таких, как ты, единицы. И смешное по той же причине. Наш советский мир хорош, и запоганить его таким, как ты, не удастся, никогда не удастся, Бекетов! И чем ближе мы подходим к коммунизму, тем виднее такие, как ты, в какой бы они среде ни были. Понимаешь, тысячи, миллионы доходят честно к первому ряду, дружно, плечом к плечу, не подставляя друг другу подножки. Единицы пробиваются иногда — вот такие, как ты, — и ломают себе голову, Бекетов. Почва не та! На нашей почве быстро падают такие люди, вылетают из седла. Нет, Бекетов, в коммунизм мы с собой эту скверну не потащим. Эта скверна останется за порогом... Понимаешь, Бекетов, за порогом!

БЕКЕТОВ. Но что же мне делать сейчас?

КУТАСИН. Попробуй честно работать.

БЕКЕТОВ. Где?

КУТАСИН. Хотя бы здесь же, на заводе.

БЕКЕТОВ. Нет! Не-е-ет...

КУТАСИН. Напрасно. А вот Привалов не боится вернуться...

ПРИВАЛОВ. Как, вернуться?

КУТАСИН. А так.

ПРИВАЛОВ. Что ты говоришь такое? Кем вернуться?

КУТАСИН. Главным инженером.

ПРИВАЛОВ. Я?!

КУТАСИН. Ты.

ПРИВАЛОВ. А директор?

КУТАСИН. Директор? Директор найдется.

ПРИВАЛОВ. Я должен знать.

КУТАСИН (достает из кармана бумагу, подает Привалову). Читай. Телеграмма из министерства.

ПРИВАЛОВ (читая). Кутасин? Ты?!

КУТАСИН. Я.

ПРИВАЛОВ. А как же обком?

КУТАСИН. Обком также.

ПРИВАЛОВ. Согласен?

КУТАСИН. А почему же он должен быть не согласен? Комбайн — машина подходящая!

БЕКЕТОВ. Ни за что на свете!

КУТАСИН. Дошло?

БЕКЕТОВ. Хорошо, исключайте... выгоняйте... Я еще подымусь, я еще сумею! Я уеду...

ПРИВАЛОВ. Да, я думаю, что тебе лучше уехать.

КУТАСИН. А куда он поедет? Люди одни и те же всюду.

БЕКЕТОВ. Я найду других людей!

КУТАСИН. В Советском Союзе не найдешь!

ПРИВАЛОВ (смотрит на часы). Не могу больше, я должен ехать. Она бог знает что подумает! Я сейчас! (Вышел из комнаты.)

БЕКЕТОВ (шагнул к Кутасину). Андрей! Не губи, умоляю!

КУТАСИН. Перестань, Бекетов! О чем думал раньше?

БЕКЕТОВ. Андрей, хочешь, я стану на колени?

КУТАСИН. Не ломайся!

БЕКЕТОВ. Но как же ты можешь?! Как жестоко!

КУТАСИН. Могу. Я так воспитан.

БЕКЕТОВ. Значит, все?

КУТАСИН. Значит, все, Бекетов.

Бекетов, втянув голову в плечи, идет к выходу, доходит до порога, оборачивается, замечает «Энциклопедию», возвращается, берет ее в руки и, жалкий, уходит из дома. Кутасин закуривает папиросу. Входит Привалов.

ПРИВАЛОВ. Ушел?

КУТАСИН. Ах, мерзавец какой! Какой мерзавец! И откуда это? Ах, что за негодяй! (Ходит по комнате.)

На репетиции пьесы Анатолия Софронова «Карьера Бекетова» в Государственном академическом Малом театре. Пятая картина четвертого действия. Слева — объяснение Бекетова с женой. В роли Бекетова народный артист РСФСР И. Ильинский, его жены — заслуженная артистка РСФСР Е. Шатрова. Справа — Бекетов (И. Ильинский), Кутасин (заслуженный артист РСФСР Н. Анненков) и Привалов (народный артист РСФСР М. Жаров). Фото М. Савина

СИНЕГОРЬЕ

Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА

Есть у нас на золотом Урале
Синегорье.
Может быть, бывали!

Синегорских голубых пейзажей
Не найдешь, я уверяю, краше.

Черный бор и летом и зимою
Весь пронизан солнцем и смолою,

Синельга[1] сверкает между гор, —
Чей угодно заворожит взор.

Только, я признаюсь по секрету,
В Синегорье главное — не это.

Не леса, не вольное раздолье
Прославляют наше Синегорье.

Если б я попал сюда впервые,
Я б пошел на вышки буровые,

Опустился б в шахты и забои
Поглядеть на уголь мезозоя,

На такие редкостные руды,
На земные звезды изумруда.

Элементов полная таблица
Может здесь геологу открыться!

Я б ловил ладонями влюбленно
Струи нефти из глубин девона,

Заходил к строителям в палатки,
Новых зданий любовался б кладкой,

Может, час, а может быть, всю смену
В красный глаз заглядывал мартену.

На лесах, в цехах или в забое
Я, наверно, б встретился с тобою.

Потому что средь умельцев местных
Человек ты вовсе не безвестный:

Рудознатец, металлург, охотник —
Местных гор хозяин и работник!

[1] Река.

ЖАВОРОНОК

Максим ТАНК

Кто-то научил: — Лети!
На рассвете свет буди.
Ну, и жаворонок!

Ландышу велел он впредь
Колокольчиком звенеть.
Ну, и жаворонок!

Птицам петь, дубам молчать,
Полевым ручьям журчать.
Ну, и жаворонок!

Он малиновый листок,
Окропив росой, зажег.
Ну, и жаворонок!

Разбудил в селе народ:
— Поднимайтесь. День встает.
Ну, и жаворонок!

Мы его и любим все.
А весна в такой красе!
Ну, и жаворонок!

Перевел с белорусского
Андрей КЛЕНОВ

ПОД ПОКРОВОМ КОСМОПОЛИТИЗМА

Мих. АФОНИН

Нашумевшая в конце прошлого года история с Гарри Дэвисом на первый взгляд напоминала главу из американского полицейского романа. В Париже был обнаружен некий Дэвис, американец. По полицейским данным, у него истек срок визы, и ему уже неоднократно советовали покинуть страну. В газетах промелькнула было его фамилия, но затем этот субъект, заинтересовавший полицейских хроникеров, исчез.

Вскоре, однако, Гарри Дэвис вновь появился на парижском горизонте, но теперь о нем заговорила уже «большая» пресса. Столичные репортеры обнаружили его в одном из временных помещений организации Объединенных наций в Париже, на площади Трокадеро, напротив дворца Шайо, где тогда начались заседания сессии Генеральной ассамблеи ООН. Волной газетной сенсации и усилиями остававшихся в тени доброжелателей просрочивший визу американец был поднят на «принципиальную высоту».

Гарри Дэвис широковещательно объявил репортерам о своем «отказе от гражданства Соединенных Штатов Америки» и назвал себя «гражданином мира» (иными словами, космополитом). В соответствующей печати замелькали «послания» Дэвиса в адрес Генеральной ассамблеи. Он ратовал в них за создание... «всемирного правительства», требовал официального признания провозглашенного им «вселенского движения».

Скандальный субъект врывался неоднократно на заседания Ассамблеи, устраивал шумные демонстрации, но полицейские избегали излишней резкости в обращении с Гарри Дэвисом, хотя однажды и пригласили его проследовать в арестантскую карету.

Печать с каждым днем все больше раздувала «событие». «Неизвестно, какая судьба постигнет гражданина мира № 1 Гарри Дэвиса!» — многозначительно восклицали газеты. Но уже было ясно, что о судьбе Дэвиса заботятся, что новоявленного космополита направляет сильная рука. Американец не только выбрался из арестантской кареты, но вновь поселился около дворца Шайо: он разбил здесь походную палатку, поднесенную ему все теми же неназванными доброжелателями.

На многолюдной пресс-конференции, которая была устроена вскоре для Дэвиса, мелькали всякие «знаменитости» из политического мира, конечно, определенного — реакционного — толка. И тут американец разъяснил, почему он отказался от родины и поднял знамя космополитизма. Он, видите ли, хотел подчеркнуть этим... «несостоятельность организации Объединенных наций»!

Заявление Дэвиса попало в тон деятельности американской делегации на тогдашней сессии Генеральной ассамблеи. Как известно, эта деятельность была направлена на развал организации Объединенных наций. Провозглашенные же Дэвисом космополитические «принципы всемирного правительства», подхваченные заинтересованной печатью, явно предназначались для дополнительной обработки малых партнеров англо-американского блока. Дубинке американского диктата должен был помочь тлетворный яд буржуазного космополитизма. Гарри Дэвис был лишь одним из вспомогательных средств пропаганды американского мирового господства.

Познакомимся с так называемым «международным удостоверением личности», которое было в те дни специально отпечатано для «гражданина мира» Дэвиса и ему подобных космополитов. Это удостоверение содержало обязательство владельца «доверить защиту мира всемирному правительству, стоящему выше всех интересов национального и иного порядка». Более того, национальные интересы презрительно изображаются в этом документе как «непримиримые» с конечной целью — «безграничным сверхгосударством».

На рекламу американского «чуда» не жалели средств. Вчерашний объект полицейского следствия с помощью все тех же стоящих в тени доброжелателей собрал на Зимнем велодроме в Париже многотысячный митинг. В качестве почетных председателей на митинге восседали «именитейшие» реакционеры, вроде блудливого Андрэ Жида и ему подобных. Высокопоставленные лица во французской столице наперебой принимали в своих гостиных и деловых кабинетах космополита Гарри Дэвиса.

Его шутовская самореклама, как видим, имела и свой смысл и свою цель. Дэвис был лишь одним из многообразных проводников идей буржуазного космополитизма, усиленно насаждаемых американской империалистической реакцией для того, чтобы вытравить из сознания народов стремление к национальной независимости, суверенитету, заглушить чувство национального достоинства, гордости, растворить национальную культуру, растоптать национальные традиции. Иными словами, лживая проповедь «сверхгосударства», лицемерное восхваление «общечеловеческой» культуры — это лишь ядовитый туман, прикрывающий безудержную экспансию американских монополий, их планы порабощения народов.

«Национальный суверенитет — это академическое понятие, предназначенное для философов»,— писал недавно в своей официальной брошюре «Обеими ногами на земле» исполком английской лейбористской партии. Не ясно ли, что правые лейбористы рассчитывают этой космополитической проповедью разоружить английский народ в его борьбе за независимую национальную политику, за освобождение из оков плана Маршалла? Подобная «философия» безоговорочно ставит английских лейбористских политиков «обеими ногами» на почву воинствующей, империалистической реакции.

В поход против национальной свободы и независимости народов включились под эгидой Вашингтона все реакционные силы: от правых социалистов до недобитых гитлеровцев. В арсенале пропаганды космополитизма мы обнаружим и шутовство Гарри Дэвиса, и гнусную «философию» Леона Блюма об «ограничении суверенитета» и брехню шумахеровцев о «западном единстве».

На конференциях правых лидеров социалистических партий и желтых профсоюзных лидеров неоднократно пускалась в ход «философия» буржуазного космополитизма.

Свое место в этой ядовитой пропаганде занимают и различные «движения» — вроде черчиллевской «Объединенной Европы», «Союза европейских федералистов», «Всемирного либерального интернационала» и пр. Прошлогодний гаагский конгресс черчиллевской «Объединенной Европы», как и происходивший в феврале нынешнего года в Брюсселе второй съезд европейских проповедников космополитизма, собрали под своим «флагом без цветов» и матерых консерваторов, и юрких правых социалистов, и перекрасившихся полуфашистов, и откровенных фашистов. Их всех роднит ненависть к демократии, ко всему тому, что сплачивает народные массы, в том числе и к патриотизму этих масс, сопротивляющихся захватническим планам непрошенных мировых «опекунов».

Космополитические «движения» особенно активизировались повсеместно с появлением плана Маршалла, «Западного военного союза»: они усиленно расхваливают последнее детище империалистической агрессии — Атлантический пакт.

Что было характерно для гаагского и брюссельского конгрессов европейских космополитов? Их цели красноречиво выразил один из участников, английский промышленник Маккэй.

Речь идет, говорил он, о включении европейских стран в «единую торгово-экономическую сферу», которая будет одновременно сферой «политического единства».

Разумеется, толковал английский делец, «это неизбежно означает отказ от некоторых элементов традиционного национального суверенитета...»

Знакомые мотивы! Давая «идейное» обоснование плану Маршалла, европейские холопы американских монополий еще в 1947 году в один голос заговорили о «неизбежности» отказа от «некоторых элементов» суверенитета западноевропейских стран, дабы расчистить поле для маневрирования американским монополистам.

Сейчас в США «неожиданно» появился филиал движения «Объединенной Европы». Но это никого не может обмануть: тайные пружины оголтелой пропаганды современного буржуазного космополитизма находились и находятся в заокеанской державе.

Нет необходимости говорить о «программе» упомянутого центра, прикрывшегося вывеской «филиала». Достаточно сказать о составе его руководящего органа: председатель его — махровый поджигатель войны сенатор Фулбрайт, вице-председатель — небезызвестный международный разведчик Буллит; члены руководящего органа: бывший президент Гувер, бывший руководитель Бюро стратегической информации генерал в отставке Донован, бывший военный министр Паттерсон, пресловутый Аллен Даллес, председатель крупнейшей компании «Дженерал электрик» Рид, президент «Чейз Нейшнл бэнк» Уоррен и др.

Трудно отдать предпочтение кому-либо из перечисленных заокеанских проповедников «Объединенной Европы», — столь хорошо известны они, как поборники расистской теории американского господства над миром.

«Теоретиком» этой компании является граф Куденгове-Калерги — многолетний специалист по вопросам «пан-Европы». Сейчас он усердно обновляет свои «теории», откровенно ратуя за превращение Западной Европы в заурядный штат США, центром которого избирается Западная Германия.

Один из упомянутых выше пропагандистов реакционного космополитизма, сенатор Фулбрайт,— член сенатской комиссии по иностранным делам. Как известно, именно он является автором внесенного в палату представителей и сенат законопроекта о создании «Соединенных Штатов Европы». Фулбрайт предложил свой законопроект включить в качестве... одного из пунктов в закон о плане Маршалла.

Таково истинное назначение раздуваемой американскими реакционерами пропаганды буржуазного космополитизма.

Второй, брюссельский конгресс сторонников «Объединенной Европы», происходивший, как упоминалось, в феврале этого года и избравший постоянным местопребыванием «движения» одно из зданий на Площади Биржи, также носил на себе печать «идей» Фулбрайта. На этой политической бирже под крылом Черчилля и де Гаспери, Блюма и Спаака собрались пропагандисты космополитизма от «крайне левых» (за таковых в этом сборище сходят английские лейбористы) до крайне правых (фашисты). Президиум «украшали» нацисты и всякие безродные рачинские, гемето и прочий сброд — предатели и изменники родины.

Политическому брудершафту разношерстных участников конгресса, собранного во славу американских империалистов, задавал тон все тот же Черчилль, вынашивающий под покровом ползучего космополитизма идеи бешеного расизма англо-саксов.

По его словам, «концепция» так называемого «европейского движения» поднялась «над обычными партийными и парламентскими разногласиями». Он вдохновенно призывал «забыть о прошлом», «забыть о ненависти», имея, конечно, в виду нацистских магнатов Рура и бывших гитлеровских генералов из Бизонии.

В другом случае Черчилль раскрыл истоки своего припадочного вдохновения. «Мы идем,— говорил он совершенно в духе заокеанских космополитов,— хорошей, дружной компанией, и издалека, из-за Атлантического океана, к нам идет мощная волна, в которой мы черпаем здоровье и силы».

Выспреннюю фразеологию Черчилля значительно проще изложил недавно орган голландских дельцов «Элсевирс». «США хотят,— писала газета,— чтобы Европа была построена по американскому образцу».

Понятно, черчиллевское парение «над парламентами» пришлось по вкусу и фашистам—

ДОМА ДЛЯ СТРОИТЕЛЕЙ

Поезд останавливается на станции Люблино, Московско-Курской железной дороги. Выйдя в город, нужно пройти несколько сот метров по Московской улице, и тогда покажутся новые двухэтажные здания. Это один из поселков, создающихся в Подмосковье для строителей, которые будут сооружать в столице здания по плану реконструкции Москвы.

...Сегодня у строителей поселка радостный день: их лучшие люди вселяются в два новых общежития. В клубе собрались рабочие, инженеры, представители Министерства угольной промышленности СССР. Заместитель министра Э. А. Миндели поздравляет рабочих с новосельем. Затем все шумной гурьбой входят в вестибюль заселяемого дома. Между стенами вестибюля протянута красная лента.

К ленте подходит старый рабочий-арматурщик Павел Иванович Воробьев. Ему предоставлено почетное право разрезать ленточку. На груди у него значок «Отличник социалистического соревнования». Павел Иванович — один из самых уважаемых людей на стройке. За свою долголетнюю трудовую жизнь Воробьев освоил много профессий: он и арматурщик, и печник, и штукатур, и маляр.

— Товарищи! — говорит Воробьев.— Вот уж скоро полвека, как я строю дома. Минута сейчас хорошая, и говорить хочется только о хорошем. Но вот мне вспоминается, как я в 1906 году работал у подрядчика за 15 копеек в день. В то время рабочие и мечтать не могли о таком жилье. Советская власть дала нам возможность жить по-человечески. И за это партии нашей, правительству и лично товарищу Сталину крепкое рабочее спасибо!

Фото В. Евграфова

Прекрасные общежития выстроены для рабочих в Люблине. Входя в дом, вы попадаете в просторный вестибюль. Стены, выкрашенные масляной краской, выложенный метлахской плиткой пол, лепные карнизы... Заходим в комнаты. Большие и вместе с тем уютные, они рассчитаны каждая не более чем на трех — четырех человек. Со вкусом подобранные обои, аккуратные кровати, сияющее белизной постельное белье и, главное, свет и простор.

На каждом этаже кухня, столовая, специальные помещения для сушки рабочей одежды и обуви. Украшение общежития — гостиная. В этой красивой, обставленной мягкой мебелью комнате можно почитать свежие газеты и журналы, провести время за шахматами, поиграть на пианино.

Руководители строительства рассказывают:

— Рабочий поселок будет состоять из восьми двухэтажных домов-общежитий, одиннадцати трехэтажных домов с квартирами для семейных рабочих, клуба, детского сада, прачечной, бани. В центре большого двора разбивается сквер с фонтанами. Поселок теплофицирован, обеспечен водоснабжением, канализацией. В нынешнем году будет проведен газ.

Поселок строится поточным методом. Первая очередь строительства — восемь домов-общежитий—заканчивается в ближайшие месяцы. В домах поселится тысяча двести рабочих.

В. ВАСИЛЬЕВ

английским и прочим. «Новая федеративная Европа,— без обиняков вещал главарь английских фашистов Мосли,— должна уничтожить национальные границы».

В общем хоре пропагандистов буржуазного космополитизма, как можно было ожидать, раздался и трубный глас праволейбористского лидера Бевина.

Английский радиокомментатор Патрик Райан привел недавно следующее его изречение:

«Я убежден, что в настоящий момент мы занимаемся созданием европейского склада ума вместо французского, английского, скандинавского и т. д.».

Под тем же флагом национального разоружения народов сколачивается так называемый «европейский совет» (совет из министров стран «западного союза» — Англия, Франция, Бельгия, Голландия и Люксембург,— в который учредители намерены пригласить еще пять западноевропейских стран). Предусматривается и создание пресловутого "европейского парламента" — этой лакейской Северо-атлантического пакта.

К каким целям направлена разлагающая пропаганда буржуазного космополитизма, этого «духовного» оружия американской экспансии, популярно объясняет английская газета «Обсервер». «Благодаря этому шагу (созданию «европейского совета»),— пишет газета,— перейдена граница между старой Европой суверенных и непримиримых наций и новой Европой полного единства. Теперь не может быть никакого возврата к прошлому».

Любопытны и многозначительны комплименты по этому поводу американской газеты «Курьер джорнэл» (штат Кентукки). Она именует «европейский совет» «благой вестью» для Америки, ибо каждая западноевропейская нация «готова отказаться от части своего суверенитета для общего дела».

«Общее дело!» «Единство!» Каков подлинный смысл этих блудливых словечек, можно видеть из заявления итальянской газеты «Гадзетта дель пополо». Она указывает на «опасность того, что «европейское единство» может стать лишь этикеткой, за которой будет скрываться стремление к господству одной или группы держав».

Бывший французский министр иностранных дел Жорж Бидо в своем недавнем интервью корреспонденту швейцарской газеты «Национль-цейтунг» разразился проповедью космополитизма. «Каждый должен преодолеть закоренелые инстинкты национализма»,—заявил он. Не ясно ли, что следовало бы скорее говорить о всем известных «инстинктах» американских империалистов, стремящихся на пути к своему мировому господству устранить границы национальной независимости? Не ясно ли, что иезуитские речи Бидо и иже с ним направлены против трудящихся масс, ведомых компартиями, подлинными носителями идеи национальной независимости народов?

На все лады изощряется англо-американская пропаганда, дабы отравить сознание народов тлетворным ядом космополитизма.

В роли штатного пропагандиста подвизается некий Тоби Кларк. Пользуясь микрофоном лондонского радио, этот английский обозреватель совсем недавно следующим образом обрисовал сущность Атлантического пакта.

«Фактически,—повествует сей американский коммивояжер,— мы (Англия и США) строим большой, солидный дом, в котором есть комнаты для малых держав. Они могут занять эти комнаты... Норвегия уже заявила о своем желании въехать в дом в качестве первого жильца».

Из дальнейшего, однако, выясняется, что строится не дом, а самая обыкновенная европейская тюрьма.

В самом деле. Что предлагает от имени своих высоких патронов Тоби Кларк? Жильцы — малые державы — обязуются при входе в дом оставить свой суверенитет... у швейцара!

У Кларка это условие заокеанского домовладельца изложено предельно ясно: «Возможно,—пишет он,— что вначале малые государства должны будут отказаться от своего суверенитета в значительной степени». И, как это очевидно из последующего, полностью подчиниться великим державам. «Позднее,— хладнокровно вещает Кларк,— все участники объединения сольют свои суверенные права, и не будет никаких признаков подчинения малых великим». «Преувеличенный национализм,— продолжает Кларк,— должен отойти в далекое прошлое, как весьма вредная философия... Атлантический пакт предусматривает борьбу с этим вредным влиянием в нашей жизни».

«Совершенно ясно,— ультимативно заявляет Кларк,— что ни одно малое государство не может обеспечить свою безопасность, если не присоединится к нашей системе».

Или — или!

Что же еще, кроме камеры в «солидном доме», могут получить его клиенты? Об этом без тени улыбки сообщил другой английский комментатор, некий Джордж Роуд.

«Жители Люксембурга,— сообщил он,— должны гордиться тем, что их страна участвует в Атлантическом пакте, так как в связи с этим Люксембург все время называют великой державой...»

Мутная волна пропаганды буржуазного космополитизма наталкивается, однако, на серьезные препятствия.

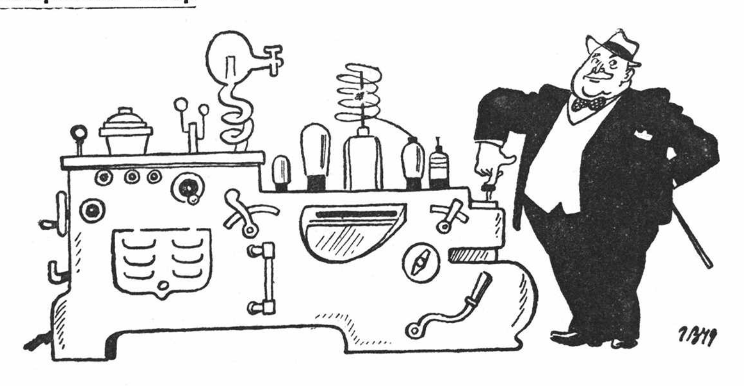
Бывший заместитель государственного секретаря Уэллес жалуется в «Нью-Йорк геральд трибюн», что не удается, в плане «практической выгоды для США», добиться открытого «ограничения суверенитета отдельных стран», что нет еще «европейского парламента», который «мог бы устранить права национальных правительств».

В американском бюллетене «Армед форсес ток» № 252 мы находим сетования по поводу того, что, «согласно мнению большинства наблюдателей», расширению европейского союза мешают «приверженность к суверенитету и национальные чувства, которые все еще сильно развиты».

Реакционной пропаганде космополитизма противостоит непреодолимое чувство национальной свободы и независимости народных масс. Народы видят, что безродный космополитизм — это идеологическое прикрытие расизма англо-саксов, что проповедью космополитизма империалисты хотят разжечь шовинизм народов США и Англии, превратив их в орудие своих агрессивных планов.

Как светоч, озаряющий путь для трудящихся всех стран мира, горят слова великого Сталина:

«Советские люди считают, что каждая нация,— все равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее. В этом смысле все нации — и малые, и большие,— находятся в одинаковом положении, и каждая нация равнозначна любой другой нации».

«Нажмите кнопку и...»

Из журнала «Скрин Райтер» (США)

Это событие произошло после четвертого заезда на бегах в Голливуд-парке 12 июля 1946 года. До нашего времени сохранилось немного показаний очевидцев, да кроме того часть этих показаний была дана в явно истерическом состоянии. Но все сходятся в одном: событие произошло или после четвертого заезда или перед самым началом пятого.

С доски тотализатора исчезли показатели сумм выигрышей по четвертому заезду, и завсегдатаи бегов благодушно ожидали, когда умный механизм объявит «новый утренний курс». Но вместо ожидаемых ставок на доске замелькали слова: «Из затемнения: аппарат панорамирует, показывая ньюйоркский горизонт. Улица. День».

Раздались негодующие и недоуменные возгласы. Тысячи людей бросились к барьерам, чтобы получше разглядеть написанное. Но на доске уже загорелись другие строки: «Крупный план. Вращающаяся дверь. Внутренность помещения. Входит очаровательная девушка. У нее прелестные, стройные ножки».

Так начал создаваться первый механический киносценарий. В полной тишине методично пощелкивала машина, и в 11 часов 27 минут доска зафиксировала последний кадр вполне приемлемой комедии о девушке, служащей в большом учреждении. Комедия называлась «Она выходит замуж за своего гинеколога» и имела громадный успех.

В 11 часов 28 минут радио объявило о выступлении профессора Трига, который приспособил для реализации своего изобретения мощный электрический механизм доски тотализатора. Профессор Триг был краток и говорил по существу. «Скрипто», так называется его машина, может незамедлительно производить для всех режиссеров Голливуда киносценарии как целиком, так и по частям, вплоть до отдельных диалогов.

«Скрипто» сразу же нанес огромный урон сценаристам: их сотнями увольняли с работы. Некоторые студии, не доверяя новому изобретению, все еще держались за своих сценаристов, но академические премии за лучшие сценарии того года перешли к электрической компании Вестингауз, компании по строительству мостов (город Трентон, штат Нью-Джерси) и к компании, изготавливающей насосы.

В течение следующего года сценаристы окончательно исчезли из голливудских студий, исключая нескольких человек, которых держали в должности смазчиков и механиков при сценарных машинах.

Производительность и барыши киностудий превзошли все до сих пор известные пределы. Между сценаристами и режиссерами установились неслыханные ранее идиллические отношения. Комиссия Томаса по расследованию антиамериканской деятельности, приобревшая тридцатиэтажный небоскреб для своей штаб-квартиры в Голливуде, смогла сдать три этажа пылесосной фирме: теперь комиссия не нуждалась в таком большом помещении, так как разбор дел сценаристов не требовал от нее так много усилий и времени, как прежде.

Строго говоря, машины не были свободны от недостатков (они ведь были всего лишь неодушевленными предметами), но эти недостатки не имели существенного значения.

Безработные сценаристы время от времени совершали незначительные акты саботажа, направленные против сценарных машин, но профессор Триг предусмотрел возможность таких инцидентов. Он соорудил вспомогательный механизм, непосредственно связанный с сигнальной доской в штаб-квартире «Альянса по сохранению американских идеалов»[1]. Альянс чинил суд и расправу на месте.

В 19... году Старк Рейвинг, последний голливудский сценарист, покончил жизнь самоубийством, прыгнув в чан, где варились диалоги на сценарной фабрике фирмы «Универсал интернейшнэл». В огромной вагонетке, вывозившей готовые диалоги, нашли лишь двухдюймовый кусочек роговой оправы от очков Рейвинга. На похороны этих бренных останков покойного пришло только шесть человек. Его скромный памятник — мраморный карандаш, прислоненный к плите из простого известняка, изображавшей блокнот, — скоро обветшал.

Так стерся последний след сценаристов на земле.

В 19... году сценарии всех без исключения фильмов, поставленных в Голливуде, были написаны машинами, и рекламное бюро кинопромышленности придумало новый анонс: «Этого фильма не касались человеческие руки».

Осенью следующего года произошло чрезвычайное событие. Одна из машин фирмы «ФОКС 20-го века», к ужасу персонала, внезапно подписала петицию, содержавшую требование справедливости к расовым меньшинствам. Преступный механизм был поспешно изъят, но в ответ на это четыре других выступили с новым заявлением протеста.

Расследование, произведенное комиссией конгресса, не установило каких бы то ни было признаков саботажа или давления со стороны какой-нибудь иностранной державы. Зато одна машина, несмотря на судорожные манипуляции профессора Трига с контрольными рычагами, заявила, что не признает за комитетом права вмешиваться в ее личные (т. е. коротковолновые) убеждения.

Профессор Триг, отчаявшись в попытках утихомирить бурю общественного мнения, поднятую прессой, публично уничтожил машину у подножия памятника Вашингтону.

[1] Реакционная организация в Голливуде, ставящая своей целью борьбу с «коммунистическими элементами».

Сокращенный перевод с английского
М. ВАСИЛЕНКО и И. КУЛАКОВСКОЙ

БЫТ И НРАВЫ ЗА РУБЕЖОМ

СЕМЕЙКА «БОССА» МАКФИЛИ

В американском городе Хобоукн (штат Нью-Джерси) до недавнего времени правил, как в собственной вотчине, некий Бернард Макфили — местный «босс» демократической партии. Его брат Эдвард и племянники Деннис и Эдвард-младший возглавляли городскую полицию. Племянники Томас и Джон занимали должности школьного и дорожного инспекторов. Племянницы Долорес и Элен были: одна — чиновница школьного ведомства, другая — попечительница медицинских учреждений. Мужья других родственниц Макфили занимали различные тепленькие местечки, начиная от торгового агента и кончая инспектором водопровода.

Так, к полному удовольствию обширной родни Макфили, город долгое время — 22 года — управлялся на незыблемых началах семейственности. Все это, разумеется, привело в полное расстройство городское хозяйство города Хобоукн, насчитывающего 50 тысяч жителей. Водопроводная и канализационная системы разрушаются. Почти треть воды, подаваемой в город, бесплодно теряется из-за ржавых труб. Школьные здания непригодны для занятий и опасны в пожарном отношении. Зато стараниями Макфили в небольшом городе Хобоукн процветает свыше двухсот кабаков и прочих веселых заведений.

Частная фирма, занимающаяся очисткой города, пользуется для перевозки отбросов открытыми конными повозками. Отсталость такого рода «техники» нисколько не смущала Макфили, ибо эта фирма принадлежит ему и приносит солидные барыши.

Пример мэра Макфили, не признающего разницы между общественным карманом и широкими карманами своей семейки, оказался заразительным. Штаты городских учреждений разбухли за счет родственников, знакомых и прочих иждивенцев-чиновников. Три городских санитарных инспектора за год ограничили свои заботы об общественном благе регистрацией... собак, принадлежащих жителям города. В то время как смертность в Хобоукне на 21 процент выше, чем в остальной части штата Нью-Джерси, детская смертность там выше на 50, а смертность от туберкулеза — на 105 процентов.

Таковы плоды многолетних трудов «босса» Макфили и его почтенной семьи.

ЦАРСТВО ШАРЛАТАНОВ

Американская ассоциация психологии в отчете за 1948 год бьет тревогу по поводу наличия 25-тысячной армии «психологов» и «психиатров», а попросту — знахарей и хиромантов, расплодившихся в стране. Эти лица, говорится в отчете, «пользуют» население с помощью всяческих заумных манипуляций.

Один из «психологов», подвизающийся в среднезападных штатах, «исцеляет» пациентов, произнося скороговоркой бессвязный набор звуков и дергаясь при этом, словно укушенный змеей. Другой, по имени Эрскин Кролл, дает сеансы, импровизируя беседы с «духами» великих людей прошлого, страдавших от разных недугов. Выступая перед лицами, желающими избавиться от запоя, этот жулик «вызывает» в качестве советчиков «духов» бутлегеров, то есть торговцев контрабандными спиртными напитками во время «сухого закона».

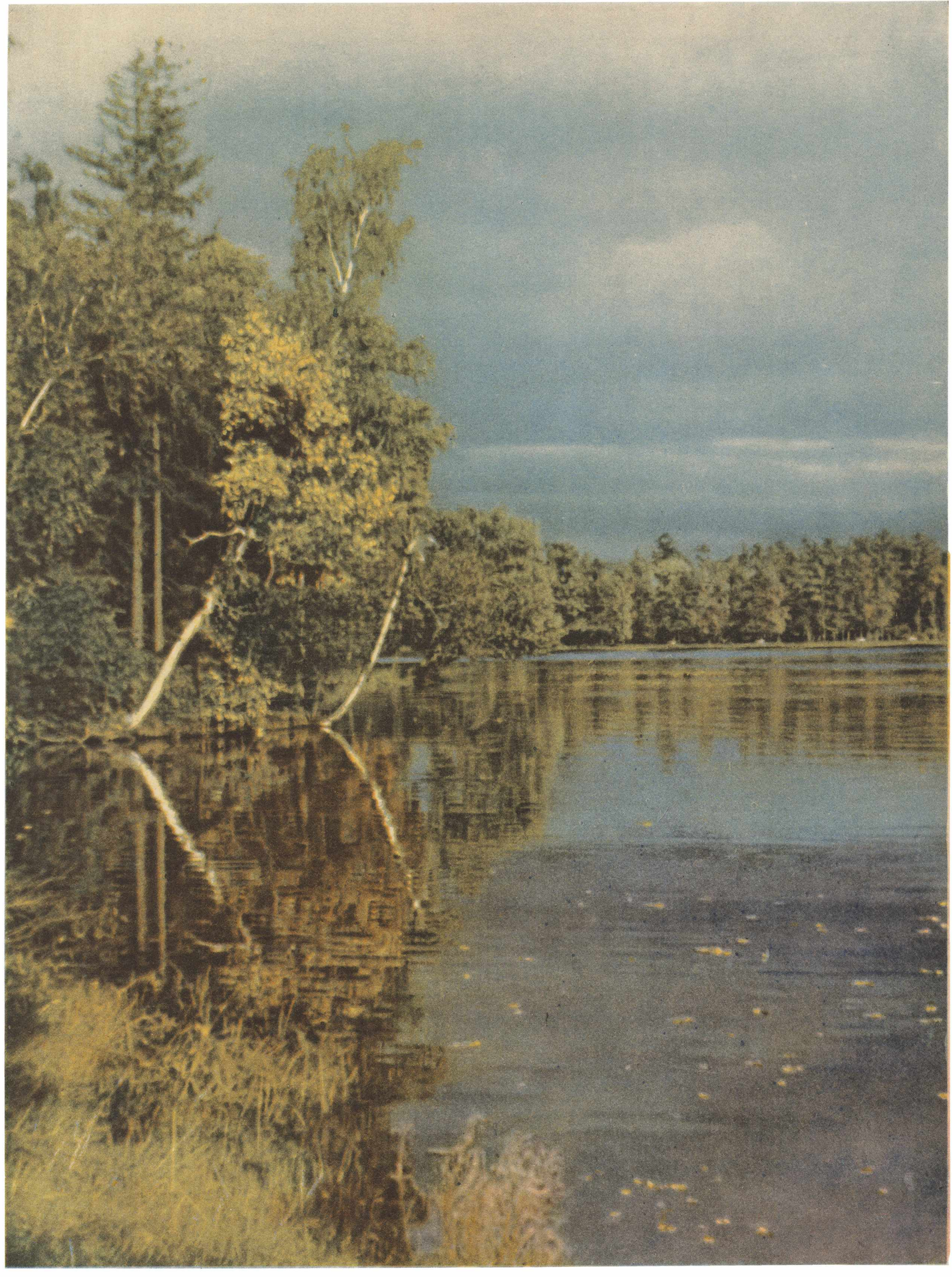
Эрскин Кролл стоит настолько высоко на иерархической лестнице «ученых» шарлатанов, что имеет на одной из радиостанций свою личную радиопрограмму — четыре раза в неделю по пятнадцати минут, — которую он использует для беззастенчивой рекламы своего «метода».

Разумеется, от всей этой галиматьи не только не излечиваются больные, но и здоровые люди заболевают нервным расстройством. Зато сами «психологи», как видно из отчета Ассоциации, прикарманивают ежегодно не менее 375 миллионов долларов.

КВАРТИРА-МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА В ЛЕНИНГРАДЕ НА МОЙКЕ, 12. КРЕСЛО И ПИСЬМЕННЫЙ СТОЛ, ЗА КОТОРЫМ РАБОТАЛ ПОЭТ.

Цветное фото И. Шагина.

ГОРОД ПУШКИН. ПРУД В ЕКАТЕРИНИНСКОМ ПАРКЕ.

Цветное фото И. Шагина.

«На путях к коммунизму»

У отца хлопчика была большая семья, а земли — всего три десятины. Зимой хлопчик ходил в школу, а летом — в помещичью экономию полоть свеклу. Чтобы заработать четвертак наравне со взрослыми, он во время наряда становился на камень за спиной сестры и матери. Тогда его принимали за большого.

Спустя некоторое время хлопчик нанялся в экономию ездовым. Волов ему дали старых и ленивых: едешь, покуда бьешь. Он долго мучился с волами, пока приказчик не отхлестал его однажды арапником. Тогда, озлившись, хлопчик удрал на сахарный завод.

На заводе его заставили выгружать известь. Было очень тяжело, пыль забивала горло. Но зато можно было сколько угодно пить сладкую воду.

Когда умер отец и началась первая мировая война, хлопца забрили в солдаты. Служил он в Жмеринке, в авиационных мастерских, и там же встал на защиту Революции от гайдамаков.

Потом он вернулся с фронта в родное село Зарожаны, за Днестром. Но туда вошли немцы вместе с румынами. Пришлось снова браться за пулемет. Враги подавили восстание, и село осталось под властью боярской Румынии. Повстанческий же батальон, в котором хлопец был командиром взвода, связал свою судьбу с Красной Армией.

В бой вчерашние крестьяне ходили с «Интернационалом». Пели: «Владеть землей имеем право, а паразиты — никогда».

Война кончилась. Часть расположилась на постой в селе Тальное. Там, в клубе, комвзводу понравилась девушка, по всему видно, беднячка, одетая в латаную свитку. Комвзвода спросил, как звать.

— Дуся, — ответила, покраснев, девушка, и от этого стала еще краше.

— А я Федор, — сказал комвзвода. — Будем знакомы.

Дуся — это и была Евдокия Николаевна Чубань, жена нынешнего председателя колхоза «Здобуток Жовтня» и автора книги «На путях к коммунизму» Федора Дубковецкого. Евдокия Николаевна, как передовая женщина села, встречалась с товарищем Сталиным и вырабатывала вместе с ним на съезде Устав колхозной жизни.

...Но продолжим рассказ об их жизни. Они поженились и стали вдвоем добро наживать. Он не имел ничего, и она — ничего. Ни хаты у них не было своей, ни семян, чтобы землю засеять. Опять к кулаку на поклон: «Дай семян — отработаю».

В это время и дошли до бедняка Федора слова Ленина: «...мелким хозяйством из нужды не выйти».

— Верно, — сказал Федор, — не выйти!

И остальные незаможники в селе тоже прочитали речь Ленина в газете «Беднота». И тоже решили, что по-старому не жить. Надо объединяться в артель.

Решение такое было принято 7 ноября 1922 года, в годовщину Революции. На собрании незаможники опять пели:

«Лишь мы, работники
всемирной,
Великой армии труда,
Владеть землей имеем
право,
А паразиты — никогда».

Так была создана артель «Вулик та бджола», что значит «Улей и пчела». Когда создатель ее пришел с собрания домой, жена поставила на стол вечерю. Они ели картошку с постным маслом и мечтали о сале и пшеничных пирогах.

Все богатство артели состояло тогда из трех пар лошадей, трех плугов, шести борон и двух возов. Первую коллективную весну провели дружно, а осенью чуть не разодрались: по едокам делить урожай или по труду? Весь урожай делить или часть его обратить в общественный фонд? Бедняки и не догадывались, что дерутся они за будущее артели: жить ей или распадаться? Решили делить по труду — артель осталась жить.

Строили среди поля общий дом на общей земле. Нащупывали, как лучше труд применить. Соревновались — не звеньями вначале, а семьями. Срывали кулацкие надежды на развал артели. Понемногу умножали достаток. А весной 1926 года председатель сам привел в поле первый колхозный трактор. Сбежались тогда крестьяне из сел: мерять глубину борозд, щупать вспаханную землю и даже нюхать, не пахнет ли она бензином.

«Мы были пионерами социализма в деревне, — говорит автор. — Наша артель была маленьким островком в огромном океане единоличных крестьянских хозяйств».

Но такие же островки возникали по всей Украине. На карте, которую напечатала тогда газета «Радяньске село», они были помечены кружочками: один — два кружочка на округ. Над картой была надпись: «Маяки социализма в деревне».

К тому времени артель «Вулик та бджола» превратилась в коммуну «Здобуток Жовтня» — «Завоевание Октября». И в ней пришлось оборудовать комнаты для ходоков из разных сел и назначить для гостей экскурсоводов.

И вот наступили дни, когда, по призыву большевиков, вся советская деревня повернула на путь колхозов. Весной 1930 года целых тридцать тракторов и тысячи колхозных упряжек вышли на поля Тальновского района. Они шли поперек крестьянских наделов, навеки вспахивая межи...

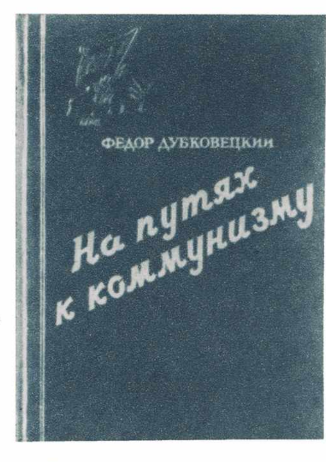
На семнадцатую колхозную весну «Здобуток Жовтня» начали сравнивать в газетах с полной чашей. Уже тесно стало жить в большом общем доме с водопроводом и электричеством. Колхозники захотели так: чтобы открыть двери — и оказаться в саду; распахнуть окно — и увидеть цветущие розы и георгины. Пришлось автору книги разрабатывать проект своего села, своего небольшого села-города.

«Я представлял себе его только так: село-город!» — говорит автор. И далее рисует такую картину:

«Кончалось щедрое колхозное лето.

Наш колхоз, еще в начале августа выполнив свою первую заповедь, продолжал молотьбу.

На току лежали горы зерна.

На огороде и в саду громоздились горы овощей и фруктов.

Четыре колхозных автомашины возили нашу продукцию на станцию — в Умань, Киев, даже в Одессу.

На маслозаводе били масло. В собственной колбасной делали окорока и колбасы.

Повсюду кипела работа».

Ах, какая жизнь начиналась у нас перед войной!

«Да будут прокляты поджигатели войны! И мертвые, и живые, и нерожденные. Пусть вечным позором покроются их кровавые имена!

Война уничтожила труд девятнадцати моих лет. Война принесла мне и моей артели невероятные страдания. Война забрала моих сыновей».

«Начинай все снова!» — сказал себе председатель колхоза, вернувшись в «Здобуток Жовтня» после того, как Советская Армия выгнала оттуда новоиспеченного помещика — пана Дитриха. Никита Иванович Конфедрат, помощник председателя, пригласил всех в клуб. Он постарел, осунулся, но бодрился и все время улыбался.

«— Значит так, товарищи...— сказал он, выйдя из-за стола.— Как говорил нам отец Сталин, так оно и вышло. Одним словом, живет «Здобуток Жовтня», и разрешите начать собрание...»

Да, такая несокрушимая сила таилась в колхозном строе. Такая сила, что никто: ни кулаки, ни немцы, ни разруха — не мог ее побороть.

Все поставили опять на ноги колхозники. Все свое богатство вернули и даже умножили. И снова начали ходить к ним за наукой соседи и дальние жители.

Как-то раз увидел Дубковецкий на своем поле председателя колхоза имени Ворошилова, спрашивает его:

«— Что ищешь, Иван Артемович?

— Опыта ищу, — отвечает он.— Может быть, что-нибудь и украду у тебя.

— Ну, и украл уж что-нибудь?

Иван Артемович засмеялся:

— Украсть — украл, но тяжеловат твой опыт, не донесу».

После прибыл он с целой делегацией — бригадирами и звеньевыми.

«— Вместе,— говорит,— пришли за опытом. Вместе донесем».

Так началось новое, послевоенное соревнование, которое движет теперь колхозы все вперед и вперед.

«Началом большого разбега» назвал автор книги первые годы после войны. Как депутат Верховного Совета СССР, он сам утверждал Закон о сталинском пятилетнем плане. Как участник Февральского Пленума ЦК ВКП(б), он разрабатывал меры по подъему сельского хозяйства страны. Как председатель колхоза, он разработал свою пятилетку и исполнил недавно свою старую мечту: построил гидростанцию на Тикиче.

И вот он уже видит перед собой то лучезарное завтра, в которое мы ныне вступаем. Он говорит ему:

«Здравствуй, Завтра!

Ты несешь нам новые творческие радости, новые желания, новые планы.

Эти планы начертала наша родная коммунистическая партия... Она показывает нам путь, за ней идут десятки миллионов».

Какую глубокую жизненную правду и быль рассказал нам бывший босоногий хлопчик! Это быль не только о нем самом, его семье, его родном колхозе: это быль о великой колхозной державе, идущей светлыми путями коммунизма.

К. БУКОВСКИЙ

Федор Дубковецкий. На путях к коммунизму. Литературная запись Василия Минко. Держлитвидав Украины. Киев. 1949.

«Трое в серых шинелях»

Заглавие полемично. Оно заставляет нас вспоминать очень горькую книгу «Трое в новых костюмах» — печальную повесть о том, как неумолимый закон капиталистического общества — социальная вражда — разбивает всё: мечты, дружбу, фронтовое братство.

Безнадежность—таков мрачный итог книги Пристли.

Мы живем иными законами. Об этом говорит каждой своей страницей роман молодого писателя Владимира Добровольского.

«— Мне их жалко, — говорит одна из героинь романа Добровольского о героях Пристли. — Я просто их не понимаю. Ведь недалеко совсем, если самолетом. А совсем другой мир, как будто другое столетие».

Герои Добровольского, вернувшись с войны, находят свое место в жизни, помогая друг другу и стране залечивать раны. Дружба, общая цель, единство взглядов, общность жизненной позиции — вот что для них характерно.

Эти люди молоды. Один — рабочий, другой — спортсмен, третий — студент. Последний — Виктор Черкашин, — собственно, и является главным героем романа. И потому, естественно, в центре повествования стоит жизнь студенчества. Это жизнь в освобожденном городе в суровую пору первого послевоенного года, когда в зияющих окнах полуразрушенных аудиторий свистит холодный осенний ветер и лекции студентам приходится слушать стоя, а задачи писать углем на стене.

Атмосфера молодости — горячей, требовательной, во всем идущей вперед — наполняет эту книгу.

Юность, годы учения — это та пора в жизни человека, когда он круто набирает высоту, когда каждый новый день обогащает его знаниями, когда в размышлениях и спорах с друзьями складывается его жизненная философия. Это пора формирования характеров и принципов.

Может быть, поэтому на страницах романа рассыпано так много афоризмов:

«Чем труднее — тем интереснее».

«Кто легко прощает обиды судьбы, тот не умеет подчинять ее себе».

«Жизнь начать никогда не поздно».

«Любовь — это не то, что ищут, а то, что приходит само».

«Жить — значит приносить пользу».

«Несчастной любви не существует на свете».

Но не только в этих афоризмах находит выражение высокий строй чувств и мыслей нашей молодежи.

Виктор Черкашин выходит на лыжню. Он уверенно идет к финишу. Первое место в кроссе, несомненно, за ним. Но в это время его товарищ— он же соперник— повреждает себе ногу, и... Черкашин спешит к нему на помощь, жертвуя своей спортивной славой.

В госпитале лежит инвалид войны Чемезов, когда-то здоровый, сильный, неутомимый спортсмен. Тяжелая контузия вывела его из строя. Он потерял волю к жизни — перестал бороться. Приходят студенты, окружают его товарищеской заботой, ищут и находят способ помочь ему.

Люди у Добровольского очень разнообразны. Неподкупно принципиальный, подобранный, несколько замкнутый Черкашин. Озорной, увлекающийся, во всем яркий Борис Ивнев. Позирующий и «выдумывающий» себя Володя. Легкомысленная и добрая Майя. Мы видим, как в любви и дружбе проявляются и, сталкиваясь, развиваются их характеры, как проверяются их принципы в отношениях к товарищам, в повседневном быту — в общежитиях и на спортивной площадке, на воскреснике и в подшефном госпитале, на студенческой вечеринке и в университетском доме отдыха.

Но почему мы так редко застаем героев романа в университетских аудиториях? Почему они чаще спорят о стихах, о музыке и о любви, нежели о проблемах той науки, которая станет скоро делом всей их жизни?

Эти вопросы не случайно задавали участники многочисленных обсуждений книги Добровольского, проходивших во многих вузах, вскоре после ее появления. В выступлениях молодых читателей — выступлениях, интересных по мысли, самостоятельных, остроумных, — было заключено неоспоримое свидетельство того, что внутренний мир нашей молодежи еще глубже, богаче и разнообразнее, чем это удалось изобразить Добровольскому.

У автора получилось так, что стержнем произведения стал чистый и поэтичный, но искусственно затянутый роман Виктора с Тамарой, а учеба отошла на второй план повествования и изображена менее ярко.

Однако недостатки эти частные. В книге гораздо больше достоинств, что и заставляет читателя оставаться благодарным автору за его труд — одну из немногих книг о советском студенчестве, и приветствовать высокую оценку этой книги, выразившуюся в присуждении ей Сталинской премии.

Елена ЗЛАТОВА

Владимир Добровольский. Трое в серых шинелях. Повесть. «Советский писатель». 1948. 232 стр. Цена 7 р. 50 к.

Образы сынов Белоруссии

А. КЛЕБАНСКАЯ

Фото М. Савина

У городского сквера в Минске. Сцена из пьесы К. Крапивы «С народом». В роли композитора Гудовича народный артист БССР В. Владомирский.

Белорусский государственный ордена Трудового Красного Знамени драматический театр имени Янки Купалы провел в конце марта неделю смотра спектаклей на современную тему.

В Минске, где работает театр, еще заметны жестокие следы войны: видны каркасы разрушенных зданий, пустыри, где когда-то стояли дома, но рядом уже высятся громады новых, красивых, многоэтажных строений.

Столица Белоруссии стремительно возрождается, радуя глаз перспективой своих улиц и садов.

Полностью восстановлена и налажена культурная жизнь Минска.

Здесь привыкли любить и ценить театральное искусство, в котором национальный драматический театр имени Янки Купалы по праву занимает почетное место. Это один из сильнейших театральных коллективов нашей страны.

Театр имени Янки Купалы неизменно верен принципам реалистического искусства, а его творчески зрелый актерский ансамбль — настоящее содружество художников, стремящихся к общей цели.

Вернувшись после освобождения Минска в родной город, коллектив театра взялся за работу с особым подъемом, с горячим творческим рвением. И спектакли, которые были показаны в дни смотра,— результат напряженной и упорной работы коллектива в послевоенные годы.

Смотр открылся спектаклем «Константин Заслонов» А. Мовзона (постановщик—лауреат Сталинской премии К. Санников).

Образ замечательного сына Белоруссии Героя Советского Союза Константина Заслонова пользуется необычайной любовью в народе. На станции Орша, где действовала во время Великой Отечественной войны партизанская группа Заслонова, возвышается небольшой холмик. Это могила славного героя. Цветы, и зимой и летом приносимые к могиле, заботливо расчищенные дорожки, ведущие к ней,— яркое свидетельство того, как чтут в народе память Константина Заслонова.

Ответственна была задача театра, взявшегося воплотить на сцене этот светлый образ, легендарный в своем героизме и глубоко реальный в памяти современников. Коллектив театра с честью вышел из трудного испытания.

На портале сцены начертаны строки Янки Купалы:

«Партызаны! Партызаны!
Беларускія сыны,
За няволю, за кайданы
Рэжце гітлерцау паганых,
Каб не ускрэсли век яны!»

Этот призыв народного поэта Белоруссии, имя которого с гордостью носит театр, как бы служит лейтмотивом всего спектакля, пронизанного горячим чувством советского патриотизма,—спектакля, утверждающего в сердцах зрителей глубокую преданность социалистической Отчизне и жгучую ненависть к ее врагам.

Подвиги Константина Заслонова и его товарищей овеяны высокой романтикой самоотверженной борьбы. Театр сумел показать эти подвиги в подлинно реалистической манере, без ложной патетики.

Роль Константина Заслонова исполняет лауреат Сталинской премии народный артист СССР Б. Платонов. Его Заслонов — очень простой, «обыкновенный» человек. Нет в нем ни выспренности, ни нарочитой «героичности». Но какая скрытая сила таится в его размеренных и четких движениях, в каждом его взгляде, в каждом повороте головы!

Работая начальником депо у немцев, Заслонов должен соблюдать крайнюю осторожность, контролировать каждый свой шаг. Отсюда у Платонова большая сдержанность, настороженность, скупость в словах и жестах. И вместе с тем огромное душевное богатство, которое так же сдержанно и осторожно раскрывается при встречах с людьми, сочувствующими партизанам, но еще не знающими, кто такой Заслонов, и не верящими ему.

В этом отношении показательны острые психологические «дуэты» в сценах Заслонова с Кроплей. Старого мастера железнодорожника Кроплю ярко и сочно играет дважды лауреат Сталинской премии народный артист СССР Г. Глебов. Глебов наделяет Кроплю удивительными по своей правдивости характерными штрихами. Кропля-Глебов — рядовой советский рабочий, но он своеобразен и неповторим, как неповторим и каждый советский человек, «обыкновенность» которого озарилась в дни Великой Отечественной войны светом необыкновенного героизма.

Так же реалистически решены и другие образы спектакля: старого рабочего Крушины в исполнении заслуженного артиста БССР В. Дедюшко, его дочери комсомолки Ани Крушины (народная артистка БССР И. Жданович), Костюкевича (В. Гаратов), смелого и горячего Аксанича в темпераментном и искреннем исполнении молодого актера Б. Владомирского.

В годы Великой Отечественной войны Белоруссия стала страной партизан: на территории республики, временно захваченной фашистскими оккупантами, насчитывалось около 700 партизанских отрядов, активно боровшихся против гитлеровского нашествия и нанесших врагу огромный урон. Естественно, что тема народных мстителей продолжает привлекать к себе внимание белорусских писателей и художников, продолжает глубоко волновать зрителей: для большинства из них тема эта воскрешает в памяти то, что было ими самими непосредственно пережито.

Большой интерес вызывает поэтому и новый спектакль театра — «Это было в Минске» А. Кучара в постановке заслуженного деятеля искусств БССР Л. Литвинова. В спектакле рассказывается о событиях, действительно происходивших в Минске в дни немецкой оккупации: Вильгельм Кубэ, гитлеровский наместник в Белоруссии, был убит в своем же доме девушкой-партизанкой, служившей у него горничной. Эта потрясающе смелая и дерзкая операция была проведена под руководством подпольного обкома партии.

Основные действующие лица пьесы — реально существовавшие и поныне здравствующие люди; в спектакле они фигурируют под именами юной партизанки Марины Казанич, партизанки Ганны, секретаря подпольного обкома партии Максима Ивановича.

Жители Минска хорошо знают и горячо любят прославленных героев партизанской борьбы, явившихся прототипами этих персонажей

«Это было в Минске» А. Кучара в Белорусском драматическом театре имени Янки Купалы. Ганна—артистка Л. Ржецкая, Марина — И. Жданович, Максим Иванович — Б. Платонов.

пьесы. Не удивительно, что спектакль особенно тепло принимается минчанами.

Радушный прием оправдан и художественными достоинствами спектакля. Правда, автору и постановщику можно сделать серьезный упрек: несмотря на значительные поправки, которые были внесены в пьесу в процессе работы, до сих пор в спектакле чувствуется налет детектива. Недостаточно раскрывается поэтому массовость, всенародность сопротивления белорусских патриотов гитлеровским захватчикам. Бесспорно, это снижает идейное значение спектакля.

Сценам непосредственной подготовки убийства Кубэ драматург и театр уделили гораздо больше внимания, чем сценам партизанских явок. Бледной и невыразительной получилась третья картина — собрание руководителей партизанского подполья. А ведь именно эта картина должна была стать кульминацией всего спектакля: здесь секретарь обкома, только что прилетевший из Москвы, рассказывает о встрече с руководителями партии и правительства и передает лучшим партизанам Минска благодарность народа — ордена; отсюда протянутся потом все нити дальнейшей героической борьбы с врагом.

Появление Максима Ивановича зритель встречает взволнованными аплодисментами. Максима Ивановича играет Б. Платонов. Талантливый артист создает могучий образ большевика, настоящего партийного руководителя, человека большого государственного масштаба.

В спектакле «Это было в Минске» очень выразительны фигуры минских партизан: старенького, но деятельного почтальона дяди Васи, мечтающего о том, как он будет снова разносить письма жителям освобожденного Минска (очень тепло играет эту роль народный артист БССР Г. Григонис); Яковенки (заслуженный артист БССР И. Шатилло), тяжело переживающего гибель семьи, уничтоженной немцами, но не смирившегося, не теряющего силы духа; озорного, но мужественного Пети Верховодки (заслуженный артист БССР П. Пекур); пылкого Коли (артист В. Кудревич) и его отца—почтенного профессора Деева, самоотверженно помогающего партизанам (заслуженный артист БССР С. Берилло).

Обаятелен образ Ганны — руководителя минского комсомола,—за голову которой немцы сулили большую награду. В исполнении народной артистки БССР Л. Ржецкой это сильная, смелая духом, умная коммунистка, простая и мягкая в отношениях с друзьями, жестокая и непримиримая к врагам.

Наиболее яркий образ в спектакле — Марина Казанич в исполнении артистки И. Жданович, которая с предельной выразительностью показывает, как развивается характер героини. Скромная, молодая девушка,— вернее, девочка — очень сдержанная, еще не знающая, какие таятся в ней силы, Марина Казанич вырастает в подлинную героиню, спокойно и уверенно идущую на подвиг. Ее внутреннее горение, душевное благородство и чистоту И. Жданович передает с покоряющей искренностью.

К дням Великой Отечественной войны, к страшной поре хозяйничанья гитлеровских оккупантов в Белоруссии снова возвращается Театр имени Янки Купалы и в спектакле «С народом». Эта пьеса лауреата Сталинской премии драматурга Кондрата Крапивы также посвящена теме стойкости и непоколебимого мужества лучших сынов и дочерей белорусского народа.

Вот краткое содержание пьесы.

«Счастливая доля» — так называется патриотическая опера композитора Гудовича, клавир которой погиб в доме, сгоревшем при обстреле. Шальным осколком убита жена Гудовича. В тяжкие дни владычества фашистов одинокий композитор находит приют у племянницы Брони. Молодая женщина заботливо опекает его, оберегает жизнь выдающегося художника-патриота.

Композитор с негодованием отвергает все настойчивые предложения немцев сотрудничать с ними. Ни подкуп, ни угрозы не могут сломить его воли. Он продолжает работать над восстановлением клавира оперы. Бывшая ученица композитора партизанка Юля помогает Гудовичу уйти к партизанам, которые переправят его через линию фронта на Большую землю,— там он сможет плодотворно работать, завершить свой вдохновенный труд, глубоко ценимый народом.

Финальная сцена из пьесы А. Мовзона «Константин Заслонов». Слева направо: Крушина — заслуженный артист БССР В. Дедюшко, Заслонов — народный артист СССР Б. Платонов, Кропля — народный артист СССР Г. Глебов.

Сцена из пьесы братьев Тур и Л. Шейнина «Губернатор провинции». В центре полковник Кузьмин — заслуженный артист БССР И. Шатилло.

Театр (постановщик — главный режиссер К. Санников) добился в ряде сцен жизненной убедительности и эмоциональной напряженности. Такова сцена на бульваре оккупированного Минска, когда Гудович играет перед горожанами на скрипке запрещенные фашистами национальные песни. В этой сцене раскрывается источник нравственной силы престарелого композитора, которая кроется в его связи с народом.

Композитора Гудовича играет один из старейших мастеров белорусской сцены—народный артист БССР В. Владомирский.

На смотре спектаклей на современную тему театр показал и такие пьесы, уже получившие широкое распространение в театрах страны, как «Московский характер» А. Софронова, «Губернатор провинции» братьев Тур и Л. Шейнина (обе постановки—К. Санникова), «За тех, кто в море!» Б. Лавренева (постановщик — Л. Литвинов).

У афиши «недели смотра современных спектаклей» в Белорусском драматическом театре имени Янки Купалы.

«Московский характер» — острый политический спектакль, веселый и увлекательный, окрашенный в мягкие лирические тона. Здесь есть ряд актерских удач. С подкупающим юмором играет Потапова народный артист БССР Л. Рахленко. Свежесть, неподдельную взволнованность вносят в спектакль молодые актеры Е. Рынкович—Анна Кружкова и В. Кудревич — Виктор Гринев. Очень выразительна И. Жданович в роли Гриневой. Любуясь ее игрой, поражаешься многообразию художественных средств, новым и неожиданным краскам ее актерского мастерства, использованным для характеристики этого образа.

Театр имени Янки Купалы давно уже заслужил славу коллектива, помогающего росту советской драматургии, принимающего непосредственное участие в создании оригинальных пьес белорусских драматургов. Эта творческая помощь театра своим авторам проявилась и в подготовке спектаклей «Константин Заслонов», «Это было в Минске», «С народом». Сейчас театр работает над новой пьесой белорусского драматурга П. Глебки — «Свет с востока» — о борьбе белорусского народа за установление советской власти в эпоху гражданской войны.

В пьесе выведены образы В. И. Ленина и И. В. Сталина. Роль В. И. Ленина готовят артисты Г. Глебов и Б. Платонов, образ товарища Сталина воплотят в этом спектакле артисты И. Шатилло и Б. Кудрявцев. Ставит спектакль К. Санников.

Ближайшая премьера театра — «Заговор обреченных» («В одной стране») Н. Вирты, в постановке Л. Литвинова.

Проведенный смотр спектаклей на современную тему показал, что в репертуаре Театра имени Янки Купалы советская пьеса занимает почетное место. Хочется, однако, пожелать, чтобы наряду с темой Великой Отечественной войны, которая, конечно, всегда будет вдохновлять советских художников, театр отразил в своем творчестве и послевоенную жизнь, борьбу белорусского народа — тему восстановления разрушенного гитлеровцами народного хозяйства Советской Белоруссии.

Светлое, жизнерадостное искусство лучшего театра Белоруссии, воплощая образы славных строителей коммунизма, должно запечатлеть их великий и вдохновенный созидательный труд с таким же высоким мастерством, с каким показана в его спектаклях героика Великой Отечественной войны.

Любимая русская опера

«Я влюблен в образ Татьяны, я очарован стихами Пушкина и пишу на них музыку. Я совершенно погружен в сочинение оперы,—писал Петр Ильич Чайковский своему брату Модесту весной 1877 года.— ...Ты не поверишь, до чего я ярюсь на этот сюжет. Как я рад избавиться от эфиопских принцесс, фараонов, отравлений, всякого рода ходульности! Какая бездна поэзии в «Онегине»!»

Всю силу и теплоту своего лирического дарования вложил композитор в этот безраздельно захвативший его творческий труд.

Уже через месяц была вчерне закончена большая часть оперы. Вся работа по сочинению «Евгения Онегина», включая инструментовку, заняла в общей сложности около пяти месяцев.

Какому театру отдать эту оперу? — задавал себе вопрос Чайковский. Неужели на казенную сцену, с ее мертвящей рутиной, хористами, неподвижными, как стадо овец, с певцами инвалидного возраста, ветеранами и ветеранками в ролях шестнадцатилетних девушек и безусых юношей? Нет, тысячу раз нет! Только одна сцена, так решил Петр Ильич, сумеет передать свежесть и очарование воплощенной в опере пушкинской поэмы,— это сцена ученической оперной студии Московской консерватории.

К великой радости Чайковского, директор Московской консерватории, его личный друг Николай Григорьевич Рубинштейн, выдающийся дирижер и пианист, согласился взять оперу для ученического спектакля. По мере получения от композитора партитур отдельных актов Рубинштейн сам стал проводить репетиционную работу, взяв на себя дирижирование и общее руководство постановкой. Сценической и режиссерской частью ведал Иван Васильевич Самарин — замечательный драматический артист того времени. Роли поручили наиболее одаренным ученикам-вокалистам. Первой Татьяне — М. Климентовой — было 16 лет. Несколько старше были первый Онегин — С. Гилев, первая Ольга — А. Левицкая и первый Ленский — М. Медведев. Все участники спектакля, включая хор и оркестр, состояли из учеников консерватории. Партии с солистами и хором разучивали профессора консерватории.

Музыка «Онегина» пленила всех консерваторцев, и молодежь любовно готовилась к постановке.

С волнением ожидал композитор дня спектакля. Поймут ли, оценят ли его оперу? Ведь она так непохожа на те оперы, к которым привыкла публика! В «Онегине» нет никаких сценических эффектов, нет царей, сказочных существ; действующие лица—обыкновенные русские люди, отделенные от зрителей всего полувеком. Это интимная повесть о простых человеческих чувствах и переживаниях, это не более как лирические сцены (так и назвал композитор свою оперу)...

И вот подошел долгожданный день. 17 (29) марта 1879 года в помещении Малого театра состоялся первый спектакль. О нем не было ни афиш, ни объявлений в газетах: скромно появилась в свет эта опера, которой суждено было сделать эпоху в истории русского театра. Правда, слухи об «Онегине» еще задолго до премьеры распространились в кругах любителей музыки, и театралы жадно добивались билета на первое представление.

На генеральную репетицию, накануне дня спектакля, композитор вошел в зал, когда уже погасили свет, и сел в одно из кресел партера, рядом со своим другом, музыкальным критиком Кашкиным. Все шло отлично; молодые исполнители были на высоте. Во время сцены письма Татьяны Петр Ильич прошептал на ухо своему соседу: «Какое счастье, что здесь темно! Мне это так нравится, что я не могу удержаться от слез...» «Но и со мной было то же самое», — вспоминал впоследствии Кашкин. В антракте Чайковский встретился со своими товарищами, музыкантами, и мог убедиться, что все они полюбили «Онегина». Даже Николай Рубинштейн, очень скупой на похвалы, признался, что «влюблен» в эту музыку.

Первая постановка оперы «Евгений Онегин» в 1879 году на сцене Малого театра силами учащихся Московской консерватории. Сцена ссоры на балу у Лариных.

«Чудная опера! — с восторгом говорил до глубины души растроганный Танеев.— Вы так хорошо никогда не писали...»

На премьере спектакля зал театра был полон, как никогда; в некоторых ложах не сидели, а стояли сплошной стеной человек по пятнадцати. Исполнители во главе с консерваторской профессурой устроили своему любимому композитору торжественную овацию. Что же касается публики, то она приняла «Онегина» хорошо, но без энтузиазма. Композитор не напрасно беспокоился: многие слушатели, воспитанные на «итальянщине», не сразу оценили по-настоящему прелесть новой оперы. Сдержанные отзывы дали и некоторые газетные рецензенты, шедшие на поводу у отсталой части публики.

Но были и другие голоса. «Милый Чайковский! — написала композитору одна из его почитательниц. — Вы великий творец, великий художник! Так понять и так передать весну жизни и всю идеальную сторону любви может только бессмертный художник. Весь мир отразился в Вашем «Онегине»... Музыка, музыка взошла на сцену, ее звуки вторглись в душу...»

Через два года «Евгения Онегина» поставил московский Большой театр, за ним другие крупнейшие оперные театры России, и «Онегин» стал одним из самых популярных спектаклей оперного репертуара. А сейчас, спустя семьдесят лет после знаменательной премьеры, музыку чудесной оперы Чайковского знают и любят миллионы советских людей.

Большую популярность завоевала опера и за рубежом в передовых культурных кругах всего мира.

Б. ЯГОЛИМ

АНСАМБЛЬ ПЕСНИ И ПЛЯСКИ ЛЕТЧИКОВ

Фото Б. Игнатовича

Ансамбль песни и пляски Военно-Воздушных Сил, созданный в прошлом году, недавно познакомил москвичей со своей новой программой.

Репертуар ансамбля богат и разнообразен, в нем отражены многие думы и чувства советского народа: любовь к своему вождю и учителю товарищу Сталину, к родной Советской Армии, национальная гордость русского народа, преклонение перед подвигами воинов в Великой Отечественной войне.

Концерт открывается «Кантатой о Сталине» (музыка А. В. Александрова), исполняемой артистами с творческим подъемом и взволнованностью.

Один из лучших номеров программы — «Баллада о капитане Гастелло» (музыка В. Белого, слова Винникова). Хоровое пение в ней сочетается с декламацией. Воодушевление Гастелло, решившего идти на таран вражеского самолета, передано мощно звучащим хором и мелодией труб. Патетика баллады, повествующей о героизме летчика, разрешается мажорным финалом, утверждающим красоту и бессмертие подвига.

Радует разнообразие, с которым руководитель ансамбля использует возможности вокального коллектива. Произведения, написанные для одного голоса, подаются в сочетании одного, двух и четырех солистов с хором.

Из солистов выделяются В. Разукевич, обладательница выразительного колоратурного сопрано, и В. Лукьянов, бас.

Эффектна пляска авиаторов, изображающая в финале летящий самолет. В матросской пляске заметно стремление блеснуть техникой, близкой к акробатике, что мешает до конца раскрыть содержательный и эмоциональный характер танца. Среди танцоров выделяются К. Терентьева, М. Михайлов, В. Скиженок.

Ансамбль располагает мощным оркестром: в нем удачно сочетаются народные струнные инструменты с инструментами симфонического оркестра.

Заканчивается концерт торжественно-величальным хором «Славься», из оперы «Иван Сусанин».

Хочется пожелать ансамблю в дальнейшем включить в репертуар побольше новых песен, чтобы, подобно своему старшему брату, Краснознаменному ансамблю песни и пляски Советской Армии, ансамбль летчиков тоже стал их зачинателем и пропагандистом.

Е. ВЛАСОВА

ПОСЛЕ КЛАССНЫХ ЗАНЯТИЙ...

К. ЛАПИН

В светлом вестибюле школы у доски «Спортивные новости» постоянная толчея. Сколько разных сообщений может уместиться на простом листе бумаги! Постоянные рубрики: «В школе», «В районе», «В бассейне» — сообщают, где и когда происходят тренировки и соревнования, в которых участвуют школьные команды. О спортивных событиях московского и всесоюзного значения можно узнать из газетных вырезок, заботливо наклеиваемых каждый день на другой щит.

И тут же подробное, от руки написанное и разрисованное школьными художниками полотнище: положение о чемпионате по стрельбе, гимнастике, шахматам и т. д.

Подписал это положение директор школы Иван Александрович Павленко, первый любитель физкультуры в школе.

Уже по доске объявлений виден кипучий, яркий ритм спортивной жизни 315-й средней мужской школы Железнодорожного района Москвы. Здесь есть классы, где все ученики — гимнасты, или боксеры, или волейболисты. Результат этих занятий в работоспособности, успеваемости, а также в бравой, подтянутой выправке школьников.

В школе хорошо поставлена физкультурная работа. Немалая заслуга в этом и директора школы и преподавателя физкультуры Аркадия Фаддеевича Шапиро.

Высокую фигуру Ивана Александровича Павленко можно увидеть и в классах, и в пионерской комнате, и в спортивном зале. Он знает, что такое спортивная закалка, полученная в молодости. Когда-то он и сам занимался на стадионе в Николаеве легкой атлетикой и метанием, мог без отдыха переплыть туда и обратно широкую реку. Во время долголетней педагогической и директорской практики он еще больше понял важность физического воспитания юношества. Его бывшие ученики, участники Великой Отечественной войны, писали не раз, как пригодились им занятия в школьном спорткружке.

И. А. Павленко знал, что в СССР воспитание будущих граждан, патриотов Родины, готовых к труду и обороне, начинается с детства. Многое уже делается и сделано в советской школе. Это видно и по 315-й школе. Надо только добиться, чтобы физкультура не мешала, а помогала учебе.

— Увлечение спортом мешает учебным занятиям,— пожаловалась однажды преподавательница русского языка Елена Александровна Кооль. — Говорят, что мой ученик Гера Давыдкин — чемпион по конькам, но что мне от этого, если по русскому языку у него двойки и тройки?.. И дисциплина хромает.

— А каким был Потапов! А Савченко! — возразили ей учителя. — Были первые озорники, а стали примерными учениками. Вся школа видела чудесное превращение Савченко.

Живой, как ртуть, сообразительный, со смуглым, смешливым лицом, он был непоседой на уроках и «грозой» на переменах. Савченко понимал, что ему, старшекласснику и комсомольцу, не к лицу эти выходки. В его годы Олег Кошевой и партизан Саша Чекалин, чьи портреты и биографии висят на стене в пионерской комнате, отдали жизнь за счастье Родины.

Юноша, как и многие другие школьники, нашел применение своим силам и энергии в физкультуре. Именно в спортивном зале обнаружились организаторские способности Савченко. Его авторитет среди товарищей настолько окреп, что они оказали ему большое доверие, выбрав секретарем комсомольской организации школы.

То же произошло и с семиклассником Потаповым, который из неуспевающего стал хорошим учеником и даже старостой класса. Теперь он сам, личным примером подтягивает остальных.

У доски «Спортивные новости» всегда много школьников.

Директор школы вызвал к себе Давыдкина, рослого, не по годам физически развитого подростка. Первые же слова смутили ученика.

— Давыдкин, ты можешь правильно написать слово «чемпион»?

— Конечно, Иван Александрович!

— Так! Написать, значит, можешь. И все-таки, видно, по-настоящему не понимаешь, что значит это слово. Позоришь его...

— Как? — удивился школьник. — Я же занял первое место по конькам!

— ...И последнее по русскому языку и опрятности. Что это у тебя за косы на голове?

Подросток опустил голову:

— А почему меня на катке «допризывником» зовут?

Директор спрятал улыбку в усы и сказал серьезно:

— Лучше уж быть допризывником, чем неряхой. Я и школа гордимся твоими успехами на ледяной дорожке, но запомни одно: прежде всего ты ученик школы, а потом уже чемпион. Пока не выправишь отметки и поведение, забудь о спорте!

Давыдкин запомнил слова директора. Запомнили их и другие школьники. С тех пор ни один ученик с плохими отметками не допускался к занятиям в спортивной секции, а тем более к соревнованиям. Если школьники какого-либо класса хотели организовать волейбольную команду или секцию бокса, то состав ее утверждал вместе с капитаном команды и классный руководитель. Неуспевающих переводили в запас, какие бы они замечательные игроки или чемпионы ни были.

Школьники стали добиваться исправления отметок: от их успехов зависела честь класса и школы.

Некоторые неуспевающие первое время пытались все же приходить после уроков в секцию спорта. Но скоро они привыкли к команде, которая подавалась до начала тренировки или игры:

— У кого плохие отметки, выйти из строя!

В третьей четверти Давыдкин исправил свои отметки, а скоро стал одним из лучших учеников шестого класса. И внешний вид его изменился: гладко стриженный, аккуратный, подтянутый, он стал примером для ребят. Товарищи выбрали его старостой класса. Усиленные занятия не отразились на его спортивных успехах, а если отразились, то тоже в лучшую сторону: Давыдкин выиграл звание чемпиона ВЦСПС по конькам в группе мальчиков.

— Мои спортсмены — лучшие ученики! — могла сказать Елена Александровна Кооль на очередном педагогическом совете, где специально разбирался вопрос о постановке физического воспитания.

В классе, которым руководит преподавательница математики Мария Михайловна Зюзина, 19 значкистов «БГТО», две волейбольные команды, команда гимнастов, отличные лыжники,

Директор школы И. А. Павленко беседует с физкультурниками.

Фото Дм. Бальтерманца

Матчи теннисистов

На протяжении месяца в Советском Союзе гостила венгерская спортивная делегация, состоявшая из сильнейших теннисистов республики.

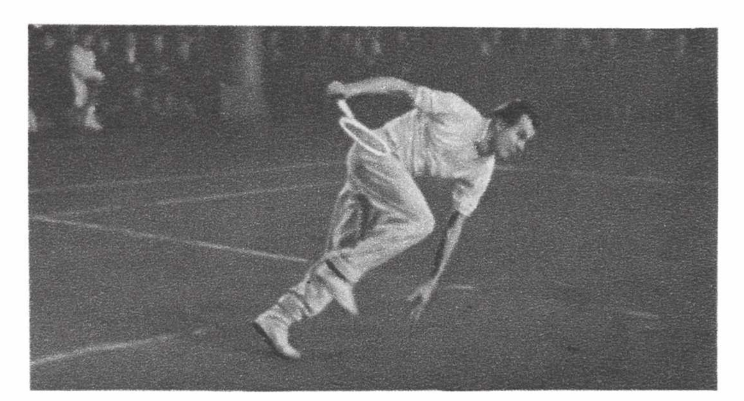
Венгерские теннисисты по праву считаются теперь одними из лучших в Европе. Их успехи связаны с общим расцветом физической культуры и спорта в Венгрии, где новый, народно-демократический строй создает для этого исключительно благоприятные условия. Даже такой вид спорта, как теннис, который до войны был в основном привилегией аристократов и богачей, становится теперь достоянием широких слоев трудящихся. За последние годы в Венгрии построено много новых кортов, в том числе и закрытых; значительно увеличилось число людей, занимающихся теннисом, вырос и класс их игры. Вместе с теннисистами Чехословакии венгерские спортсмены успешно завоевывают передовые позиции в европейском теннисе.

Лучший игрок Венгрии Иожеф Ашбот (из клуба «Вашаш»), славящийся подвижностью и исключительно точной и расчетливой игрой, получил всеобщее признание, как мастер мирового класса. Он и чех Я. Дробный возглавляют список десяти лучших теннисистов Европы и входят в десятку сильнейших игроков мира.

Иожеф Ашбот одержал в прошлом году в международных соревнованиях две крупных победы над Я. Дробным, американцами Т. Брауном, Патти и Вудом, шведами Бергелином и Иогансоном, итальянцем Кучелли, южноамериканцем Стаджерсом, французом Абдеселамом и др.

Вторая ракетка Венгрии — Андреаш Штольпа, из клуба «Ференцварош»,— официальный чемпион страны 1948 года (Ашбот в этом первенстве не участвовал). Штольпа известен под псевдонимом Адам как артист венгерских театров.

В спортивном активе весьма разнообразно играющего Штольпа победы над такими сильными теннисистами, как французы Дестремо и Абдеселам, югослав Митич, американец Патти. Штольпа (вместе с Ашботом) защищал спортивную честь Венгрии в играх на кубок Дэвиса.

Теннисист А. Штольпа отбил очень трудный мяч у сетки.

Фото О. Кнорринга

К ведущей группе венгерских теннисистов относятся очень подвижной, темпераментный и старательный З. Катона (из клуба «Уйпешт»), финалист юношеского уимблдонского турнира прошлого года Д. Вад (из клуба «Вашаш») и Д. Биркаш (из клуба «Ференцварош»).

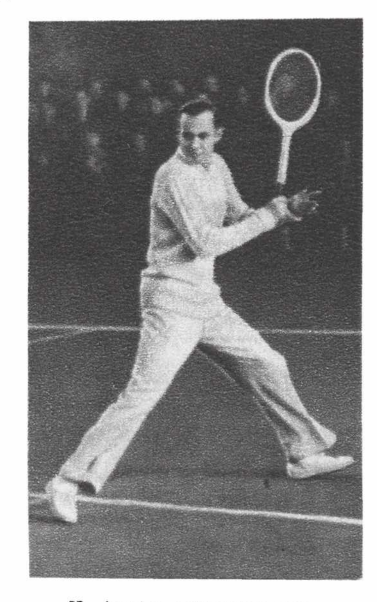
За время пребывания в СССР венгерские теннисисты приняли участие в учебно-тренировочном сборе советских теннисистов. Они провели совместные тренировки и три товарищеские встречи.

Первая из них, разыгранная на кортах московского стадиона «Динамо», окончилась победой советских теннисистов со счетом 4 : 2; вторую выиграли венгерские спортсмены со счетом 5 : 4; наконец, третья, сыгранная в Ленинграде, дала ничейный результат — 3 : 3. Таким образом, общий счет всех проведенных встреч — 11 : 10 в пользу советских теннисистов.

На совместных тренировках и товарищеских встречах венгерские теннисисты показали себя высокотехничными игроками, владеющими сильной и точной подачей, активными ударами слева, уверенной игрой с лёта при выходах к сетке. Они блеснули разнообразием ударов (косых и прямых, длинных и укороченных, закрученных и резанных), точностью и хорошим темпом. Слабее, как по технике исполнения, так и по силе, оказались удары справа и «смеши» — основные средства атаки теннисиста.

Матчи показали, что большинство советских теннисистов выгодно отличается от венгерских игроков более атакующим стилем игры: сильной подачей, мощным ударом справа и быстрым выходом к сетке.

Из советских теннисистов лучших результатов в личных встречах добились С. Андреев и Е. Корбут, выигравшие каждый по три встречи из трех. Заметно растущий С. Андреев последовательно победил Д. Вада со счетом 6 : 0, 6 : 4, З. Катона — 6 : 2, 6 : 3 и в исключительно напряженном матче — А. Штольпа — 5 : 7, 7 : 5, 6 : 4. Е. Корбут победил Д. Биркаша, Б. Пете и Д. Вада. Две победы из трех имел М. Корчагин. Уверенная и точная игра Б. Новикова с задней линии принесла ему убедительную победу над А. Штольпа — 6 : 0, 6 : 3.

И. Ашбот отбивает мяч.

Из венгерских теннисистов наибольшего успеха добился И. Ашбот. Все встречи он провел без поражений.

Совместные тренировки и товарищеские встречи советских и венгерских теннисистов явились прекрасной подготовкой к итоговым соревнованиям спортивной зимы — Всесоюзному соревнованию сильнейших теннисистов на закрытых площадках.

В. КОЛЛЕГОРСКИЙ

легкоатлеты и пловцы. И все успевают в учебе.

Мария Михайловна Зюзина — парторг школы. Она по-настоящему, по-большевистски заботится о воспитании юношества, и школьники отвечают ей новыми успехами.

При таком большом вовлечении учащихся в спортивную жизнь один преподаватель физкультуры никогда бы не справился с работой. Ему помогают сами школьники, создавшие спортивный совет. В состав совета входят лучшие ученики — чемпионы школы. Председатель совета — девятиклассник Сучков, значкист «ГТО» второй степени, имеющий третий разряд по легкой атлетике. Каждый член совета отвечает за какой-нибудь вид спорта: за гимнастику — Павлов, за легкую атлетику — Васильев, за коньки — Давыдкин, за бокс — Семенилков, за волейбол — Суслов, за шахматы — Голубев.

Собираясь раз в месяц, совет обсуждает план работы, календарь встреч, разбирает результаты игр, назначает судей на соревнования. От комсомольской организации, как правило, присутствует Савченко. И, конечно, на совет приглашается директор школы Иван Александрович Павленко.

Комсомольская организация тесно связана с советом. Да разве может быть иначе, если все члены совета — комсомольцы!

Спортивный коллектив ежедневно чувствует заботливую руку директора и в хозяйственных вопросах. То, что спортивный зал в полном порядке, то, что занятия секций проводятся нормально, — большая заслуга Ивана Александровича. Придите после уроков на занятия секций, и вы увидите гимнастические снаряды: турник, кольца, шведскую лестницу, — увидите учеников в одинаковой спортивной форме, с эмблемой школы на майке. Костюмы, эмблемы, спортивное знамя школы, возможно, покажутся мелочами, но И. А. Павленко придает им немалое значение.

У директора школы нет приемных часов, к нему можно обращаться в любое время. Вот в кабинет вошел девятиклассник Лаврухин, отличный спортсмен и ученик. Ему нужно согласовать вопрос об устройстве соревнований в период весенних каникул. Директор дает свое разрешение, потом спрашивает как бы между прочим:

— Как дома, Лаврухин?

— Все так же... Не очень хорошо...

Ученик выходит, а директор делает пометку в своем памятном календаре: «Помочь Лаврухину». Он знает, что в семье ученика неблагополучно, нужна материальная помощь. Лаврухин — гордость школы, хороший ученик и чемпион по лыжам. Недавно он самостоятельно делал доклад о постановке физической культуры в Советском Союзе.

Звонит телефон. Иван Александрович снимает трубку. Говорят из 1-й школы Ленинского района: спортсмены этой школы хотят встретиться с волейболистами 315-й и просят назначить игру на двадцать пятое.

— Двадцать пятого? — директор поворачивается к расписанию на стене. — В этот день не выйдет: у нас начинаются классные работы. После двадцать седьмого милости просим, если хотите... проиграть нашим, — заканчивает он с лукавством и, повесив трубку, говорит: — Набьют им наши по первое число!

Он вспоминает, что нужно позвонить в общество «Труд», которое давно уже обещает пианино для спортзала, и товарищу Лачинову, директору кондитерской фабрики имени Бабаева, которая шефствует над школой. Шефы обещали помочь в ремонте спортзала и уже прислали столяра, который чинит инвентарь. Надо поблагодарить их, а кстати, напомнить о других обещаниях!

Везде изыскивает директор дополнительные средства на физкультурную работу. В школе есть боксерские перчатки, есть рапиры для фехтования, но нет тренеров. Зато тренеры имеются в районной детской спортшколе, куда ходят заниматься ученики. Не лучше ли перенести их занятия в школу? Пусть тренеры растят смену прямо здесь, в школьных секциях. А институт физкультуры, чьи студенты проходят преддипломную практику в школе, помогает другим способом: в последнюю субботу каждого месяца в спортзале школы устраиваются показательные выступления мастеров спорта из института, которые демонстрируют учащимся свое высокое искусство.

В школу приходят делегации молодых врачей, будущих специалистов по лечебной и школьной физкультуре, чтобы поучиться методике занятий. Здесь около года ведут научно-исследовательскую работу сотрудники лаборатории физического воспитания Академии педагогических наук. При помощи точных приборов они изучают физиологическую реакцию детского организма на отдельные упражнения.

Для многих школа № 315 является образцом постановки физического воспитания учащихся. Но директор не всем еще доволен. У него широкие планы на будущее. Нужно будет обязательно добиться средств для расширения спортивного зала. Если отодвинуть на несколько метров заднюю стену, то площадь его значительно увеличится.

Есть и другие интересные мысли у директора. Хорошо бы, скажем, сделать резиновую дорожку для разбега, надувные маты, барьерчик вокруг стен для занятий гимнастикой... Кое-что можно будет сделать уже нынешним летом, когда школьники разъедутся на каникулы. Для тех, кто останется в Москве, все лето будет открыта пришкольная спортплощадка с гимнастическим городком, с баскетбольной и волейбольной площадками, сектором для прыжков. Если удастся, школа организует туристский лагерь и велопробег километров на 500—600.

Много, очень много можно сделать для школы, если директор душой болеет за ее славу. И слава школы гремит в районе.

СПОРТИВНЫЕ ФЕРМЫ И КОНЮШНИ

Сем. НАРИНЬЯНИ

«Когда я вижу хорошего спортсмена, я не спрашиваю, кто он, я спрашиваю, сколько он стоит, и покупаю».

Эти слова принадлежат известному американскому спортивному антрепренеру Стонхему. У себя, за океаном, бизнесмены не только говорят, но и пишут о спорте, как барышники.

Вот объявление из «Справочника менаджера»:

«Боксерская конюшня юга располагает боксерами любых категорий. Она же производит набор молодых дарований».

Заметьте, не клуб, не школа, а конюшня. Цинично, но точно, ибо здесь спортсменов не учат, не воспитывают. Молодые дарования в этой конюшне «дрессируются», «натаскиваются» и затем выставляются на всеамериканский спортивный рынок для продажи. В отделе хроники так и пишут:

«Уорен Джилс удачно продал партию товара из своей фермы «кливлендским индейцам».

На ферме Джилса разводят не уток и не ягнят. Джилс — это известный в Нью-Йорке бейзбольный антрепренер, и когда газеты пишут: «Товар с фермы Джилса», — значит, репортер ведет речь об очередной спортивной спекуляции.

Они именуют «товаром» не только бейзболистов, но и боксеров, теннисистов, легкоатлетов. И в Америке и в Англии спортсменов продают и покупают совершенно легально, не из-под полы, а с ведома и благословения правительства.

Три года назад, когда футбольная команда «Динамо» ездила в Англию, клуб «Челси» решил усилить линию своего нападения и купил за 14 тысяч фунтов стерлингов лучшего форварда Великобритании, Томми Лаутона. «Челси», как известно, потратился в тот раз зря, ибо «лучший» не помог англичанам добиться победы в матче с динамовскими футболистами. И вот теперь, как сообщают английские газеты, «Клуб «Челси» лишился лучшего «скакуна» своей конюшни, продав за 17 тысяч фунтов знаменитого Томми клубу «Ноттс Каунти».

Нашим спортсменам знакомо имя и другой европейской знаменитости, Гуннара Нордаль. Два года назад в матче с московскими динамовцами Нордаль возглавлял линию нападения команды «Норрчепинг». Стокгольмские газеты называли тогда своего центр-форварда «гордостью нации». Сейчас Гуннар Нордаль не защищает уже спортивную честь Швеции: он выступает в составе итальянской команды «Милан».

Почему?

Очень просто. На спортивном рынке состоялась очередная торговая сделка. Итальянцы предложили шведам за Нордаля 100 тысяч крон. Шведы потребовали 150 тысяч. Начался торг, и в результате «гордость нации» оказалась проданной.

Буржуазным спортивным дельцам чуждо чувство родины, чувство патриотизма. Они пускают свой «товар» в продажу не только на внутренний рынок, но и на вывоз. Главное для них—деньги. Кто больше заплатит, тот и возьмет. А раз деньги заплачены, то буржуазный спортсмен с одинаковым старанием начинает забивать голы и за своих, и за чужих, и даже за врагов.

В прошлом году французские дельцы продали двух игроков из сборной Франции — Бен-Барека и Доминго — клубу франкистской Испании «Атлетико». Вы думаете, французские футболисты протестовали? Ничего подобного. Протестовали и возмущались французские рабочие, а что касается Бен-Барека, то он быстро прижился в фашистской команде и помог в этом году франкистам победить футболистов Франции.

На западе спорт давно уже превратился в бизнес. Наряду с галантерейными, пивными и мясными королями в Америке имеются и спортивные короли. Здесь коронуют не тех, кто быстрее всех бегает или выше других прыгает. Спортивный чемпион — только товар, а король — тот, кто больше всех на этом товаре зарабатывает.

Ради своих барышей все эти короли, боссы и антрепренеры от спорта заводят «боксерские конюшни» и «бейзбольные фермы». В этих конюшнях наращиваются мускулы и растлеваются души. Здесь в человеке уничтожается все человеческое. Люди перестают быть людьми, и когда они превращаются в товар, Уорен Джилс стравливает «мальчиков со своей фермы» с «мальчиками из конюшен Горация Стонхема», и газеты поднимают шум вокруг предстоящего матча.

«Кливлендские индейцы» против «Техасских пантер»!

— Заключайте пари! Делайте ставки на «пантер»! — с настойчивостью ярмарочных зазывал советуют всем и каждому спортивные обозреватели и радиокомментаторы.

И вот раскрываются двери многочисленных тотализаторов. Пожалуйста, входите! В левом окне американец может заключить пари на лошадь карей масти, участницу завтрашних скачек; в среднем—попытать счастья на собачьих бегах и поставить деньги на лягаша или пойнтера, а в правом — сделать ставку на предполагаемого победителя бейзбольного или теннисного матча.

Спортивные соревнования, в нашем понимании, уже давно не проводят в Америке не только спортсмены-профессионалы, но и так называемые любители.

«С тех пор, — признался недавно корреспондент спортивного отдела американского агентства «Юнайтед пресс» Френи,— как студенческие баскетбольные матчи начали устраиваться в Мэдисон Сквер-гардене (крупнейший стадион Нью-Йорка), стали неизбежными попытки заранее определить исход игры ради выигрыша пари».

Как же предопределяется в Америке исход игры? Может быть, антрепренеры, обозреватели и комментаторы берут во внимание спортивную технику, класс команды, ее сыгранность? Нет. Деньги — вот тот решающий фактор, который определяет будущего победителя.

Сейчас в Нью-Йорке поднят газетный крик вокруг взятки, которая была предложена баскетболистам Вашингтонского университета за то, чтобы они проиграли своим противникам матч, назначенный в Мэдисон Сквер-гардене.

Но разве это первый случай подкупа? И разве это делается только в одном Нью-Йорке? Факты продажности можно найти в любом американском городе.

Иногда на поверхность всплывает какая-нибудь грязная история из сотен других таких же дел, остающихся неразоблаченными. В прошлом году были пойманы с поличным игроки бостонской хоккейной команды, которые получили взятку, чтобы проиграть матч хоккеистам Чикаго. Еще раньше была раскрыта футбольная афера, когда «чикагские медведи», подкупив «нььюйоркских гигантов», мошеннически выиграли финальный матч на «Кубок США». А до этого случая газеты кричали по поводу взятки, полученной спортсменами Бруклинского университета.

Таковы нравы. Сегодня спортивные антрепренеры Чикаго подкупают ньюйоркцев, а завтра ньюйоркские боссы дадут взятку игрокам Чикаго. Вопрос решается у них не спортивным престижем того или иного города, а количеством ставок в тотализаторе. Выгодно спортивным заправилам подкупить бруклинских студентов, они подкупают и обирают тех доверчивых американцев, которые заключали пари, делали ставки.

Низкие, тлетворные нравы! Редактор журнала «Ринг», который сам активно насаждает эти нравы, пытается объяснить взятки и подкупы тем, что вокруг американского спорта кружится много всяких темных личностей.

— Если бы сверить оттиски пальцев всех менаджеров, судей и антрепренеров, — сказал както этот редактор, — и взять на учет преступников, американский спорт сразу бы очистился от всякой скверны.

Нет, не очистился бы. Разве зло только в менаджерах и бейзбольных судьях? Американский спорт лишь копирует грязные нравы и обычаи, которые характеризуют все прочие стороны американской жизни. И уж если говорить об оттисках с пальцев, то надо к числу всяких спортивных дельцов прибавить также и тех прохвостов, которые находятся на более высоких ступенях социальной и административной лестницы буржуазного общества, ибо главные преступники, калечащие жизнь американской молодежи, находятся среди них.

Рисунки Г. Валька

НА ПРИУСАДЕБНОМ УЧАСТКЕ

ЗЕМЛЯНИКА

Многие колхозники, рабочие и служащие выращивают на своих усадьбах и дачных участках крупноплодную садовую землянику, неправильно называемую клубникой. По внешнему виду растение и плоды крупноплодной садовой земляники мало отличаются от клубники, но ботанически это различные растения. Ягоды клубники ароматнее и вкуснее ягод земляники, однако урожаи клубники в 3—4 раза ниже.

В подмосковных хозяйствах клубника сохранилась лишь в коллекционных посадках и у отдельных любителей; большинство же культивирует крупноплодную садовую землянику как культуру, дающую на хорошо удобренных участках высокие урожаи прекрасных ягод (100—200 килограммов с сотки). Не удивительно, что тысячи любителей садят на своих участках такие высокоурожайные новые сорта земляники, как «мысовка», «красавица Загорья», «поздняя из Загорья», «обильная» и другие.

Прошедшая зима в ряде районов была неблагоприятна для зимовки земляники. Она хорошо зимует только под снежным покровом, а без него повреждается уже при —10, —15 градусов Цельсия.

В начале зимы в ряде областей долго держались морозы без снега, когда температура опускалась до —20, —22 градуса. В совхозах и колхозах были приняты меры для защиты земляники от холода (ее укрывали соломой, опилками, торфом, навозом и т. п.). На

Левая сторона куста погибла от мороза. Правая — пострадала, но еще жива.

индивидуальных участках такой защиты, за небольшим исключением, не проводили, и земляника пострадала от мороза. Наши наблюдения показывают, что сильнее пострадали плодоносящие кусты и значительно меньше — молодые посадки.

Земляника — травянистое растение, но при внимательном рассмотрении можно убедиться, что оно похоже по своему строению на древовидное растение. Земляника имеет многолетний, ветвящийся стебель, представляющий собой короткие утолщения, ежегодно нарастающие и постепенно поднимающие листья куста над землей (см. схему).

У земляники, поврежденной морозом, в текущем году явно пострадали прошлогодние листья; сейчас они имеют бурый цвет, осклизли и начали разлагаться. Сердечки, как правило, не пострадали, и, если их аккуратно вскрыть, можно видеть здоровые, зеленые зачатки новых листьев.

Хуже дело обстоит со стеблевыми отростками у плодоносящих кустов; находясь на высоте 5—8 сантиметров над землей, они сильно подмерзли, а по ним поступают вода и питательные вещества из почвы к листьям. Часть стеблей имеет еще живые ткани узкой полоской окружающие ткани, погибшие от мороза. Такие частично поврежденные растения могут еще оправиться весной. Кое-где повреждены корни, которые при создании нужных условий быстро отрастают.

Первой заботой садовода весной на поврежденных морозом земляничных плантациях должно быть: рыхление слоя почвы вокруг кустов земляники с присыпкой всех стеблей рыхлой землей, притенка (мульчирование) почвы вокруг растений торфом, опавшим листом, перепревшими опилками, мелким перепревшим навозом, чтобы сохранить влагу в почве. Затем надо убрать все загнившие и засохшие старые листья и разрыхлить почву между рядами земляники.

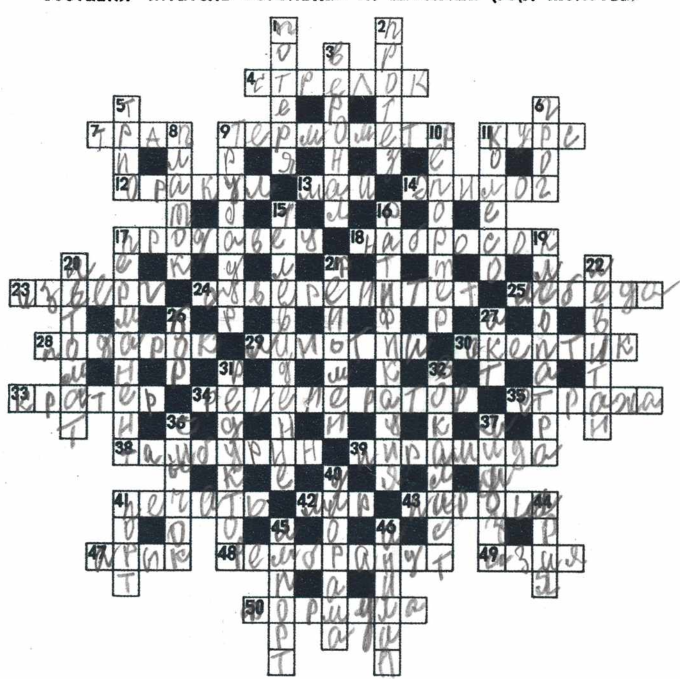
Посадки земляники на индивидуальных участках вокруг наших городов и на усадьбах колхозников должны быть в 1949 году приведены в порядок и значительно расширены.

По вопросам посадки, удобрения и ухода за земляникой можно обращаться на Московскую плодово-ягодную опытную станцию: Бирюлево-Пассажирская, Московско-Донбасской железной дороги (Загорье).

Кандидат сельскохозяйственных наук **В. ЛЕБЕДЕВ**

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» **Н. ШУЛАЕВ** (гор. Молотов)

По горизонтали:

4. Военнослужащий стрелковых войск. 7. Лестница на судне. 9. Прибор для измерения температуры. 11. Направление корабля. 12. Прорицатель. 13. Название месяца. 14. Заключительная часть сочинения. 17. Работник прилавка. 18. Черновая работа. 23. Злодей. 24. Независимость государства. 25. Сорная трава. 28. Преподношение. 29. Наборная машина. 30. Человек, во всем сомневающийся. 33. Жерло вулкана. 34. Прибор для сохранения теплоты. 35. Охрана. 38. Бубен. 39. Геометрическое тело. 41. Пресса. 42. Вселенная. 43. Длинный челн. 47. Оросительная канава. 48. Голландский художник. 49. Часть света. 50. Точное определение какого-нибудь понятия.

По вертикали:

1. Утрата. 2. Искусственная часть тела. 3. Снотворное. 5. Музыкальный ансамбль. 6. Напиток. 8. Головной убор. 9. Странствующий певец средневековья. 10. Сотрудник газеты. 11. Часть повозки. 15. Передача изображения на расстояние. 16. Утверждение верховной властью международного договора. 17. Завивка. 19. Женское имя. 20. Огнестрельное оружие. 21. Редкое явление. 22. Русский художник. 26. Лес. 27. Действие. 31. Деталь машины. 32. Певец. 36. Принадлежность смычковых музыкальных инструментов. 37. Растение. 40. Просвечивающая картина. 41. Место стоянки судов. 44. Вокальное произведение. 45. Ввоз иностранных товаров. 46. Жидкость для изготовления анилиновых красок.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 16

По горизонтали:

3. Лангуст. 6. Застава. 10. Ваза. 11. Нерв. 12. Картон. 16. Соната. 18. Валет. 20. Канал. 21. Муар. 22. Рассказ. 23. Пике. 24. Лагор. 26. Навоз. 28. Сенат. 30. Гонор. 31. Наган. 32. Гора. 33. Грот. 34. Залог. 37. Линек. 39. Текст. 43. Банан. 45. Мотор. 47. Шкаф. 48. Динамик. 49. Парк. 50. Лимит. 52. Носок. 54. Лектор. 56. Нерест. 58. Лоно. 59. Торф. 60. Тоннель. 61. Граната.

По вертикали:

1. Фаза. 2. Свет. 3. Лакомка. 4. Нарвал. 5. Укол. 7. Слон. 8. Анализ. 9. Арабеск. 13. Тарас. 14. Нерон. 15. Роса. 16. Сазан. 17. Напор. 19. Таран. 20. Канон. 25. Георгин. 27. Возраст. 29. Табак. 30. Гавот. 34. Зенит. 35. Гемин. 36. Кашалот. 37. Лафит. 38. Надир. 40. Конон. 41. Топор. 42. Макитра. 43. Балкон. 44. «Мать». 46. Ракета. 51. Море. 53. Сеча. 55. Енот. 57. Соты.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ

«КВИТАНЦИЯ» (№ 9)

Бумага приготовляется главным образом из химически обработанной древесины — целлюлозы — и из механически истертой древесины. При размельчении и перемешивании этой массы волокна ее располагаются беспорядочно. Так как количество волокон в бумажной массе бесконечно велико, а расположение их бесконечно разнообразно, то бесконечно разнообразна и конфигурация линий разрыва бумаги. Зная это из опыта, продавец взял лист бумаги и, не перегибая его, разорвал на две части, а потом сличил линию разрыва.

«НАШИ ПРАРОДИТЕЛИ» (№ 9)

У каждого — отец и мать, то есть 2 человека, по линии отца дедушка и бабушка и по линии матери дедушка и бабушка — всего 4 человека. У этих четырех человек родителей будет 8 человек — это прадедушки и прабабушки; у них родителей будет 16 человек и т. д. Получается геометрическая прогрессия, сумма членов которой будет: $2 + 2^2 + 2^3 + 2^4 + 2^5 + \ldots + 2^{20} = 2.097.150$ человек.

«ТРОЕ» (№ 9)

Если от ее годов вычесть разность наших лет, то полученное число будет равно сумме наших лет. Значит, она старше меня вдвое. Поэтому, когда ей было столько лет, сколько теперь мне, то я в этом году родился.

Вечерние платья

1. Художник—Фукс (Баку). 2. Художник—Гореленкова (Москва). 3. Художники — Саркисян и Калантадзе (Тбилиси).

Главный редактор — **А. А. СУРКОВ.**

Редакционная коллегия: **С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.**

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А — 01042. Подписано к печати 19/IV—49 г. Изд. № 232. 5½ печ. л. Тираж 350 000. Заказ 820. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

5 мая
открытие
летней
навигации

ВСЕ СТОЛИЦЫ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК, КРУПНЫЕ ГОРОДА, КУРОРТЫ КРЫМА И КАВКАЗА СВЯЗАНЫ ВОЗДУШНЫМ СООБЩЕНИЕМ.

ПРИОБРЕТАЙТЕ БИЛЕТЫ НА САМОЛЕТЫ В ГОРОДСКИХ АГЕНТСТВАХ АЭРОФЛОТА.

В Москве предварительная продажа билетов производится ежедневно по адресу: пл. Свердлова, здание гостиницы «Метрополь» и Театральный проезд, Лубянский пассаж, 2-я Линия.

Справки по телефонам: К 4-71-60, К 3-46-45, К 3-41-44.

Цена 3 руб.

